

Вісник

**Дніпропетровського
університету**

Науковий журнал

№ 11

Том 19

2011

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (*голова редакційної ради*); акад. Академії наук ВО України, д-р техн. наук, проф. **М. М. Дронь** (*заст. голови*); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгалюк**; чл.-кор. АПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед. наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. АПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р філос. наук, проф. **В. О. Панфілов**; д-р біол. наук, проф. **О. Є. Пахомов**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн. наук, проф. **Ю. Д. Шептун**.

Серія: МОВОЗНАВСТВО

Випуск 17, том 1

Дніпропетровськ
Видавництво
Дніпропетровського
національного університету

Розглянуто актуальні проблеми лексики, семантики та граматики слов'янських та західноєвропейських мов. Значну увагу приділено аналізу інноваційних процесів у сучасних мовах, дослідженню мовних явищ та одиниць у комунікативно-прагматичному, лінгвокогнітивному і лінгвокультурологічному аспектах; опису функціональних різновидів мовлення, у тому числі мови Інтернету; питанням перекладу та лінгводидактики.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, що цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассмотрены актуальные проблемы лексики, семантики и грамматики славянских и западноевропейских языков. Значительное внимание уделено анализу инновационных процессов в современных языках, исследованию языковых явлений и единиц в коммуникативно-прагматическом, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах; описанию функциональных разновидностей речи, в том числе языка Интернета; вопросам перевода и лингводидактики.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of phonetics, grammar and semantics of Eastern Slavonic and West European languages are regarded. A great attention is paid to the research of language phenomena and units in communicative-pragmatic, linguocognitive and linguocultural aspects, to the description of functional variants of speech. The chronicles are published.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я :

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. редактор), д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (зам. відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **Ж. П. Колоїз**, д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**, д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**, д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**, д-р філол. наук, проф. **О. А. Семенюк**, канд. філол. наук, доц. **І. І. Турута** (відпов. за випуск).

Редакція не завжди поділяє точку зору автора публікації. За точність викладених фактів відповідальність покладається на авторів.

Р е ц е н з е н т и :

д-р філол. наук, проф. **Н. П. Тропіна**
д-р філол. наук, проф. **Л. А. Петрова**

УДК 81'373.614.046.16

Д. П. Амичба

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

«ГРЕХ» – «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ» КОНЦЕПТ-КОНСТРУКТ В МЕНТАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ АБХАЗОВ, РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ

Проаналізовано концепт-конструкт «Гріх». На матеріалі абхазької, російської та української фразеології зіставляються та порівнюються такі поняття, як «Зло», «Добро», «Серце = Душа».

Ключові слова: концепт, природа зла, ментальний образ, загальнолюдське.

Проанализирован концепт-конструкт «Грех». На материале абхазской, русской и украинской фразеологии сравниваются и сопоставляются такие понятия, как «Зло», «Добро», «Сердце = Душа».

Ключевые слова: природа зла, концепт, ментальный образ, общечеловеческое.

The concept «Sin» is analysed in the article. On the basis of Abkhazian, Russian, Ukrainian phraseological units the concepts of «Evil», «Heart», «Soul», «Good» are compared.

Keywords: concept, sin nature, mental representation, humanity.

Указанная статья является частью темы, которая разрабатывается и изучается нами. **Цель** данной статьи – анализ ментального конструкта «Грех» и структурирующего его понятия «Зло». Задача – описать концепты «Грех», «Зло», показать на сравнительно-сопоставительном материале связь с общечеловеческой базовой константой «Сердце = Душа».

Слово *грех* в одной из своих дефиниций получает следующее толкование: «то, что лежит на совести, отягощает её как чувство вины» [10, с. 144], совесть, как известно, «чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми» [10, с. 741], вина же определяется как «проступок, преступление, ... причина, источник неблагоприятного» [10, с. 83]. Этимология слова «грех» восходит к таким понятиям, как «ошибка, промах, погрешность, провинность» [3.]. Богословы, говоря о грехе, чётко противопоставляют человеческую плоть его душе. Грех присутствует там, где «плоть цветёт, а душа вянет; плоть пространна, а душа в тесноте; плоть пресыщена, а душа голодует; плоть разукрашена, а душа безобразна; плоть благоухает, а душа смердит; плоть разливается в смехе, а душа кругом в беде; плоть в свете, а душа во мраке, в адском мраке» [5, с. 50]. Если бы человечество до конца понимало глубину этих слов, то, наверное, никогда не знало, что такое «Грех». Для абхазов *Агэнаха* «Грех» досл. «Сердце – там – высоко (далеко)». Сердце человека, совершающего грех, по представлениям абхазов, находится далеко, другими словами, такой человек лишён сердца, или основания души. Ответить однозначно на вопрос, что такое грех, не представляется возможным. Святые отцы Церкви не раз задавали себе этот вопрос и находили ответ в следующем: «Не живёт Господь в том сердце, в котором царит жадность, пристрастие к земным благам, к слятям земным, к деньгам...» [5, с. 3]. *Агэнаха казцо – Агэнаха дакэшиэоит* «Совершишь грех – грех и получишь», – учили нас родители. Грех находится в сердце человека, где «живёт жестокосердие, гордость, высокомерие, презрение, мщенье, зависть, скупость, суетность и

тищеславие, кража, обман, лицемерие и притворство, хитрость, ласкательство и пресмыкательство, блуд, сквернословие, буйство, измена, клятвопреступление» [5, с. 4]. Итак, природа греха в самом человеке, в его душе = сердце. «Душа человеческая есть простое существо, и одно мгновенное движение сердца ко греху есть уже грех» [5, с. 3]. Разве не понимает человек, что грех «растлевает» души и тела, «уносит» из сердца «Веру» и «страх Божий» [5, с. 13]. Человек грешен – в этом заключается суть сказанного выше. Рассуждения Ю. Степанова о грехе и грехопадении наводят на следующую мысль. Наверное, человеку не дано до конца познать смысл *добра и зла*. Пытаясь вкусить с древа познания эдемский плод, прародители рода человеческого, Адам и Ева, совершили грех. Цитируя вслед за Ю. Степановым С. Кьеркегора и В. Н. Лосского, отметим, что «первородному греху предшествовало нечто как его основание...». До грехопадения, как считает Кьеркегор, было «ощущение беспокойства, страха, тоски... до грехопадения дух человека был в состоянии сна...». «Грех разрушил первоначальный план – прямое и непосредственное восхождение человека к Богу» [13, с. 911–913]. Мы не сомневаемся в том, что «Грех» «грызёт и сосёт» сердце человека и «всё его существо». Грех – «колючее терние, терзающее непрестанно душу; грехи – духовная тьма» [5, с. 13]. Фразеологизм как *Смертный грех* понимается в прямом смысле. Такой грех нельзя искупить, совершивший его вечно будет мучиться в аду. Человек всегда способен совершить грех, отсюда *Долго ли до греха*. Фразеологизмы *Хватит греха на душу* = ср.: укр. *Брати / узяти (взяти) гріх на душу; Убresti в гріх; Увести в гріх; Узяти гріх на сумління; Упасти в гріх* являются подтверждением тому, что человек – слабое существо, греховное, нарушающее заповеди Бога. *С грехом пополам* – человек, всегда балансирующий между добром и злом, о котором можно сказать: ничто греховное ему не чуждо. *Грешным делом* – так оцениваем свои поступки, когда хотим признаться в своих ошибках, слабости, вине [17, с. 153; 15, с. 97]. Слово «грех» – общечеловеческая константа. Поэтому, например, англичане так же, как и русские, понимая смысл, заложенный в этих словах, констатируют – *It would be just to say* «Грех сказать»; *To sin against the truth* «Грешить против истины (здесь, правды)» [9, с. 530]. *Грехи любезны доводят до бездны*, – заключает народная мудрость. *Що тіло любить, тее душу губить* – главная мысль общечеловеческой морали. Человек всегда *В гріхах як у реп'ях* = ср.: русск. *Греха не оберёшься*. Природа греха сложна, поэтому *Гріх не мішком зав'язати та під лавку сховати* [11, с. 28–29]. В абхазском языке слова *Агэнаха* «Грех» и *Агэнахакацасэ* «Грешный человек» находятся на одном ментальном уровне с понятием «*Апсы кьашь = Агэы кьашь*» «Грязная душа = грязное сердце». В аспекте сказанного привлекает следующая мысль: «Двойственность «осязаемого» мира – константа, принявшая в христианстве вид противопоставления «Святого» и «скверны», продолжившего раннее представление о строении мира: святой, «верхний» мир противопоставляется «нижнему», «подземному», как «рай» «аду»...» [13, с. 872]. Святое // скверна, добро // зло – оппозиции ментальных полей. Почему добро и зло, святое и скверна должны «ненавидеть» друг друга? Почему в человеке периодически проявляются эти качества, «внося привычно зловещее разнообразие в нашу жизнь» [8, т. 3, с. 180]? *Зло* интерпретируется как «нечто дурное, вредное, противоположное добру», а *злота* – с тем же корнем в словарях определяется как «чувство злости», недоброжелательности. С рассматриваемым корнем употребляются и такие слова, как *злоститься* («злостовывать»), *злостный* («пропитанный злобой») и т. д. В указанном источнике встречаются более 40, а если точнее, 44 как простых, так и сложных слов, содержащих анализируемый корень. Заметим, что все они репрезентанты слов негативной оценки человека, его действий к окружающей действительности [10, с. 230]. *Зло, злий,*

злхословити, злісливий, злісливо, злісниця, злість, злоти, злоба, злобитель, злобителька, злобливий, злобний, злобствувати = злобувати, злодарний ('нечестивий, безбожний'), злодієнко ('сынъ вора'), злодій, злодійка, злодійкувати, злодійство, злодійствувати, злодійський, злодіяка, злодіячити, злодіячка, злодюга [4, т. 2, с. 160] – слова с тем же корнем и с той же отрицательной оценкой человека приводит в своём словаре Б. Д. Гринченко. Злой человек, в представлении абхазов, – это тот, кто не имеет сердца, совести, кто предаёт сердце анафеме. Слово *агэнаха* переводится ещё и как зло, сотворённое человеком по отношению к кому-то, дословно можно перевести и как «сердце – проклятие, анафема». Зло – это большая беда, которая может обрушиться на человека. Все, кто переступает нравственные законы, одержимы злом. Зло, проникая в человека, начинает внутри него свою чёрную работу – нравственно разлагать его. Отсюда, *злой* – ненавистный окружающим, приносящий горе, калечащий судьбы человеческие, нарушающий мир и покой семьи, вносящий смуту в души людские. Постичь природу зла и разложить его на составляющие во все времена пытались умы человечества. Не приходится сомневаться в том, что шлейф зла стелется за нравственными уродами, или нравственными мертвецами, злыми, хитрыми, коварными от природы. Такие не только питаются, если можно так сказать, жизненными силами и энергией окружающих, но и приносят в жертву ни в чём не повинных людей. История знает таких «героев», врагов рода человеческого, кто в угоду своим страстям и желаниям пролил немало крови, лишив жизни сотни, миллионы людей. Зло, к сожалению, родилось с человечеством и сопровождает его всегда. Морфология зла, думается, заложена в видимости любви, в желании «внушить людям любовь» [6, с. 304], при этом не испытывая этого чувства. А если быть точнее, не любить никого, кроме самого себя, попросту сказать – ненавидеть окружающих. Такая любовь способна извлекать выгоду из всего. Следует согласиться и с тем, что совершивший зло не может быть «удовлетворён» в любви, удовольствие он может получить лишь «в ненависти своей к людям» [6, с. 293]. Злой человек, имеющий «ночной ландшафт души», способен «отобрать благоухающую душу у живого существа», а это, по мысли П. Зюскинда, значит отобрать «радость» [6, с. 166; с. 228]. Задаваясь вопросом: почему так происходит с человеком? – мы находим ответ. И он, как нам кажется, заложен в истоках общечеловеческой мудрости, в ментальном образном мире не только анализируемых нами абхазов и славян, но и других народов. Зло – порождение самого человека. Известно, что злой человек сжигает своей злобой себя изнутри. Народная украинская мудрость гласит: *Гнів людину сушить; Хто сердиться, той скоро вмере*. Подмечено также, что человеконенавистники обладают как ангельским голосом, так и душой чёрта, поэтому *Ангельський голосок, та чортова думка; Чорта не бійся, а від лихого чоловіка тікай*. Злой, в представлении украинцев, *Як гляне, так і ліс в'яне*. Уход из жизни злых, злобных, недоброжелательных никогда не вызывал сожаления, жалости у окружающих: *Жив собакою, і околів псом* [1, с. 117–118]. Лукавство и зло, злой и лукавый у русских людей расположены на одном ментальном уровне: *Злой с лукавым знаются, друг на друга ссылаются* = сравним с английским: *Gossiping and lying go together* «Сплетни и ложь ходят вместе» [2, с. 44]. «Злом зла не поправиши», – говорят они, хорошо понимая, что природа зла заложена в человеческом обществе. Следует согласиться с тем, что нельзя искоренить зло, но надо сделать всё для того, чтобы не множить его. Эта общечеловеческая мудрость перекликается с английскими – *Two wrongs do not make a right* «Два зла не создадут добро», *Two blacks do not make a white* «Два чёрных не создадут одного белого» [2, с. 44]. Проблема зла, считает Тейяр де Шарден, «останется для ума и сердца человека одной из самых волнующих тайн Вселенной» [14, с. 63]. По мысли философа,

уничтожить зло, наверно, возможно, если понять, что надо в «союзе с созидательной энергией мира бороться за то, чтобы всякое зло отступило ...» [14, с. 71]. Человечество погрязло в грехах и зле – это факт, и он признан всеми. Есть ли выход из тупика? Почему Бог не может исцелить нас от греха, зла? У Тейяра де Шардена на этот вопрос есть ответ, суть его заключается в том, что «на той стадии, на которой находится мир, мы ещё не способны на лучшее устройство и освещение» [14, с. 234]. Данные слова, думается, следует понимать так, что наши сердца и души недостаточно освещены и обожжены (термин Т. Шардена) светом любви к ближнему. Другими словами, не научились впускать Бога в своё сердце.

Почему мы так «чтим и боготворим тех редких людей, от которых исходит душевная чистота»? Ответить на эти сложные вопросы трудно, но попытаться можно, если сослаться на следующее: люди чистой души «осмелились на борьбу внутри своей души» [8, т. 3, с. 180]. Ответ эзотериков и богословов привлекает ещё и потому, что анализируемый ими вопрос о чистой душе близок представлениям абхазов. Святое в абхазском языке определяется словами *Апсы цкъа* «Душа чистая», *Апсы шкэакэа* «Душа белая», *Апсы иаша*=*Аусэы иаша* «Душа праведная, истинная = Человек чистый, правильный». Возможно, слово *иаша* восходит к авестинскому *уаош* «очищение», поскольку в абхазском языке оно обозначает человека честного, правильного, без грязных, кривых мыслей. Антонимом слову *иаша* выступают *иашам* «неправильный, неистинный», *ихэахэоу* «нечестный, неискренний, кривой». Святым, в представлении абхазов, может быть тот, у кого и душа = сердце, и помыслы, и действия чистые, правильные, прямые. Святой человек подобен Богу – *Анцэахша* «Рождён богом». Считается, что мерилем добра и зла в душе является *Аламыс* «Честь, совесть». Поскольку аламыс, как и душа, должны быть чистыми, отсюда *Зыламыс цкъоу* «Тот, у кого честь, совесть чисты». Если не запятнал свою честь, то и честь, как и душа твоя, светлая, чистая. Нельзя, как нам кажется, оставить без внимания следующее: «Стержень энергии Всеобщей Любви проявляется тогда, когда в горящих глазах прорисовывается слово «Честь». И поэтому так важно не запятнать её; ведь мы всё равно окажемся на Том Свете, и там, на Том Свете, главным принципом оценки выступают Честь и связанная с ней Совесть» [8, т. 3, с. 154]. Честь – это «выражение великой Любви к Людям вообще» [8, т. 3, с. 152]. Не может считаться человеком тот, у которого нет чувства *Агэнахашьара* досл. «Сердце – там наверху – кровоточить – Сердце в своём основании кровоточит» = ср.: русск. *Болят душа* = укр. *Душа болить* (ниє, щемить і т. ін) [7, т. 1, с. 295; 16, с. 196]. Тот, кто способен различать *Грішні з праведним и Спокутувати гріх (гріхи) / провину*, как у абхазов, так и у славян, может считаться носителем *Агэы цкъа*, чистой, праведной души и сердца [17, с. 154–155]. Святой человек противопоставляется грешному. Почему принято говорить о характере недоброжелательного человека, что он «скверный»? Что такое слово «скверна»? В словаре даётся помета, что данное слово является устаревшим, употребляется в значении «нечто гнусное, порочное». Прилагательное *скверный* выражает значения: «гадкий, недостойный»; «очень плохой». [10, с. 721]. Человек, употребляющий в речи непристойные слова, сквернословящий, совершает действия, противоречащие понятиям «чистый, правильный, хороший, богоугодный». «Скверна» и «грех» – понятия одного ментального уровня. Анализируемое слово этимологически восходит к греческим *σκάω*, *σκατός* «кал, навоз». Это слово в латинском языке с тем же корнем употреблялось в значении «покрытый паршой», в русском языке слово *сквара* употреблялось в значениях – «огонь, жар», «чад, запах от сжигаемого мяса, в частности жертв» [13, с. 870]. Следует отметить, что и в абхазском языке идиома *Акьы* выражает значение «навоз, помёт»,

ажэ кьы «коровий навоз», *ауаса кьы* «овечий помёт». Ленивый, неряшливый, чревоугодник в переносном значении так же характеризуется словом *акьы*. *Ари апхэыс дкьуп, акы дапсам* «Эта женщина досл. говно, она недостойна (здесь, быть хозяйкой дома)». Нет сомнения в том, что абхазские *акьы* и *акьашь* – однокоренные слова, и обозначают то, к чему нельзя прикасаться. *Ибымкын бакьашьуеит* «Не держи, запачкает» – предостережение, опасность, потому что *акьашь* может навредить не только физически, но и духовно.

Грешным считается и тот, кого называют *жадным, чревоугодником*. Быть жадным, как и ненасытным, в понимании абхазов, – грех. В народе говорят: *Акэаб итоу ззымфааша, аца итоу дахыбаауеит* «Тот, кто не в состоянии съесть то, что у него в котле, трясётся (здесь, не хочет ни с кем делиться) над тем (здесь, урожаем), что у него в амбаре»; *Аца итоу ззымфааша амхы итоу дахыбаауан* «Тот, который не сможет съесть то, что в амбаре, трясётся над тем, что в поле». Страсть к накопительству способна довести до греха, «апсы ццкьа = агэы ццкьа» и апара «деньги» – противоположные понятия. Апара – знак отрицательной оценки. *Апара аңцэажэоу иашара зыкалом* «Когда говорят деньги, не будет правды»; *Апара иахьцэажэоу, аиашара мсэасуам* «Там, где говорят деньги, не пройдёт правда» [12, с. 31, 80–81]. «Агэнаха» и «Ацэга» «Зло» в абхазском языке синонимичные концепты. Русские говорят: «Зло порождает зло», эта же самая мысль звучит по-абхазски так: *Ацэгьа ацэгьа ианагоит* «Зло приносит зло; *Алаба зкьоу алаба иоуеит* «Тот, кто размахивается палкой, тот палку и получит» [12, с. 56; 81]. В указанном выражении заключён общечеловеческий смысл: не делай никому «Зла», за зло будешь платить злом, ибо зло – это грех, который приводит к человеческой смерти, крови, беде. Человек должен всегда помнить, что *И у самого длинного дня есть конец*. Данная мысль остаётся актуальной не только для абхазов, украинцев и русских, но и англичан «*The longest day has an end*» [2, с. 47].

Должен ли жить человек с себе подобным *Душа в душу*? Наверное, да. Какой же смысл заложен в этом русском фразеологизме? Думается, очень глубокий. Здесь призыв, идущий из основ человеческого сердца = души. Возможно, это путь к Богу, желание выполнять христианские заповеди, в этом выражении, думается, основа нераскрытой, ещё затаённой Любви к человечеству. По всей видимости, контекстуальными синонимами с положительной коннотацией данному фразеологизму выступают следующие: *Душа горит; Душа болит; Душа надывается; Душа не на месте; Душа (сердце) перевёртывается / перевернулась; Душа (сердце) разрывается на части; От всей души; От полноты души; Болеть душой; Всей душой; По душам; Душой и телом; С открытой душой (сердцем)* и др. [16, с. 149; 151–153]. А как же можно навредить душе, если можно сказать о человеке, что у него: *Заячья душа* = ср. абх. *Зыпсы зцаауа* досл. «Тот, который свою душу солит (здесь, очень боится за себя)»; *Чернильная душа; Ад крошечный на душе; Не слышать души; Кривить душой; Стоять над душой; Брать грех на душу; Влезть в душу; Входить в душу; Вытрясти душу; Вытягивать всю душу; Загубить душу; Закрывать душу на замок; Плевать в душу* [16, с. 149, 151–153]. Когда русские говорят *Отпусти душу на покаяние*, то, без сомнения, имеют в виду, что нужно *признаться в своих грехах*. Человек всегда перед выбором – *Цьанат* «Рай» или *Цьаханым* «Ад». Жизнь праведного человека (*Апсы цкьа*) приведёт в рай, для грешников (*Апсы кьашь*) уготован ад. Невозможно не согласиться с Э. Мулдашевым, который писал: «Огромное количество злых людей, витающих в нашем земном трёхмерном пространстве, всё равно пропитывают твою Душу негативной или злой энергией, превращая тебя в заложника общечеловеческой злости... жадным, завистливым, практичным... Я вполне хорошо понимал, что это «злое начало» проявляется в нас через злые мысли – те самые мысли, к ко-

торым мы, в нашем грешном мире, привыкли и к которым мы относимся как к естественным и само собой разумеющимся мыслям... Мы посланы в наш «мир испытаний» с целью бороться и бороться со злом» [8, т. 3, с. 155, 171–172]. И если бы каждый из нас понимал глубинный смысл, заложенный в словах *Игэнахауп*, *Ицасуп* «Грех», *Ацэгъа* «Зло», наверное, не было бы в мире столько горя и зла. В человеке, созданном по образу и подобию Божьему, есть душа; злое, греховное в нём является «чужим», чужое «служит своему хозяину – Демону, а не Богу...» [8, т. 3, с. 151].

Изложенное выше позволяет сделать вывод, согласно которому «Грех» – сложный структурированный концепт – конструкт, репрезентирующий ментальные поля отрицательной коннотации. «Грех», как и «Зло», – один из элементов базового понятия «сердце = душа». В образном ментальном мире как абхазов, так русских и украинцев, «грех» и «зло» воспринимаются одинаково – как то, что всегда приносит горе, слёзы, кровь, смерть, разрушает человеческую сущность.

Библиографические ссылки

1. Багмет А. Збірка українських приказок та прислів'їв / А. Багмет, М. Дашенко, К. Андрущенко. – 2-е вид., стереотип., з репринтного відтворення від 1929 р. – К. : Техніка, 2004. – 224 с.
2. Бодрова Ю. В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги = Russian proverbs and sayings and their english equivalents / Ю. В. Бодрова. – М. : АСТ; Спб. : Сова, 2007. – 59 с.
3. Грех – Википедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Грінченко Б. Д. Словарь української мови : в 4 т. / Б. Д. Грінченко. – К. : Вид-во Академії наук УРСР, 1958.
5. Ельчанинов А. По страницам книги «Моя жизнь во Христе» святого праведного Иоанна Кронштадтского / А. Ельчанинов. – М. : Изд-во «Русская миссия», 2004. – 206 с.
6. Зюскинд П. Парфюмер : История одного убийцы / П. Зюскинд / пер. с нем. Э. В. Венгеровой – СПб. : Азбука, 2000. – 320 с.
7. Касландзия В. А. Абхазско-русский фразеологический словарь / В. А. Касландзия. – Сухум : Алашара, 1995. – 126 с.
8. Мулдашев Э. Р. В поисках города Богов. – Т. 3 : В объятиях Шамбалы / Э. Р. Мулдашев. – СПб. : Изд. Дом «Нева», 2004. – 528 с.
9. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь. 250 000 слов и словосочетаний. Новая редакция / В. К. Мюллер. – М. : Дом Славянской книги, 2008. – 706 с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Пословица не мимо молвится. Русские пословицы и поговорки с украинскими соответствиями / сост. Н. Беленькова (на рус. и укр. языках). – К. : Днепр, 1969. – 247 с.
12. Пословицы абхазов, проживающих в Турции / собир.-сост. О. Шамба, Б. Гургулия, А. Мукба (на абхазском языке). – Сухум : Алашара, 2003. – 87 с.
13. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
14. Тейяр де Шарден П. Божественная среда / П. Тейяр де Шарден. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 314 с.
15. Фразеологія перекладів Миколи Лукаша : словник-довідник / уклали О. І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк / за ред. Г. П. Півторака. – К. : Вид-во «Довіра», 2002. – 735 с.
16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 544 с.
17. Ярещенко А. П. Сучасний фразеологічний словник української мови / А. П. Ярещенко, В. І. Бездітко, О. В. Козир. – Харків : ТОРСІНГ. ПЛЮС, 2008. – 640 с.

Надійшла до редколегії 07.02.11

УДК 811.161.2

О. І. Андрейченко

Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського (м. Сімферополь)

МЕТАФОРА ТЕАТРУ В СУЧАСНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ: КОГНІТИВНИЙ АСПЕКТ

Здійснено концептуальний аналіз сучасної політичної метафори, описано фреймову структуру метафоричної моделі «Політична дійсність – театр» у політичному дискурсі.

Ключові слова: політичний дискурс, сфера-джерело, сфера-мета, фрейм, політична метафора, метафорична модель.

Осуществлен концептуальный анализ современной политической метафоры, определена фреймовая структура метафорической модели «Политическая действительность – театр» в политическом дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, сфера-источник, сфера-цель, фрейм, политическая метафора, метафорическая модель.

The article considers the conceptual analysis of contemporary political metaphor. The structure of metaphoric structure «Political reality is theatre» is described in the political discourse.

Keywords: political discourse, source-sphere, target-sphere, frame, political metaphor, metaphorical model.

Антропоцентричність давно є предметом дослідження національної культури, мови. Ще Д. Овсянико-Куликовський писав, що «мистецтво прагне до відтворення і пізнання всього людського, воно – антропоцентричне і всю суму відчуттів переробляє в норми людської психіки» [6, с. 343–344]. За постулатом В. Фон Гумбольдта, «людина думає, відчуває й живе тільки в мові» [2, с. 378]. Лінгвістика антропологічна передбачає вивчення мови в тісному зв'язку з людиною, її свідомістю, мисленням, духовно-практичною діяльністю [12, с. 8]. В основі антропоцентричної парадигми – мовна особистість, яка створює різні типи дискурсів.

Важливим постулатом сучасної когнітивної лінгвістики є дискурсивний підхід до вивчення мовних фактів. Метафори, які функціонують у мові, повинні розглядатися в дискурсі, у тісній взаємодії з умовами їх виникнення й формування, з урахуванням авторських, прагматичних настанов. Сучасний політичний дискурс багатий на метафори, які у текстах є засобами оцінності, полемічності, маніпулятивності, метафоричні вислови також образно характеризують опонентів, їхні погляди, дії тощо.

Політичний дискурс, зокрема структура, функції політичної метафори, становить об'єкт вивчення у працях І. Філатенко [7], О. Чадюк [9], Х. Дацишин [4], А. Баранова, Ю. Караулова [1], А. Чудінова [10] та ін. Так, дослідники політичної комунікації виділяють аргументаційну функцію метафори (засіб переконування), евристичну функцію (осмислення політичної реальності й формування продуктивних метафоричних моделей). Як слушно зауважує О. Стоянова, метафора, яка виконує такі функції, в політичному дискурсі образно репрезентує суспільно-політичні й ідеологічні зміни в суспільстві [14, с. 60].

За своїм характером метафора універсальна й інтернаціональна. Водночас метафора є глибоко національною, оскільки основу її становить система духовних, морально-етичних цінностей, що виробляються колективною свідомістю впродовж суспільного розвитку. Культура відіграє важливе значення у виборі й продукуванні певного типу метафоричних моделей [15, с. 183]. Таким чином, система метафор – це важлива частина національної мовної картини світу, націона-

льної ментальності. Тому важливо виявити в кожній мові продуктивні й актуальні метафоричні моделі, які «характеризують сприйняття етносом того чи іншого абстрактного поняття цієї сфери й політики взагалі» [13, с. 393].

Чільне місце у сучасному політичному дискурсі посідає метафора театру. **Мета** нашої розвідки – дослідити структуру та прагматичний потенціал метафоричної моделі *«Політична дійсність – театр»*.

Згідно з уявленням сучасної когнітивної семантики метафоричне моделювання – це засіб пізнання й оцінки певного фрагмента об'єктивної дійсності за допомогою сценаріїв, фреймів, які належать до іншої поняттєвої сфери. Щоразу, інтерпретуючи, сприймаючи метафору, адресат звертається до певного перетину поняттєвих сфер, з якими пов'язані усталені асоціації. Тобто метафорична модель характеризується прагматичною потенцією, закріпленою в національній свідомості оцінкою. Так, усвідомлення політичної дійсності як театру оцінюється негативно, а відповідні метафори «характеризуються, як правило, пейоративною аксіологічною маркованістю» [5, с. 65].

На думку багатьох дослідників, метафора театру – це один із найактуалізованих типів інтерпретації політики в публіцистиці [1; 10; 11, с. 62–66]. Метафорична модель *«Політична дійсність – театр»* часто допомагає журналістам знайти потрібне метафоричне позначення для змалювання політичного життя, оскільки концептуальна сфера 'театр' як вихідна для творення метафори є достатньо структурованою й добре відомою носіям мови. Політичні події відбуваються за певним сценарієм, у межах певного жанру й у відповідності із задумом, постановкою режисера, що здійснює розподіл ролей, установлює порядок виходу акторів на сцену, зміну декорацій тощо. Метафори театру увиразнюють, підкреслюють штучність, нещирість, театральність політичного дійства [14, с. 64]. Так, наприклад, Дж. Комбс розглядає виборчу кампанію як ритуальну драму. Кандидат та його команда обов'язково повинні розіграти певні сцени, висловити певні ідеї, на які очікують глядачі. Президентську кампанію у США автор умовно репрезентує як довготривалий процес, що проходить певні періоди, які нагадують епізоди театрального дійства [16, с. 53]. Метафора театру «трактує політику як розвагу для обмеженого кола людей, коли події розгортаються за підготованим сценарієм, а більшості відводиться роль спостерігачів» [3, с. 305]. Прагматичний потенціал метафоричної моделі *«Політична дійсність – театр»* реалізується за рахунок закріпленої за моделлю оцінки: політичні реалії – це театральне дійство, де тільки імітується життя. Тому відповідним метафорам властива негативна оцінка.

Метафоричну модель *«Політична дійсність – театр»* ілюструють такі фрейми:

Фрейм 1. Типи видовищ

Сучасне політичне життя часто метафорично репрезентується як певний різновид видовищ. Відповідно виділяються концепти *спектакль*, *комедія*, *драма*, *балет* тощо, пор.: *Звернення – це, так би мовити, щорічний спектакль* [ДУ, 02, 06]; *Українське суспільство, як глядач такої бюджетної опери, не було допущено до дискусії* [ВЗ, 01, 06]; *Персонажі цієї політичної драми не могли збагнути, до чого приведуть їхні дії* [Д, 01, 06]; *У наступному абзаці своєї «патетичної сомати» С. Т. зазначає, що «дбати про інтереси України та українців, чесно й наполегливо служити їм» через банківську діяльність йому допомагає аполітичність. І тут починається ще більша комедія* [УМ, 04, 03]; *Країна погрузається в шоу, водевілі, брехню, обіцянки, які ніколи не буде виконано* [ВЗ, 10, 09].

Фрейм 2. Люди, пов'язані з театром

Політичне життя – це театр, у якому кожному суб'єкту політичної дійсності відведена своя роль. Політичні актори виконують *арії*, *підспівують*. У театрі є свої

прими, солісти, одні актори грають роль першої скрипки, інші – роль масовки, статистів тощо, пор.: Леонід Кучма ще раз наголосив, що в процесі реформи **головна дійова особа** – Президент [УК, 02, 04]; Н. Вітренко має право називатися **діючою особою вітчизняної політичної сцени** [КВ, 07, 05]; Більшість політологів, спираючись на результати соціологічних досліджень, вважають, що реальними претендентами на «трон» є лише двоє: Юлія Тимошенко і Віктор Янукович. Усі інші – **«масовка»**, яка бере участь у виборах, переслідуючи різні цілі [ЛГ, 08, 09]; Це, на мій погляд, зовсім не відповідає стратегічній політиці Партії регіонів, яка є надто потужною політичною силою, щоб бути **«підтанцьовкою»** якоїсь політсили [ЛГ, 12, 08]; Щодо комуністів, які у парі з олігархами із неприхованим задоволенням топлять прем'єра, то їм у цьому процесі наразі відведено роль **масовки**, на фоні якої справжні **актори** добиваються жаданої **головної ролі** [КС, 05, 02].

Політичні актори можуть виступати соло, однак часто, як свідчить матеріал, вони об'єднуються в кuartети, тріо, дуети, хори, пор.: Це геополітичне **тріо** здатне стати мотором трансатлантичної співпраці в Центральній-Східній Європі [Д, 02, 06]; Серед виборців зростає попит на «третю силу», яка може стати реальною альтернативою **«дуету»** Януковича – Тимошенко [Д, 01, 10]; До цього **хору** додав свій голос і міністр оборони... [С, 12, 05].

У політичному житті розрізняються організатори та виконавці політичних п'єс. Відомо, що будь-яка політична подія, як і театральна прем'єра, готується з особливою ретельністю, тому й використовується для політичних номінацій театральна термінологія, зокрема: автор тексту, диригент, режисер, продюсер, сценарист тощо, пор.: Хоча спікер парламенту, здається, децю недооцінив ситуацію. Насправді його не **«підвісили»** – його голова давно вже лежить під гільйотиною, яка опуститься саме тоді, коли це буде вигідно **організаторам** політичного шоу [УТ, 08, 09].

Фрейм 3. Глядачі. Успіх спектаклю

Показовими для політичного дискурсу є метафори глядачі, публіка, фіаско, адже вибори для політиків, політичних партій – це прем'єра, яка, залежно від успіху в глядачів, може зазнати фіаско, провалу або, навпаки, мати довге театральне життя, пор.: ... Надійшла вказівка від **«перших глядачів»** держави, тож значно вигідніше недоотримати якийсь рекламний мільйон від Тимошенко, аніж потім отримати на горіхи від тих самих К., С. чи П. [УМ, 11, 01]; Так, не можна не помітити, що всі політичні сили, чийми руками було повалено ющенківський Кабмін, зазнали на цих виборах **фіаско**, хто більше, хто менше [УМ, 05, 02]. У разі успіху можна почути оплески від глядачів, які свідчитимуть про успіх вистави, пор.: І всі нібито почули **рукоплескання** країни [Д, 01, 06].

Не останню роль у житті театру відіграє репертуар, пор.: Усе, тепер нема на кого скаржитися. І тут би їх усіх разом, всіх, укупі із Самим. Але ж Кучма не був би хитрим Кучмою, якби не махлював суто у своєму **репертуарі** [УМ, 12, 02]; Роками не виявляє зацікавленості кримська влада в дотриманні української **репертуарної** політики [КС, 04, 03].

Фрейм 4. Приміщення театру. Театральний реквізит

Обстежений матеріал свідчить про використання політичними опонентами концепту *театр* для образної репрезентації сучасного політичного життя, пор.: **Театр** одного регіону [УМ, 08, 02]; Під виглядом замаху **глядачеві** пропонують **театр** [ДзС, 10, 04]; Більшість тих партій **показали** своє **мистецтво на головній сцені** держави [УК, 02, 04]; Та ось настає **«день Ікс»** – день виборів президента, – і на **авансцену** політичного життя вириваються десятки мужніх і жертвовних геніїв, готових урятувати приречену країну буквально за кілька днів чи тижнів,

так би мовити, не відходячи від каси [Д, 01, 10]. Для сприйняття політики як режисованого дійства властиве негативне емоційно-оцінне забарвлення.

Негацію у контекст вносять концепти, що позначають театральний реквізит, оскільки характеризують дії політиків, які ті приховують за красивими словами, пор.: *Падінням театральної завіси можна вважати заяви деяких урядовців* [Д, 01, 06]; *Зняти політичні маски з тих політиків, які в боротьбі за владу забувають про інтереси народу* [УМ, 04, 05]; *А до цього часу вибори є лише декорацією суспільної безвідповідальності, під прапором якої Україна існує з часу проголошення незалежності* [Д, 02, 10].

Результат виборів репрезентовано метафорою із негативною конотацією *розкуплені місця в партері*, пор.: *Голосуватимуть за «розкуплені місця в партері» обласних, міських і, що найсмішніше, – сільських рад* [КС, 02, 06].

Як і в театрі, в політиці керівництво процесом може здійснюватися приховано, тобто з-за лаштунків, пор.: *Леонід Кучма цілком може планувати призначити досить слабого спадкоємця – із тим, щоб надалі самому керувати з-поза лаштунків його руками* [УС, 08, 02]; *Народ знову стає заручником гри за лаштунками* [КС, 12, 05].

Фрейм 5. Сценарій політичної п'єси, її елементи

Відомо, що важливі політичні події готуються з особливою ретельністю: ціла команда спеціально підготовлених людей працює над написанням сценарію, пор.: *ВВП у 2004 році становитиме, за оптимістичним сценарієм – 10%, а за песимістичним – 6,5%* [УК, 01, 04].

Політична діяльність, як і вистава, складається з окремих частин, елементів, етапів: *акту, антракту, картини, кульмінації, прелюдії, останнього акорду, реверансу, виходу на біс тощо*, пор.: *Громадянам країни цікаво, чим закінчився перший акт вистави під назвою «Політичні перегони»* [УК, 12, 04]; *Художня частина публічних маніфестацій чинної влади також пов'язана з ігровими елементами, але це вже інший жанр* [ДзТ, 03, 01]; *Погоджувальна рада фракцій, скликана спікером, стала останнім акордом у протистоянні – депутатській «бузі» було покладено край* [УМ, 12, 05]; *Від кожного з них не можна очікувати реверансів у бік комуністів* [С, 12, 05].

Фрейм 6. Театр ляльок

Театральність, нещирість, маніпулятивність у політичному дискурсі досягається завдяки використанню метафор із сферою-джерелом *театр ляльок*. Ефект метафоричної моделі «Політична дійсність – це театр ляльок» зумовлений не стільки емотивністю, скільки прагматикою: щоразу, інтерпретуючи конкретні метафори, адресат звертається до представлених у довготривалій пам'яті перехрещень між концептосферами, тобто реципієнт апелює до більш загальної схеми (метафоричної моделі), сфера-джерело якої містить названі смисли [8, с. 106]. Отже, осмислення політичної дійсності як театру ляльок оцінюється негативно: політики – це лялькові персонажі, якими керують, смикаючи за ниточки, пор.: *Хто б не смикав за ниточки «касетного скандалу», під гасла «Україна без Кучми» люди йшли свідомо, за переконанням, а не за гроші. Ішли, навіть знаючи, що хтось ті ниточки таки смикає* [УМ, 03, 02]; *Бачу його справжнім лідером, генералом свого народу, а не маріонеткою, яку за мотузочки смикають владні олігархи* [С, 12, 05].

Специфічними для українського політичного дискурсу є метафори, що ґрунтуються на переосмисленні театральної міфології, зокрема імен персонажів, назв п'єс тощо, пор.: *Отже, городяни, ознайомившись з полемікою у таборі кандидата від влади, тепер зрозуміють, що голова НДП – не псевдолідер, і не казковий персонаж, який керує маріонетками, що справжній Карабас-Барабас сидить*

сьогодні зовсім не в нашій міськраді, і якщо вже й **смикає за ниточки**, так про це ж, мовляв, іще Ф. Ніцше казав: «Где борются, там борются за власть» [КС, 10, 04]; **Вовки і віці демократії** [СВ, 10, 04].

Фрейм 7. Цирк

Матеріал засвідчує, що для дискредитування політичного опонента, його діяльності використовують циркову метафору, репрезентуючи політичні події як **цирк**, **циркову виставу**, **клоунаду**, а політичних суб'єктів як **клоунів**, електорат – **глядачі**, які **уже не купуються на ефектні трюки**, пор.: **Клоунада у владі вийшла за всі пристойні межі. Про ефективність політика в нас уже судять із того, наскільки яскраве шоу він може влаштувати** [УТ, 05, 08]; **Клоун державного масштабу** [ДзС, 10, 04]; **Країна змінилася, електорат вже не купується на ефектні трюки** [СВ, 02, 06].

Фрейм 8. Шоу-бізнес

Продуктивними для сучасного політичного дискурсу є метафори з вихідною сферою **шоу-бізнес**. Вони інтерпретують політику як розважальну виставу, видовище, розраховане на привернення до себе уваги, політики – діячі шоу-бізнесу тощо, пор.: **Серед бютівців виявилось надто багато груп впливу, які не відмовили б собі в задоволенні влаштувати шоу взаємних обвинувачень** [ДТ, 12, 05]; **Вибори прем'єра можуть перетворитися на довгограюче шоу** [ГУ, 02, 06]; **Під час цього політичного «шоу» довелося наслухатися багато всього, від чого хотілося сміятися і плакати водночас** [КС, 04, 05]; **А от ваші опоненти, наприклад Партія регіонів, вже проводять активну розкрутку** [УМ, 01, 06]; **Ді-джей БЮТ Микола Томенко взяв участь в реалізації проекту компанії «УМС» та Чорнобаївської райадміністрації** [Д, 01, 06]; **У кардебалеті – Шуфрич і Стоян** [УС, 10, 05].

Висновки. Отже, метафора театру в сучасному політичному дискурсі використовується для аргументування висловленої думки, для обстоювання власної позиції, як засіб маніпулювання свідомістю адресата політичного дискурсу. Через семантичну структуру метафор із вихідною сферою «театр» автори газетних матеріалів досягають іронічного звучання тексту, в якому висловлюють зневажливе ставлення до політичної події чи особи. Прагматичний зміст театральних метафор націлює реципієнта на оцінку важливості політичної реальності.

Метафорична модель «*Політична дійсність – театр*» має специфічну фреймову організацію, прийнятну для аналізу саме політичного дискурсу України.

Бібліографічні посилання

1. **Баранов А.** Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] / А. Баранов, Ю. Караулов // Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
2. **Гумбольдт фон В.** Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. – 450 с.
3. **Дацишин Христина.** Метафорична інтерпретація політичних реалій і проблема впливу на формування громадської думки [Текст] / Христина Дацишин // Пам'ять століть відтворена у слові. – К.: Планета, 2004. – С. 302–307.
4. **Дацишин Х. П.** Метафора в українському політичному дискурсі (за матеріалами сучасної періодици) [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.01.08 «Журналістика» / Х. П. Дацишин. – Л., 2005. – 18 с.
5. **Кудрявцева Л. О.** Сучасні аспекти дослідження масс-медійного дискурсу: експресія – вплив – маніпуляція [Текст] / Л. О. Кудрявцева, Л. П. Дядечко, О. М. Дорофєєва, І. О. Філатенко, Г. А. Черненко // Мовознавство. – 2005. – № 1. – С. 58–66.
6. **Овсянко-Куликовский Д. Н.** Литературно-критические работы в 2-х т. [Текст] / сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой; вступ. ст. Ю. Манна. – М.: Худож. лит., 1989.

- Т. 1. Статті по теорії літератури; Гоголь, Пушкін, Тургенев, Чехов. – М. : Худож. лит., 1989. – 541, [1] с.
7. **Філатенко І. О.** Сучасна політична метафора в російськомовній газетній комунікації України: когнітивно-прагматичний опис [Текст] : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / І. О. Філатенко. – К., 2003. – 20 с.
 8. **Філатенко І. А.** Метафорические модели современного политического дискурса Украины: прагматическая характеристика [Текст] / И. А. Филатенко // Актуальные проблемы вербальной коммуникации. – К., 2004. – С. 123–127.
 9. **Чадюк О. М.** Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації [Текст] : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Чадюк. – К., 2005. – 20 с.
 10. **Чудинов А. П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
 11. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
 12. **Постовалова В. И.** Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / В. И. Постовалова. – М., 1988. – С. 8–69.
 13. **Селіванова О. О.** Лінгвістична енциклопедія [Текст] : [наукове видання] / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
 14. **Стоянова Е.** Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) [Текст] / Е. Стоянова // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2006 – С. 58–79.
 15. **Телия В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 180–204.
 16. **Combs J. E.** Process Approach [Text] / J. E. Combs // Handbook of Political Communication. – London : Sage Publications, 1981. – P. 39–66.

Умовні скорочення

1. ВЗ – газета «Високий замок»;	9. ЛГ – газета «Львівська газета»;
2. ГУ – газета «Голос України»;	10. С – газета «Столиця»;
3. Д – газета «День»;	11. СВ – газета «Сільські вісті»;
4. ДТ – газета «Дзеркало тижня»;	12. УК – газета «Урядовий кур'єр»;
5. ДУ – газета «Демократична Україна»;	13. УМ – газета «Україна молода»;
6. ДзС – газета «Дзвін Севастополя»;	14. УС – газета «Українське слово»;
7. КВ – газета «Київ вечірній»;	15. УТ – журнал «Український тиж-
день».
8. КС – газета «Кримська світлиця»;	

Надійшла до редколегії 21.02.11

УДК 811.161.1'373.23

И. Н. Апоненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В СКАЗКАХ 20–50-х ГОДОВ XX ВЕКА (на материале произведений Б. В. Шергина и С. Г. Писахова)

Розглянуто традиції й новаторство у найменуванні персонажів казок Б. В. Шергіна і С. Г. Писахова.

Ключові слова: власне ім'я, найменування персонажа, семантика, функції імен, казка.

Рассмотрены традиции и новаторство в наименовании персонажей сказок Б. В. Шергина и С. Г. Писахова.

Ключевые слова: собственное имя, наименование персонажа, семантика, функции имен, сказка.

In the article traditions and innovations of the characters' names in fairy-tales by B. V. Shergin and S. G. Pisakhov are considered.

Keywords: proper name, character's name, semantics, names functioning, fairy-tale.

Литературная сказка XX в. синтезировала в себе многовековые традиции народных сказок и опыт авторской сказки предшествующих столетий. Понятие же народно-литературной (или фольклорно-литературной) сказки утвердилось благодаря творчеству писателей-сказителей Б. В. Шергина и С. Г. Писахова. В литературе очень редко встречается тип писателя-сказителя, соединяющего в одном лице два вида словесной культуры – устную и письменную, фольклорную и книжную. В творчестве Писахова и Шергина, выросших и сформировавшихся в близкой социально-бытовой и духовной атмосфере поморского Севера, представлен пример такого взаимодействия литературы с фольклором.

Немногочисленные исследователи их творчества пишут о фольклорной основе сказок писателей, о комическом и сатирическом в произведениях Б. В. Шергина и С. Г. Писахова, о тяготении авторов к традициям скоморошества. К исследованию проблем фольклоризма сказочных произведений Шергина и Писахова обращались в своих статьях С. М. Лойтер («Писатель-сказитель Степан Писахов» [7], «Животворное слово» [6]), Л. В. Овчинникова («Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (Б. В. Шергин)» [10], «Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (С. Г. Писахов)» [9]), И. Н. Райкова («Образ Пушкина в сказках Шергина и народная традиция» [14] и др.). Между тем творчество писателей достаточно мало изучено литературоведами и фольклористами. Язык сказок также не подвергался тщательному исследованию. Можно назвать лишь работу Шамиля Галимова («Волшебный сказочник (Степан Писахов)» [3]), посвященную анализу деривационных компонентов текста рассказов писателя, статью «Приметы духовной культуры русского народа в языке Б. Шергина» [13] и некоторые др., однако авторы этих и других работ к изучению собственных имен не обращались.

Таким образом, особую актуальность в ряду проблем, связанных с рассмотрением фольклорно-литературных сказочных текстов, приобретает вопрос исследования именований персонажей в них, что и является целью данной статьи. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: описать антропоним-

ное пространство сказок Б. В. Шергина и С. Г. Писахова с учетом отражения традиций и новаторства в употреблении СИ, представит функциональную характеристику наименований персонажей.

Язык сказок Шергина и Писахова богат и многообразен, он вобрал в себя различные оттенки устно-поэтической северной речи. Реально-бытовая и социальная конкретность изображения народной жизни (в том числе и при наименовании персонажей) является центром сказочных произведений Шергина и Писахова.

Сказки исследуемых писателей тяготеют к отражению реального антропонимикона (характерного, в основном, для описываемой в них крестьянской среды), что выражается как в составе имен, так и в представленных народно-разговорных формах. С точки зрения структуры среди анализируемых имен представлены:

1. Одночленные именованья в форме личного имени: *Капитон*, *Аграфена* («Золочены лбы» Б. В. Шергина), *Егор* («Кобыла» Б. В. Шергина), *Маремьяна*, *Улянка* («Ванька Доброй» Б. В. Шергина). *Анисья* («Морожены сказки» С. Г. Писахова), *Митрий* («Железнодорожный первопутук» С. Г. Писахова).

2. Двучленные:

2.1. Имя + отчество: *Аграфена Ивановна* («Ваня Датский» Б. В. Шергина), *Митрий Артамоныч* («Оглушительно ружье» С. Г. Писахова).

2.2. Имя + фамилия: *Ваня Королев* («Золочены лбы» Б. В. Шергина).

Особенностью литературных сказок является то, что они впитывают и сохраняют народные традиции.

Самые разные наименования, часто воспринимаемые нами как типично «сказочные» (такие как *Иван*, *Емеля-дурак*, *Василиса Прекрасная* и т. под.), представлены только в творчестве Б. В. Шергина, например: *Иван* («Ванька Доброй», «Волшебное кольцо»), *Ненила Богатырка*, *Бова Королевич*, *Федька-королек* [в знач. «королевич» – уточ. И. А.] («Данило и Ненила»).

С. Г. Писахов в своих же сказочных произведениях вводит оценочные прозвища, семантика которых часто раскрывается в контексте, что является характерной чертой многих народных сказок. Ср., в народной: «...вышел мальчик из города и пошел дорогою; навстречу ему *Дугиня-богатырь* – хоть какое *дерево*, так в дугу согнет ...» («Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри») [1, т. 1, № 142, с. 248]. У Писахова: «Младшему сыну торговля не к рукам была, ему бы песней залиться да плясом завиться. *Все с компанией развеселой время вел* – звали этого молодца *Гулена*» («Как соль попала за границу») [19, с. 351]; «Тетка *Торопыга* попа Сиволдая в гости ждала. *Торопыга второпях* позабыла поросенка выпотрошить... Сама тетка *Торопыга вьется, ног не слышит, рук не видит, вся кипит*» («Поросенок из пирога убежал») [19, с. 303].

Как и в народных сказках, в литературных имена служат не только для именования и идентификации персонажей, но и, являясь частью художественно-изобразительной системы, вовлекаются в различные стилистические приемы. Так, Борис Шергин использует в сказке «Шиш и трактирщица» такой сказочный прием, как контекстное обыгрывание имен нарицательных, способствующее правильному, в соответствии с авторским замыслом, прочтению внутренней формы СИ, как бы делая ее более прозрачной: «Ты, – говорит [трактирщица], – молодой человек, везде, чай, бывал, много народу видал, не захаживал ли ты в *Печной* уезд, в село *Сковородкино*, не знавал ли ты господина *Гусева-Жареного*...» [17, с. 212], «Вот дурак мужик! Я ему про *гуся* загадала, а он ничего не понял» [17, с. 213].

Данный контекст не только по сути самого приема, но и по содержанию соотносится с отрывком из народной сказки «Солдатская загадка»: «На ту пору зашли к бабе солдаты – люди дорожные; налила она им щей и говорит: “Загадаю

вам загадку”. – “Какую, бабушка?” – “Доселева *Курлинской-Мурлинской* под Небесинском летал, а в нынешние годы очутился в городе *Печинском*, во селе *Горшинском*”» [1, т. 3, № 393, с. 114–115].

В целом именованія с яркой внутрішньої формою являються однією з характерних особливостей мови казок, найбільш розповсюдженим стилістичним прийомом, до якого звертаються письменники різних епох, продовжуючи традиції народних казок. Розгляд імен персонажів літературної казки з точки зору мотивації їх вибору авторами, функцій цих імен, несомненно, сприяє розширенню уявлення про творчість письменників.

Слідкування народної, культурної традиції органічно об'єднане в творчості Б. В. Шергіна з представленням про народнопоетичні цінності в історико-культурній перспективі, в особистому переживанні. Його казки, передаючи культуру і традиції рідного краю, в багатьох засновані на народних повір'ях Севера.

Звернення до народної традиції прослідковується і в циклі Б. Шергіна «Казки про Шише». Головний герой цих казок – *Шиш Московський*. Московське царство, в якому, по-видимому, локалізовано діяння, покладено і в основу імен персонажа. Однак за конкретної просторової характеристикою життя *Шиши* (державство Московське) виступають узагальнені фольклорні способи зображення світу і людини (Москва-Русь – весь білий світ). «Веселі казки і анекдоти про бродягу *Шише*, який ображає багатих і захищає бідних, були розповсюджені в народі з давніх часів. Деякі з них створені в останні століття, деякі в XVII столітті, в так зване сумне час, коли на Русі було багато бродяжних людей – беглих кріпаків. Жорстокі податки, жорстока барщина змушували кріпаків тікати від поміщиків, жорстокість усадьби... В північній області Росії і до сих пір можна почути від кріпаків анекдоти про Шише, про його злість, про грубість, про його веселі проделки над баринами», – писав в передмові до збірки 1930 р. «Шиш Московський» Б. Шергін [18, с. 3].

Продовжуючи народні традиції російського фольклору, Шергін дає соціальну характеристику героїв через їх СІ, створює відповідну образу і авторському задуму оцінку.

В анекдотическій казці «Кобыла» письменник використовує грубу, знищуючу форму звернення до жінки, яка, по невідомості одного з героїв казки, перейшла в ряд СІ, чим ще раз підкреслюється несправедливе становище жінки в суспільстві: «В бідній деревушці приворотил до старичонка пити квас. Старичонко весь заметался, дочку свою загонял:

– Куди провалилась-то, *кобыла*?..

– Квасу тащи, *кобыла*!

Государь, на неї глядевши, всі очі растерял.

– Ета би красавица мені...

– Дед, чому *Кобыла* нейдет нас проводити?» [16, с. 231].

Окрім народно-казочних прийомів, письменник використовує і типові літературні: а саме – порівняння героїні з літературним персонажем: «Собака підбирає, що дають, а кошеня розстраивається: “Ванька-то каку *Квазимодо* за себе взяв!” *Улянка* це почула і висвистнула Ванькиних друзів під дощик» [16, с. 226].

Через приховане порівняння з літературним героєм (т. є. називаючи тільки літературного героя), використовуючи прийом антономазії, автор дає опосередковану ха-

рактистику героїни сказки (а саме її зовнішності), т. к. *Квазимодо*¹ сприймається як синонім безобразної зовнішності.

Борис Шергин називав себе сказочником і считав своєю задачею збереження того народного поетического багатства, наслідником якого став. Аналіз іменника його творів доводить, що це йому вдалося.

Ім'я Степана Писахова не рідко і не випадково стоїть поряд з іменем Бориса Шергина. Сказки С. Г. Писахова також створені на основі багатовікової і сімейної традиції сказительства. Звернення до різних форм фольклору і традицій народної культури служить у Писахова створенню оригінальних, самобутних творів. Як вважає С. М. Лойтер, «сказки цього письменника не мають аналогів в художественній практиці: це єдині в своєму роді літературні сказки» [6, с. 108].

Точне жанрове визначення творів С. Г. Писахова було дано Л. В. Овчинниковою – це «сказки-бухтини». «Бухтина – неспроможний жанр в північній усній поезії, що походить від різних традицій» [9, с. 13]. А як зауважує В. Белов, «фантазія заливальщика бухтин повністю розкріпощена. Вона нагадує і п'яничаньє скомороха, вільного від всіх умовностей, і видимі бессмыслицу юродивого» [2, с. 278]. Тому бухтина має загальні риси і з казкою, і з бувальщиною, і з анекдотом. «Це народний анекдот, сюжетна жартівка, в якій здоровий сенс перевернутий наизнанку» [2, с. 277].

Кожна казка С. Г. Писахова представлена як згадка, веселий випадок з життя оповідача *Сени Малини*, який одночасно є і героєм. Примітно те, що образ цього героя мав реального прототипа. Ім'я героя не вигадано. В селі Уйма під Архангельськом дійсно жив сказочник Семен Михайлович Кривоногов, по прізвиську Малина. «С Сенею Малиною, – пише Степан Писахов, – я познайомився в 1928 році. ... Чия пам'ять безсумнісних північних сказителів – моїх сусідів і земляків, я свої сказки веду від імені Сени Малини» [8, с. 24].

Сатиричний бік сказок Писахова пов'язаний, перш за все, з фігурою попа *Сиволдая*, який з'являється в казках то як головний персонаж, то як епізодична особа, але завжди з метою осміяння. Цьому сприяє і його ім'я, виникле з нарицательного «сиволдай». У В. І. Дала: «Сиводер, сивалдай, сивопляс, сивуха ... хлібне жидке, дурне вино з пригарью; сиволдай, сиводай ... бранно: неуклюжий, грубий чоловік» [5, т. 4, с. 181]. В «Етимологічному словнику російської мови» А. Преображенського «сиволдай» – «то ж, що сивуха, сивушний запах, смак» [12, т. 2, с. 435].

Виявлення семантики доантропонімічного значення оніма можна виявити в різних казкових ситуаціях, наприклад: «Поп *Сиволдай* вдихнув сумно. Народ думав, що гріх кручинею, а поп з ранку поїв і *обпился*...» («Прповідь попа Сиволдая») [19, с. 334]; «Поп *Сиволдай* до тещі Бутені повернувся. Діло у попа одне – як би чого поїсти да *попить*» («Попинкубатор») [19, с. 332]. Створенням відрицального ставлення до попа через його називання С. Г. Писахов продовжує традиції відображення в фольклорних текстах, наприклад прислів'ях (*Не бери у попа грошей взайми: у завистливого рука тяжела* [4, с. 175]; *Утиного зоба не залечить; Поповського живота не наб'єшь* [4, с. 187]), негативного сприйняття народом представників церкви.

¹ *Квазимодо* – персонаж роману В. Гюго «Собор Паризької богородиці». Е. С. Отин в «Словнику коннотативних власних імен» відносить Квазимодо до узуальних коннотативних антропонімів, відомих в ряду мов і дає наступне значення оніма: «1. Дуже некрасивий, відкидаючий вигляд людина. 2. Людина, викликаючий антипатію, відвернення» [11, с. 195].

В сказке «Железнодорожный первопутук» писатель, используя новые приемы именования персонажей, вводит «связанные личные имена» (Н. В. Подольская): «Было это в девяносто... в том самом году, в кольком старосты *Онисима* жена пятерню принесла и имя дала им всем на одну букву – на «мы». *Митрий*, *Миколай*, *Микифор*, *Микита* да *Митрофан*. А опосля солдатчины староста *Онисим* пять свадеб одним похмельем справил» [19, с. 327].

Многие женские имена в сказках писателя являются андронимами и образованы суффиксальным способом при помощи **-их(а)-** (*Сиволдай* → *Сиволдаиха*, *Малина* → *Малиниха*, *Капустиха*, *Сахариха*, *Перепелиха*). Это характеризует особенность стиля сказок Писахова, создававшего их в народных «смеховых» традициях, не имеющих аналогов в художественной практике.

В сказках Степана Писахова один и тот же герой – *Малина* – является участником разных исторических событий, относящихся к разным эпохам, что указывает на недостоверность происходящего, на сказку:

«– *Мамай*, известно было, басурманин был, и жон у его цельно стадо было, все жоны как бы двоюродны, а настояшша одна – *Мамаиха*...

– Даже *Мамайка*, – это я *Мамая* так звал, – сказывал не однажды:

– И молодец ты, *Малина*, песни тянуть» («*Мамай*») [19, с. 324–325].

«– Это что за война! Вот ковды я [*Малина*] с *Наполеоном* воевал!

– С *Наполеоном*?

– Ну, с *Наполеоном*. Да я его тихим манером выпер из Москвы» («*Наполеон*») [19, с. 323].

Данный стилистический прием не зафиксирован ни в одной народной сказке, поэтому его можно считать новшеством сказки литературной.

Как русское литературное явление сказки Степана Писахова в своем роде уникальны. Основа его художественного метода – игровая выдумка, что, конечно, отразилось и на языке сказок.

Наблюдения над функционированием именований в сказках Б. В. Шергина и С. Г. Писахова показывают, что обращение писателей к сказочным сюжетам фольклора и предшествующей литературы позволяет использовать именования в различных функциях:

1. *Номинативная функция* (присуща всем именам).

2. *Функция социальной легализации*: *Федька-королек* [от король – уточ. И. А.] («Данила и Ненила» Б. В. Шергина), *староста Онисим* («Железнодорожный первопутук» С. Г. Писахова).

3. В *экспрессивной функции* представлены имена с различными суффиксами субъективной оценки: *Романушко* («Сказка о дивном гудочке» Б. В. Шергина), *Данилушко*, *Агнюшка* («Данило и Ненила» Б. В. Шергина) *Мамайка* («Мамай» С. Г. Писахова).

4. *Фатическая функция*. Борис Шергин в сказке «Ваня Датский» использует прием переименования: «А *Иванушко* за эти годы десять раз сходил в кругосветное плаванье. В Дании у него жена, народилось трое детей» [15, с. 32]; «Жена с плачем собирала *Ваню* в путь: “Ох, *Джон*! Узнает тебя мать – останешься ты там...”» [15, с. 33].

Смена русского имени *Иван* (*Иванушка*, *Ваня*) на его английский вариант – *Джон*, указывает на параллельное употребления данного онима, что связано с изменением местонахождения героя: Россия – Дания.

В тексте сказки также самым автором объясняется происхождение фамилии героя: «Графенины внуки-правнуки и сейчас живут на Севере, на Руси. По имени *Вани*, который в *Данию* бегал, и фамилия их – *Датские*» [15, с. 35].

5. *Ритмическая функция*. Литературная сказка начала XX века, которая в своей основе – прозаическая, имеет в качестве вкраплений в прозаические тексты поэтические отрывки. Например, в сказке Б. В. Шергина «Шиш складывает рифмы»: «Я твоего *Кузьму* / За бороду *возьму!*...» [16, с. 254].

6. *Аллюзивная функция*.

6.1. Включение имен исторических лиц в систему внесюжетных персонажей сказок (*Мамай, Наполеон*) в сказках Степана Писахова.

6.2. Введение онима, выступающего в функции косвенной характеристики действующего лица. В сказке Б. В. Шергина «Ванька Доброй» героиню по имени *Улянка* сравнивают с литературным персонажем *Квзимодо*. Таким образом, *СИ Квзимодо* выступает как наименование, временно «заменяющее» в контексте сказки подлинное название персонажа и выступающее в качестве характерологической функции.

Следует отметить, что Б. В. Шергин и С. Г. Писахов, опираясь на устно-поэтические традиции, находят новые сказочно-жанровые формы, новые способы употребления и введения антропонимов в сказочные тексты, что еще раз подчеркивает литературное происхождение их произведений:

1) циклизация сказок («Сказки о Шише» Б. В. Шергина) и, как следствие, введение сквозных героев: *Шиш* (Б. В. Шергин), *Малина*, *Сиволдай* (С. Г. Писахов);

2) введение героя-рассказчика, имеющего реального прототипа (*Сеня Малина* в сказках С. Г. Писахова);

3) использование стилистической несовместимости разных компонентов, что является проявлением сказочности имен (совмещение имен героев из разных исторических эпох: *Малина* и *Наполеон*, *Малина* и *Мамай* у С. Г. Писахова);

4) употребление имен в различных функциях при актуализации аллюзивной, что является проявлением литературности сказок анализируемых писателей.

Творчество Б. В. Шергина и С. Г. Писахова развивает и продолжает народные и предшествующие литературные традиции, в том числе и ономастические, при этом писатели создают свои неповторимые, авторские приемы наименования сказочных персонажей.

Перспективой дальнейшего исследования в данном направлении является изучение всего состава собственных имен в сказках писателей-сказителей Б. В. Шергина и С. Г. Писахова.

Библиографические ссылки

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985.
Т. 1. – 1985. – 512 с.
Т. 3. – 1985. – 496 с.
2. **Белов В. И.** Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – Л. : Лениздат, 1984. – 349 с.
3. **Галимов Шамиль.** Волшебный сказочник (Степан Писахов) / Шамиль Галимов // Чувство времени. – Архангельск : Северо-Западное книжное изд-во, 1966. – С. 9–36.
4. **Даль В. И.** Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит. – Т. 2. – 1984. – 399 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – Т. 4. – 684 с.
6. **Лойтер С.** Животворное слово / С. Лойтер // Север. – 1986. – № 3. – С. 105–109.
7. **Лойтер С. М.** Писатель-сказитель Степан Писахов / С. М. Лойтер // Творческая индивидуальность писателя и фольклор : сб. науч. трудов. – Элиста, 1985. – С. 130–138.
8. **Овчинникова Л. В.** Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: [учебное пособие] / Л. В. Овчинникова. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 312 с.

9. **Овчинникова Л. В.** Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (С. Г. Писахов) / Л. В. Овчинникова // Русская словесность. – 2002. – № 8 – С. 11–17.
10. **Овчинникова Л. В.** Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (Б. В. Шергин) / Л. В. Овчинникова // Русская словесность. – 2002. – № 3 – С. 15–20.
11. **Отин Е. С.** Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
12. **Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Госиниздат, 1959. – Т. 2. – 1284 с.
13. Приметы духовной культуры русского народа в языке Б. Шергина : / Режим доступа: http://www.literary.ru/literary.ru/print.php?subaction=showfull&id=1207132035&archive=1207225892&start_from=&ucat=& – Заголовок с экрана.
14. **Райкова И. Н.** Образ Пушкина в сказках Шергина и народная традиция : [Электронный ресурс] / И. Н. Райкова. – Режим доступа : http://www.centrfolk.ru/edition/publication_online/publication_collection/370/ – Заголовок с экрана.
15. **Шергин Б.** Ваня Датский / Б. В. Шергин // Литература в школе. – 1996. – № 2. – С. 32–35.
16. **Шергин Б. В.** Изящные мастера / Б. В. Шергин. – М. : Молодая гвардия, 1989. – 430 с.
17. **Шергин Б.** Поморщина-небыльщина / Б. В. Шергин. – М. : Сов. писатель, 1947. – 244 с.
18. **Шергин Б. В.** Шиш Московский / Б. В. Шергин. – М., 1930.
19. **Шергин Б. В.** Сказы и сказки / Б. В. Шергин, С. Г. Писахов. – М. : Современник, 1985. – 365 с.

Надійшла до редколегії 18.02.11

УДК 811.112.2'38

Е. Е. Берестень

Днепропетровский университет экономики и права имени Альфреда Нобеля

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ БАСЕН Г. Э. ЛЕССИНГА

Проаналізовано основні лінгвостилістичні особливості поетичних байок Г. Е. Лессинга; виявлено загальні мовні, стилістичні та структурні риси, притаманні раннім творам німецького байкаря.

Ключові слова: байка, особливості, мораль, експозиція, іронія, сатира, повтор, епітет.

Проанализированы основные лингвостилистические особенности поэтических басен Г. Э. Лессинга; выявлены общие языковые, стилистические и структурные черты, характерные для ранних произведений немецкого баснописца.

Ключевые слова: басня, особенности, мораль, экспозиция, ирония, сатира, повтор, эпитет.

This article attempts to analyze the main linguostylistic peculiarities of poetic fables of G. E. Lessing. The author exposes general linguistic, stylistic and structural features, typical for early works of the German fable writer.

Keywords: fable, peculiarities, moral, exposition, irony, satire, repetition, epithet.

Басенное наследие Готхольда Эфраима Лессинга является по сей день малоизученной темой как в отечественной, так и в зарубежной науке. Этот факт обуславливает актуальность нашего исследования. Среди отечественных специалистов отметим авторов, которые обращались в своих исследованиях либо к анализу особенностей басен Лессинга, либо к его просветительской теории басни.

Это Г. Фридлендер [3], В. Р. Гриб [1], В. П. Нестроев [2]. Все эти работы, разные по жанру и времени появления, внесли несомненный вклад в отечественное лессинговедение. Немецкие ученые также не обошли своим вниманием басенное наследие Г. Э. Лессинга. Среди них Дитмар Рейнгард [6], Вильфрид Либхен [4] и Г. Г. Маркшис [5].

Цель нашей статьи – проанализировать основные лингвостилистические особенности поэтических басен Г. Э. Лессинга.

Г. Фридлендер считает, что значимость басен Лессинга заключается в «острой критике немецкого общества XVIII в., которая звучит в них, несмотря на отвлеченно-моралистическую, дидактическую тенденцию» [3, с. 10]. В некоторых баснях заключены элементы сатиры на политическую жизнь Германии. Так, в басне «Подарок фей» Лессинг высмеивает Фридриха III за установленную им систему мелочных регламентаций военно-политической опеки поданных.

Исследователю кажется важным, что Лессинг защищает в баснях достоинство простого человека («Шахматный конь»). Он одобряет расправу над теми, кого «хищническая жадность» заставляет собирать большие запасы, чем нужно для жизни, в то время как другие страдают от бедности («Хомяк и Муравей»). Баснописец призывает не слишком верить рассказам сильных мира сего об их непобедимости («Воинственный волк»). Заметим, что в этом случае на первый план выдвигается этика басни, а не ее эстетика.

Г. Фридлендер отмечает также, что во многих баснях Лессинг оружием насмешки борется со своими литературными противниками. Он высмеивает подражательство немецких писателей старшего поколения, изображая их в виде обезьян, которые умеют подражать повадкам каждого зверя, но именно поэтому-то и неспособны вызвать у кого-либо другого желание подражать им самим («Обезьяна и Лисица»). Наряду с представителями классицизма и консервативно-бюрократической литературы Лессинг бичует реакционных цеховых ученых и трусливых филистеров, больше всего на свете боящихся тех, кто колеблет традиционные авторитеты («Бык и Теленок»).

В отличие от других исследователей, талантливый советский ученый и критик В. Г. Гриб отмечал, что «Басни» («Fabeln» 1759) являются «результатом духовной зрелости и возвышения Лессинга над узким миром мещанской драмы, выражением того направления, которое он хотел придать немецкой литературе» [1, с. 15].

Исследователь неоднозначно оценивает выбор самого жанра – трезво реалистического, склонного к широкому изображению общественной морализации. «Сатирический смысл многих басен еще общ и расплывчат. Лессинг часто осмеивает традиционные пороки – глупость, тщеславие, самодовольство – не в их специфическом феодально-немецком выражении, а в абстрактном обобщении от всяких исторических условий. Такой чисто аналитический художественный метод, не столько объясняющий порок, сколько классифицирующий его черты, требует художественной силы мольеровского масштаба, которым Лессинг не обладал» [8, с. 48–49]. Ученый называет также басни, где осмеиваются недостатки человеческой природы («Соловей и Павлин», «Гусь», «Мальчик и Змея», «Медведь» и «Слон»), малооригинальными, холодными, повторяющими общие изречения ходячей мудрости.

Исследователь В. П. Неустроев сосредоточивается на характеристике системы персонажей басни как жанра. Он утверждает, что в истории басенного жанра опыт Лессинга имел немалое значение. Анализируя басни, вошедшие в сборник «Fabeln» 1759, ученый отмечает, что в большинстве их используется живописный эпос («Хомяк и Муравей», «Лев и Заяц», «Орел и Охотничья Лошадь», «Соловей и Павлин»). Автор смело сталкивает различные принципы морали, про-

тивоположные линии поведения. Одни персонажи не любят сами трудиться, живут за чужой счет, другие, наоборот, трудолюбивы. Одни из них добры, самоотверженны, смелы, сильны, другие – трусливы, завистливы, лицемерны и жестоки. В. П. Неустроев приводит пример басни «Соловей и Павлин», где Соловей – воплощение подлинного служения искусству, а **Павлин лишь заслуживает восхищения благодаря своим красивым перьям, то есть не является настоящим мастером в области пения.**

Дитмар Рейнгард дает общую характеристику басен Лессинга. Ученый утверждает, что все басни, исключая ранние произведения, невелики по объему, скупы на поэтические средства, лишены витиеватости. В сравнении с баснями Лафонтена и его немецкими подражателями басни Лессинга выглядят «резко и сухо» («nüchtern und trocken»). Они лишены развлекательности, которая была присуща басням Грима и его современникам. От юмористических басен Лессинг перешел к серьезным, где он подчас выступает в слишком резком обличительном тоне (например «Лиса и Ворон»). Исследователь отмечает, что басни Лессинга характеризуются меткостью стиля, концовкой, содержащей «соль» басни, отшлифованностью языка.

По мнению Д. Рейнгарда, басенная теория Лессинга, несмотря на многие точные замечания, неверна («nicht gerecht wird»). Предложенный Лессингом принцип «снижения», как способ создания басни, приводит к рационалистическому суждению жанра. Ученый считает, что сами басни Лессинга разрывают «оковы» его теории, что свидетельствует о неподчинении Лессинга никаким правилам: «Lessings Prinzip der Reduktion als Mittel zum Erfinden von Fabeln bedeutet eine rationalistische Verengung. Lessings eigene Fabeln sprengen die Fesseln dieser Theorie und zeigen, daß sich der Dichter Lessing nicht unter das Joch einer Regel beugt» [6, с. 104].

Вильфред Либхен также изучает басенную теорию Лессинга и выделяет три принципа басни: принцип средства (Prinzip des Mittels), принцип задачи (Prinzip des Zwecks), принцип цели (Prinzip des Ziels).

«Die Fabel hat das Prinzip des Mittels (die Akteure sind niedere Geschöpfe wie Tiere, Pflanzen, Gegenstände), das Prinzip des Zwecks (Verstehen eines Falls durch vereinfachende Veranschaulichung), und das Prinzip des Ziels (durch Erkenntnis dem Rezipienten zu neuen Handeln führen wollen)» [4, с. 128].

Г. Л. Маркшис, обращаясь к анализу басен Лессинга, относит его ранние произведения 1753 г. к комическим басням, а сборник «Fabeln» (1759) рассматривает как попытку возродить басни Эзопа: «Lessing hatte mit seinen frühen Fabeln und Erzählungen in Versen (1753) die Grenzen der komischen Fabeln erfahren. Von daher fällt auch das rechte Licht auf seinen Versuch, die äsopischen Fabeln wieder zu erneuern» [5, с. 437]. Для анализа ученый выбирает три басни «Внешний вид» («Erscheinung»), «Бронзовая статуя» («Die eherne Bildsäule»), «Обладатель лука» («Besitzer des Bogens»), отмечая, что в последней заключается основная идея Лессинга о развитии басенного жанра. Просветитель пародирует наивный тон басни и оправдывает сознательный умысел (Kunstabsicht) новейших произведений стремлением автора к этике и созиданию: «Die Erscheinung parodiert den naiven Fabelton und rechtfertigt die bewusste Kunstabsicht der neueren Fabeln zu ihrem Endzweck der Sittenlehre und Erbauung» [8, с. 439].

Для анализа мы избрали стихотворные басни Лессинга, написанные им в период с 1747 по 1753 гг. Их называют «ранними» по отношению к следующему циклу басен «Fabeln» 1789. Проанализируем основные лингвостилистические особенности басни «Воробей и мышь». Для выражения главной мысли автор использует следующие лингвистические средства. Реплики Воробья состоят из по-

будительных предложений, в которых повторяется один и тот же приказ: *Sieh!* – Смотри! Достоинства Орла перечисляются в градации: сначала его физическая красота, затем готовность к отважному полету – моральное качество, и, наконец, преувеличение (гипербола):

... *bekannt mit Sonn und Blitzen,*
Zielt er nach Jovis Thron
 (...Он знаком с Солнцем и Молниями,
 стремится к трону Юпитера*).

Как следствие, сравнение персонажей происходит не по их схожести, а по их контрасту – таким образом возникает ирония.

Разберем такие примеры: *Doch kaum, daß ihr ungleicher Flug* (А этот рискует ему подражать). В подражании самом по себе нет никакого риска. Отождествление таких несхожих явлений, как риск и подражание – иронично.

Doch kaum, daß ihr ungleicher Flug
Sie beide bis zur Huh gemeiner Bäume trug...
 (Вряд ли их непохожий полет
 донес обоих до высоты деревьев).

Сравнение безмерной высоты полета Орла с конкретно ограниченной высотой дерева выражает иронию.

Als beide sich dem Blick der blöden Maus entzogen
Und beide, wie sie schloss, gleich unermüdlich flogen.
 (Поскольку они оба недоступны взору глухой Мыши,
 полет обоих, решила она, неизмеримо высок).

Оценка полета птиц иронична только по тому аспекту, виден ли он Мыши или нет. Однако в этой иронии заключается доля правды: как же Мышь может справедливо оценивать полет птиц, если она их не видит. Как видим, основным эстетическим средством этой басни является ирония – описание предмета посредством слов, обладающих противоположным данному объекту смыслом.

В басне экспозиция отсутствует. Автор не дает подробной характеристики персонажей, так как черты характера Мыши и Воробья знакомы читателю. Правдоподобность изображаемой ситуации достигается посредством олицетворения. Персонажи наделены чувствами, присущими человеку: восхищение кумиром, желание подражать ему, бахвальство. Развернутый сюжет практически отсутствует. Ситуация состоит из распространенного высказывания Воробья и короткой ответной реплики Мыши. В пояснении к изображенному фрагменту действия заключены одновременно и поучение, и отношение автора к персонажам, и критика их недостатков. Мораль басни не выполняет своей непосредственной функции животного эпоса, так как в заключение Лессинг приводит для сравнения пример из жизни: некий F подражает Мильтону так же, как Воробей Орлу. Это прием аналогии: автор **иллюстрирует человеческий характер, олицетворяя представителя из мира фауны.**

Итак, Лессинг меньше внимания уделяет сюжету, а больше – толкованию ситуации, которое призвано упростить действие настолько, чтобы поучение явно просматривалось в рамках самого действия. Как следствие, мораль лишена внезапности и остроты. В ней не заключена «соль» всей басни. Важен конкретный случай из жизни известных личностей, так что вся басня превращена в аллюзию, в намек для знатоков.

Тема басни «Орел и Сова» сходна с темой предыдущего произведения. Главная мысль – бесполезность соперничества с Орлом, так как его невозможно превзойти. Аргументы оппонента такие же: принадлежность спорящих к одному

* Здесь и далее – перевод наш (Е. Б.).

семейству и их существование в едином пространстве. Но коренное различие между персонажами определено изначально. Для этого автор использует конкретизирующие эпитеты: Сова – богиня Мудрости – Pallas' Eule; Орел – верховный бог – Adler Jupiters, занимающий более высокое положение, чем Сова. Поэтому он позволяет себе пренебрежительные, экспрессивно окрашенные негативные выражения по отношению к ней: «*Abscheulich Nachtgespenst!*» (Отвратительное ночное привидение). Тон Совы более сдержан: «*Bescheidner, darf ich bitten*» (скромнее, если позволите).

Автор использует синонимический повтор: Сова: «*Der Himmel heget mich und dich*» (Небо возвышает тебя и меня). Здесь в подтексте заложена идея сомнения в абсолюте божественного авторитета.

Орел: «*Wahr ist's, im Himmel sind wir beide*»

(Это правда, мы оба в небе).

Ключевая фраза Орла содержит аллегория:

Ich kam durch eignen Flug,

Wohin dich deine Göttin trug.

(Одним взмахом крыла я взлетал туда,

куда тебя вознесла твоя богиня).

Сопоставление производится на основе схожести явлений, но само изображение этих явлений обнаруживает переносные значения. Богиня не может вознести Сову в небо в буквальном смысле, а Орел достигал небесных высот наяву, в подтексте – формула метонимии.

Для выражения главной мысли автор прибегает к таким языковым средствам, как эмоционально окрашенная прямая речь, конкретизирующие эпитеты, синонимический повтор, аллегория, метонимия, подтекст.

Экспозиции в басне также нет. Автор сообщает о том, что Орел и Сова поспорили, но не говорит о причинах этого спора. Диалог состоит из реплики, возражения и ответной реплики. От морали Лессинг вообще отказывается. Резюме басни содержится в заключительной реплике Орла. В морали нет необходимости, так как конфликт полностью исчерпан и различие между Орлом и Совой, о существовании которого они спорили, доказано еще в ходе действия. В предыдущей басне текст был иллюстративен по отношению к моралистическому тезису, поэтому отсутствие морали в этом произведении закономерно.

Лаконичность басни достигается за счет логично выстроенных реплик. Сначала мы испытываем антипатию к Орлу, который оскорбил Сову, но явное преимущество этого персонажа в споре свидетельствует о ясном уме, которым наделил его автор. Поведение Совы в начале спора достойно уважения, но необоснованные доводы, которые она приводит, умаляют ее достоинства. Кроме того, Лессинг не выражает собственной оценки поступков героев и не стремится растолковать общее моральное положение, на котором основана басня, как это он делает в басне «Воробей и Мышь». Мораль, которая ожидается от имени автора, вкладывается в уста персонажа: в основе морального тезиса – этика личной доблести (virtu), известная со времен Ренессанса.

К языковым средствам, которые использует автор в басне «Танцующий Медведь», относятся повторы и перечисления:

Медведь: «*Tut mir es nach, wenn's euch gefällt*

Und wenn ihr könnt!»

(Повторяйте за мной, если вам это нравится,

И если вы сможете!)

Употребленный несколько раз союз «если» подчеркивает уверенность танцующего Медведя в том, что другие не в состоянии подражать ему.

Sie sei so schwer,

*Sie sei so rar sie sei,
Zeigt deinen niederen Geist und deine Sklaverei.*
(Подобное искусство, якобы столь трудное,
Якобы столь редкое, – каким бы оно ни было,
показывает твоё малодушие и твоё раболепие).

Первое утверждение не содержит иронии – искусство танца, действительно, трудное. Второе утверждение иронично, так как танец – не такое уж редкое искусство. Третье утверждение содержит резкую сатиру, относящуюся уже не к искусству танца, а к персонажу: свободное гордое животное не только позволило себя приручить, поработить, но и считает это своим достоинством.

В этом произведении мы видим довольно объемную, по сравнению с предыдущей басней, экспозицию. Автор подробно сообщает, что происходило с персонажами до момента действия. Реплика Танцующего Медведя иллюстрирует моральный принцип. Старый Медведь в своей ответной реплике развенчивает этот принцип и обвиняет Медведя, который его придерживается, в малодушии. Часть текста, в которой заключена мораль, отличается большим объемом (в отличие от предыдущей басни). Здесь Лессинг сопоставляет описываемую ситуацию с обобщающим примером, когда придворный добивается высокого положения за счет коварства, лести и хитрости. Используя прием аналогии, автор ставит в один ряд Медведя, танцующего на задних лапах, и придворного подхалима.

Мораль содержит назидательность, но она ненавязчива. Обычно мораль содержит неоспоримое утверждение. Здесь – прямой вопрос, который остался без ответа, то есть структура басни открытая, нетрадиционная.

В ходе анализа стихотворных басен Лессинга установлено, что круг тем, к которым обращается просветитель, обширен, но есть и основные направления. Лессинг высмеивает общие человеческие пороки: глупость, жадность, трусость. Основными языковыми средствами, которые автор использует для выражения главной мысли, являются: ирония, выражающая неприятие автором того или иного явления; конкретизирующие эпитеты, определяющие характер персонажа; синонимические повторы и грамматический параллелизм – для утверждения какого-либо тезиса; повторы, передающие эмоциональное напряжение персонажа; аллегория, подразумевающая изображение предметов и явлений в иносказательном плане; перечисления как средства сатиры; противопоставления; фразеологизмы, которые обладают поучительным характером и включают в себя народную мудрость. Характер героя автор не анализирует, выбирая значимый образ-тип, маску. Чтобы воссоздать портрет героя в определенной ситуации, показать его внутренний мир, передать эмоциональное настроение, баснописец использует прямую речь. Характерными для структуры высказываний персонажей являются восклицания, модальные слова и частицы, словесные пары. В лексике присутствуют простонародные элементы. Особенностью синтаксиса являются восклицательные, вопросительные и побудительные предложения.

Структура басен различна. Басни, небольшие по объему, не имеют экспозиции. Ситуация строится по схеме, которую вычленил Д. Рейнгард: реплика / действие – возражение / ответное действие – вывод.

К перспективам развития данной проблематики относится лингвостилистический анализ прозаических басен Г. Э. Лессинга.

Библиографические ссылки

1. Гриб В. Р. Лессинг / В. Р. Гриб // Избранные работы. Статьи и лекции по зарубежной литературе. – М., 1956. – С. 15–150.

2. **Неустроев В. П.** Готхольд Эфраим Лессинг / В. П. Неустроев // История зарубежной литературы XVIII в. – М., 1987. – С. 306–322.
3. **Фридендер Г.** Лессинг. Очерк творчества / Г. Фридендер. – М., 1957. – 239 с.
4. **Liebchen W.** Die drei Prinzipien der Fabeln / W. Liebchen // Wilfried Liebchen. Die Fabel. Das Vergnügen der Erkenntnis. – Rhon-Grabfeld / Kiliansho, 1990. – S. 119–128.
5. **Markschies H. L.** Fabel / H. Marksches // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. – Berlin, 1958. – S. 433–439.
6. **Reinhard D.** Lessing / D. Reinhard // Ditmar Reingard. Die Fabel. – Paderborn, 1988. – S. 102–104.

Надійшла до редколегії 08.12.10.

УДК 811.161.2'373.43

Г. М. Вокальчук

Рівненський державний гуманітарний університет

УКРАЇНСЬКА ІНДИВІДУАЛЬНО-АВТОРСЬКА НЕОГРАФІЯ: СТАН І ПЕРСПЕКТИВИ

Проаналізовано стан і перспективи української індивідуально-авторської неографії. Визначено наукову цінність лексикографічної фіксації авторських новотворів із погляду теорії номінації, деривації, психолінгвістики. Схарактеризовано особливості лексикографічного опису новотворів. Проаналізовано результати роботи лексикографічної лабораторії «Острозький неограф» Національного університету «Острозька академія».

Ключові слова: лексикографія, індивідуально-авторська неографія, авторський лексичний новотвір, українська поезія XX ст.

Проанализированы состояние и перспективы украинской индивидуально-авторской неографии. Определена научная ценность лексикографической фиксации авторских новообразований в аспекте теории номинации, деривации, психолингвистики. Охарактеризованы особенности лексикографической репрезентации новообразований. Проанализированы результаты работы лексикографической лаборатории «Острожский неограф» Национального университета «Острожская академия».

Ключевые слова: лексикография, индивидуально-авторская неография, авторское лексическое новообразование, украинская поэзия XX в.

The state and prospects of Ukrainian individual-author's neography have been analyzed. The scientific value of lexicographical fixation of author's neolexemes from the point of view of the theory of nomination, derivation and psycholinguistics has been defined. The peculiarities of lexicographical description of lexical innovations have been characterized. The results of the work of lexicographical laboratory "Ostroh Neographer" of Ostroh Academy National University have been analyzed.

Keywords: lexicography, individual-author's neography, author's lexical innovation, Ukrainian poetry of the XX century.

В українській письменницькій лексикографії авторська неологічна лексика здавна фіксувалася в словниках мови письменників. Однак фактично до 70-х рр. XX ст. не було створено спеціальних словників АЛН із належним чином опрацьованим теоретичним підґрунтям для наукового опису й систематизації специфічного лексичного матеріалу. Поступове нагромадження та різноаспектний лексикографічний опис неологічної лексики в загальномовних словниках закономірно призвели до необхідності виокремлення самостійної галузі словництва, що перебуває на перетині двох лексикографічних напрямів – письменницької лексикографії та неографії. Це – індивідуально-авторська неографія, що має власний об'єкт наукового дослідження (мову художніх творів) і предмет наукового

опису – авторський лексичний новотвір (АЛН). Окремі аспекти аналізу розвитку вітчизняної неографії подано в працях Є. А. Карпіловської, О. А. Стишова, Ж. В. Колоїз, Д. Мазурик та інших фахівців. **Метою** пропонованої статті є спроба аналізу стану й накреслення перспектив сучасної української індивідуально-авторської неографії, обґрунтування актуальності лексикографічної фіксації авторських поетичних новотворів, опис результатів роботи неографічних лабораторій Рівненщини.

Як відомо, упродовж минулого століття український словниковий склад поповнився значною кількістю лексичних інновацій. Це стосується й поетичного словника, у складі якого виокремлюється значний за обсягом корпус АЛН. Лексикографічна фіксація авторських поетичних неолексем становить важливу наукову цінність із різних поглядів.

Із погляду теорії номінації лексикографований матеріал ілюструє можливості заповнення певних номінативних лакун у лексичній системі мови, сприяє поглибленому вивченню явища оказіональності, уможливорює прогнозування розвитку словникового складу мови через узуалізацію окремих новотворів. Так, сучасному носієві української мови важко навіть уявити, що в ХІХ – середині ХХ ст. не були загальновідомими і широко вживаними такі значеннєво потужні щодо вираження особливостей національного менталітету українців лексеми, як **мрія** (М. Старицький), **страдниця** (І. Нечуй-Левицький), **юнка**, **вітровіння** (П. Тичина) та ін.

Із погляду деривації лексикографовані одиниці виявляють словотвірні потенції української мови, засвідчують перевагу одних словотворчих засобів над іншими. Приміром, наприкінці ХХ – на початку ХХІ ст. у поезії значно активізувалося використання загалом рідкісних і нетрадиційних для української деривації способів творення інновацій, зокрема: а) контамінації: *привидонечка* (І. Римарук), *нонсенсінтниця* (С. Либонь), *баракко* – від *бароко* + *барак*, *дракоко* – від *дракон* + *бароко* (М. Калько); б) зрощення власне українських слів із чужомовними лексичними вкрапленнями: *йоцемидаєс* – від *Йо!* [діалектне, вигук. – Г. В.] + *Це ми?* + *Да!* + *Yes!*, уживається в значенні ‘той, хто живе в складний перехідний час, коли змінюються моральні цінності, змішуються культури, мови різних народів’ (М. Стрельбицький); в) поєднання двох антропонімів у межах одного АЛН: *Віктореоля*, *Олевіктор* (В. Неборак) тощо.

Із психолінгвістичного погляду словники АЛН засвідчують мовно-естетичні пріоритети автора, специфіку його світобачення і світосприйняття. Наприклад, у поетичному лексиконі одного з найактивніших словотворців ХХ ст. М. Семенка засвідчено велику кількість інновацій, створених на основі прецедентних імен, як-от: *розметерлінчити* (від *Метерлінк*), *занадсонити* (від *Надсон*), *уайльдно* (від *Уайльд*), *оболесити* (від псевдоніма українського поета Олександра Олеся), *хвильвушка*, *хвильовенко* (від псевдоніма українського письменника і культурного діяча М. Хвильового) тощо.

Із мовно-історичного погляду словники АЛН актуалізують певні реалії, поняття в мовно-номінативному просторі соціуму на конкретному хронологічному зрізі. Так, поетичний лексикон минулого століття поповнився інноваціями, що є естетизованими презентантами реакції суспільства на значущі події в його житті; наприклад, чорнобильська трагедія вербалізувалася в АЛН різних частиномовних класів, як-от: *чорнобильно* (М. Карпенко), *чорнобіль* (С. Українець), *атоман* ‘людина, причетна до Чорнобильської катастрофи, яка допустила страшну трагедію’ (В. Омелянчук) [3, с. 300], *надчорнобильський* (М. Вівчарук), *зчорноблений* (І. Пащук) та ін. Окрім того, лексичні одиниці, представлені в словниках неологічної лексики, опосередковано відбивають ідеологію й філософію

поетичної мови певної епохи, унаочнюють еволюцію образних засобів поезії в історії літературної мови.

Із гуманітарного погляду лексикографія загалом та індивідуально-авторська неологія зосібна відіграють важливу соціокультурну роль в історії розвитку писемності й культури суспільства. Словники як жанр довідкової літератури презентують інтелектуальну еволюцію народу, його мовно-естетичний розвиток.

На сьогодні українська індивідуально-авторська неологія має значні здобутки (детальний аналіз їх подано у: 4; 6, с. 300–459; 14, с. 5–59). Найпершими спеціальними словниками авторської неологічної лексики були словники новотворів П. Тичини [9] і М. Рильського [13], укладені у 70-ті роки минулого століття Г. М. Колесником. У цих джерелах було описано 637 інновацій П. Тичини та 220 новотворів М. Рильського. Саме ці словники започаткували становлення української індивідуально-авторської неології.

Значний сплеск в еволюції цього напрямку письменницької лексикографії припадає на 90-ті рр. ХХ – початок ХХІ ст., коли було опубліковано ряд найпоказовіших в аспекті досліджуваної проблеми лексикографічних праць. Зокрема в праці Н. М. Сологуб «Мовний портрет Яра Славутича» [16] було вміщено словник індивідуальних слововживань поета, що дав користувачеві загальне уявлення про особливості словотворення Яра Славутича.

Заслугує на увагу «Словник поетичної мови Василя Стуса. Рідковживані слова та індивідуально-авторські новотвори» Л. В. Оліфіренка [15]. Незважаючи на те, що в українській лексикографії вже є словники такого типу (словники мови творів Т. Шевченка, І. Франка, Лесі Українки та ін.), пропонується праця «оперує не всім лексичним фондом творів автора, а розглядає лише ті лексичні одиниці, що належать до т. зв. пасивного шару лексики сучасної української мови» [15, с. 3], зокрема АЛН, як характерну ознаку лірики письменника.

Аналізуючи стан лексикографічного опису АЛН упродовж 90-х – початку 2000-х рр., не можна не сказати про появу значної кількості словників та словопоказчиків АЛН, поданих у додатках до дисертаційних робіт. Утім, лише окремі праці супроводжувалися матеріалами, що розкривали теоретичні засади лексикографічного опису АЛН [8; 2; 21].

Спробуємо зробити певні узагальнення й висновки стосовно особливостей лексикографічного опису АЛН, поданих у додатках до дисертацій.

Із-поміж проаналізованих словників та словопоказчиків найбільша кількість АЛН зафіксована у працях В. В. Герман – 2 227 [7], О. О. Жижомі – 2 000 [8], О. М. Турчак – близько 1400 [20], Т. Г. Юрченко – близько 1000 [22]; меншими за кількісним обсягом є словники в працях А. А. Калетнік – близько 700 [10], Г. М. Вокальчук – близько 300 одиниць [5]. Така суттєва відмінність у кількісному складі описуваних АЛН зумовлена передусім об'єктом наукового дослідження і джерельною базою.

Особлива увага дослідників звертається на АЛН, засвідчені насамперед у мові поезії. Специфічна форма віршованого твору дає авторові змогу оперативно втілити в поезії (і частково в АЛН) власну реакцію на щонайменші зміни в житті соціуму та індивіда. До того ж опрацювати мову поетичного твору (вірша) зазвичай можна значно швидше, аніж мову прозового тексту (оповідання, повісті, роману). Відповідно досить мала кількість спеціальних словників і показчиків фіксує АЛН у мові художньої прози (напр.: 20).

Словників і показчиків, що фіксують АЛН у мові публіцистики та ЗМІ, також небагато, попри те, що у 90–2000-ні рр. інноваційні процеси в цій мовній сфері неабияк активізувалися, що й відзначили дослідники (праці Є. А. Карпіловської, О. А. Стишова, Ж. В. Колоїз, А. М. Нелюби та ін.).

Із-поміж проаналізованих лексикографічних джерел нам не трапилися словники АЛН, засвідчених у мові драматичних творів, через що вбачається необхідним подальше заповнення цієї лексикографічної «ніші». Матеріал для таких майбутніх досліджень, безумовно, є: драматичні твори сучасних авторів – О. Ірванця, Н. Нежданої та ін. – можуть слугувати джерелом для реалізації лексикографічних проектів у цьому напрямі.

Показово, що об'єктом лексикографічного опису є АЛН певних хронологічних зрізів. Найбільший інтерес для сучасних дослідників становлять АЛН письменників, чия творча діяльність припадає на «найгарячіші» періоди в житті українського суспільства (що зумовило й активну авторську словотворчість): 1) добу українізації (за термінологією І. І. Огієнка) – 20-ті – початок 30-х рр. XX ст.; 2) період шістдесятництва – 60–70-ті рр.; 3) період здобуття й становлення державної суверенності – 90–2000-ні роки.

Стосовно презентації в словнику АЛН одного, кількох чи багатьох авторів, то спостерігається тенденція до опрацювання дослідниками лексикону багатьох авторів. Основними критеріями відбору персоналій є такі: 1) хронологічний – опрацьовуються тексти письменників, творча діяльність яких припадає на певний обраний дослідником період; 2) ідейно-естетичний – до аналізу залучаються тексти авторів, що належали до одного літературного напрямку, угруповання, школи (напр., словник АЛН неокласиків) [10]. Порівняно менше лексикографічних джерел об'єктом опису мають АЛН одного автора – зазвичай це видатні постаті в історії української літератури: І. Драч [19]; П. Загребельний [22], В. Барка [1] та ін.

У процесі аналізу зазначених лексикографічних джерел виявилось, що в реєстрах АЛН поряд із оказіональними одиницями трапляються узуальні лексеми, а також розмовні, просторічні слова, діалектизми чи іншомовні запозичення. Наявність такого лексичного матеріалу у реєстрі інновацій свідчить про необхідність здійснення скрупульозної лексикографічної експертизи, що має на меті опрацювання дослідником максимальної кількості різножанрових словників задля уточнення реєстру власне авторських інновацій. Як відомо, саме лексикографічний критерій ідентифікації оказіонального слова (авторського чи неавторського) є одним із основних.

Проаналізований матеріал засвідчив, що АЛН описувалися загалом за такими лексикографічними параметрами, як алфавітний спосіб представлення; фіксація новотвору в традиційній для певної частини мови початковій формі; ілюстративний матеріал (нерідко – мікроконтекст); презентація в реєстрах АЛН переважно багатьох авторів; паспортизація АЛН.

Значно ширшого представлення в словниковій статті, присвяченій власне АЛН, у подальших неографічних проектах вимагають передусім такі лексикографічні параметри: 1) тлумачення значення АЛН; 2) фіксація їхньої частиномовної належності; 3) характеристика граматичних форм АЛН; 4) порівняльні аспекти опису АЛН, напр., порівняння АЛН із узуальними словами, фольклоризмами, АЛН інших авторів тощо – з метою виявлення й увиразнення типового й оригінального в структурі, семантиці, стилістичних особливостях лексикографованих АЛН та ін.

Отже, створення різноаспектних словників АЛН продовжує залишатися одним із актуальних завдань сучасної індивідуально-авторської неографії. Зважаючи на це, в Національному університеті «Острозька академія» з 2007 р. реалізується лексикографічний проект «Українська індивідуально-авторська неографія» (науковий керівник – проф. Г. М. Вокальчук). У межах проекту створено лексикографічну лабораторію «Острозький неограф», основним завданням якої є формування емпіричної бази для подальшого укладання академічного словника

АЛН в українській поезії XIX–XXI століть. 2009 р. університет підписав Угоду про наукову співпрацю в галузі неологічних досліджень з Інститутом української мови НАН України [18, с. 5–8]. З вересня 2010 р. при кафедрі української мови імені академіка К. Ф. Шульжука Рівненського державного гуманітарного університету розпочала свою діяльність неологічна лабораторія «NEOLEX-Рівне». На сьогодні діяльність обох лабораторій спрямована передусім на формування електронного ресурсу «Словника авторських лексичних новотворів в українській поезії XX століття», до реєстру якого має увійти не менше 10 000 одиниць (аналогічний словник, що містив понад 6300 АЛН, побачив світ 2004 року [1]), а також публікацію персональних словників видатних українських поетів. Зокрема конкретними здобутками лабораторій є 5 випусків збірників наукових праць (у тім числі неологічних словників) лексикографічної серії «Українська індивідуально-авторська неографія» [11; 13; 16; 17; 18].

Отже, попри значні здобутки, у галузі індивідуально-авторської неографії все ще залишаються певні лакуни, які накреслюють перед дослідниками привабливі наукові перспективи. Зокрема актуальною є лексикографічна робота в таких напрямках:

1) створення *словників неологічної лексики одного письменника* сприятиме глибшому проникненню в творчу лабораторію автора, розкриватиме особливості його мовно-поетичної картини світу, яка є невід'ємною складовою національної мовно-поетичної картини світу;

2) створення *порівняльних словників* неологічної лексики двох (кількох) письменників даватиме реальні можливості для зіставлення й порівняння різних аспектів словотворчої діяльності досліджуваних авторів, виявлення у їхніх мовно-поетичних картинах світу тих АЛН, що в специфічній формі відбивають індивідуальне й типове, конкретне й загальне;

3) укладання *тлумачних словників* АЛН даватиме неоціненний фактичний матеріал для подальших семантичних і семасіологічних студій;

4) створення *перекладних словників* АЛН сприятиме поглибленому, усвідомленому вивченню творчості українського письменника чужомовними адресатами (студентами, фахівцями та ін.), що є особливо значущим із культурологічного погляду;

5) укладання *словотворчих словників* АЛН даватиме розмаїтий матеріал для ілюстрації невичерпних дериваційних можливостей мови в процесі вивчення окремих розділів курсу сучасної української літературної мови у вищих та загальноосвітніх навчальних закладах;

6) створення *тематичних словників* АЛН у поезії XX ст. уможливить виявлення тих найвагоміших аспектів буття й еволюції народу впродовж зазначеного періоду, які знайшли в мовотворчості письменників своє мовно-естетичне відбиття й вербалізувались в оригінальних номінаціях, що засвідчують специфіку світобачення й світовідчуття креативної мовної особистості, актуальні (для окремої особистості і для соціуму загалом) й нестандартним чином вербалізовані фрагменти об'єктивної дійсності.

Бібліографічні посилання

1. **Адах Н. А.** Словник авторських лексичних новотворів Василя Барки // Адах Н. А. Авторські лексичні новотвори Василя Барки (семантико-дериваційний та лексикографічний аспекти) / Н. А. Адах; за ред. Г. М. Вокальчук. – Рівне : Вид-во Олега Зеня, 2007. – С. 52–131.

2. **Бондаренко А. І.** Показчик індивідуальних вживань лексики емотивного змісту в поетичних творах В. Стуса // Поетична мова В. Стуса (експресивна емотивного змісту) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / А. І. Бондаренко. – К., 1996. – С. 177–210.
3. **Брітківа К. В.** Словник нових іменників – назв особи // Брітківа К. В. Узуальне та okazіональне в інноваціях сучасної української мови: тенденції оновлення лексико-словотвірної категорії назв особи : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / К. В. Брітківа. – Донецьк, 2007. – С. 230–303.
4. **Вокальчук Г. М.** Авторський неологізм в українській поезії ХХ століття (лексикографічний аспект) / за ред. А. П. Грищенка : [монографія] / Г. М. Вокальчук. – Рівне : Науково-видав. центр «Перспектива», 2004. – 524 с.
5. **Вокальчук Г. М.** Словник okazіональних назв осіб в українській поезії 20–30-х років ХХ століття // Okazіональна номінація осіб в українській поезії 20–30-х років ХХ століття : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Г. М. Вокальчук. – К., 1991. – С. 253–283.
6. **Вокальчук Г. М.** Словотворчість українських поетів ХХ століття : [монографія] / Г. М. Вокальчук ; відп. ред. С. Я. Єрмоленко. – Острого : Нац. ун-т «Острозька академія», 2008. – 536 с.
7. **Герман В. В.** Індивідуально-авторські неологізми (okazіоналізми) в сучасній поезії (60–90-ті роки) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / В. В. Герман. – К., 1999. – 307 с.
8. **Жижом О. О.** Реєстр досліджуваних новотворів // Жижом О. О. Індивідуально-авторські новотвори в поетичному дискурсі 80–90-х років ХХ століття : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / О. О. Жижом. – Маріуполь, 2003. – С. 197–242.
9. **«З'являються нові слова у мові»** [упор. Г. М. Колесник] // Тичина П. Квітни, мово наша рідна! – К., 1971. – С. 95–171.
10. **Калетнік А. А.** Алфавітний словник неологізмів неокласиків // Калетнік А. А. Лінгвістичний статус неологізмів у неокласичному тексті : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / А. А. Калетнік. – Т. 2. – К., 2008. – С. 2–140.
11. **Київські неокласики: словотворчість** / [уклад. Н. В. Гаврилюк]; відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острого : НаУ «Острозька академія», 2009. – 216 с.
12. **Мовотворчість Павла Тичини** у дзеркалі третього тисячоліття: [зб. наук. праць]; відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острого : НаУ «Острозька академія», 2011. – 268 с.
13. **«Нове життя нового прагне слова»** // Рильський М. Як парость виноградної лози [упор. Г. М. Колесник]; відп. ред. І. К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1973. – С. 227–260.
14. **Проблеми й перспективи авторської лексикографії.** «Регіональний» словник поетичних неолексем (Рівненщина) ; відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Вид. 2-е, випр. і доп. – Острого : НаУ «Острозька академія», 2008. – 192 с.
15. **Словник поетичної мови Василя Стуса.** Рідковживані слова та індивідуально-авторські новотвори / [уклад. Л. В. Оліфіренко]. – К. : Абрис, 2003. – 90 с.
16. **Словничок індивідуальних слововживань Яра Славутича** // Сологуб Н. Мовний портрет Яра Славутича. – К. : Дніпро; Вінніпег : Українська Вільна Академія Наук, 1999. – С. 132–138.
17. **Словотворчість шістдесятників** : [зб. наук. праць] / В. Стус. І. Калинець. Г. Чубай. І. Світличний; відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острого : НаУ «Острозька академія», 2010. – 492 с.
18. **Словотворчість шістдесятників.** Ліна Костенко. Микола Вінграновський; відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острого : НаУ «Острозька академія», 2010. – 178 с.
19. **Тиха Л. Ю.** Словопоказчик метафор за ключовими лексемами // Тиха Л. Ю. Метафора в поетичному дискурсі Івана Драча : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Л. Ю. Тиха. – Луцьк, 2007. – С. 176–222.
20. **Турчак О. М.** Показчик okazіоналізмів // Турчак О. М. Okazіоналізми в мові української преси 90-х років ХХ століття : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / О. М. Турчак. – Дн.: ДНУ, 2004. – С. 209–256.
21. **Шутова Л. І.** Словник епітетів поетичної мови 20–30-х років ХХ століття // Л. І. Шутова. Епітет в українській поезії 20–30-х років ХХ століття (структурно-семантичний і функціональний аспекти) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Л. І. Шутова. – Т. 2. – К., 2003. – 387 с.

22. **Юрченко Т. Г.** Показчик okazіоналізмів // Оказіоналізми у творчості Павла Загребельного: структурно-семантичний і стилістичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Т. Г. Юрченко. – К., 2003. – С. 218–259.

Надійшла до редколегії 07.04.11

УДК 811.161.1'373.46

Т. Н. Высоцкая

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СУФФИКСАЛЬНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

З точки зору когнітивної ономасіології розглянуто моноксемні терміни-найменування технічних артефактів гірничої промисловості; визначено основні моделі термінів та характер їх вмотивованості.

Ключові слова: найменування технічного артефакту, моноксемний термін, ономасіологічна ознака, ономасіологічний базис, ономасіологічна структура.

С точки зрения когнитивной ономасиологии рассмотрены моноксемные термины-наименования технических артефактов горной промышленности; определены основные модели терминов и характер их мотивированности.

Ключевые слова: наименование технического артефакта, моноксемный термин, ономасиологический признак, ономасиологический базис, ономасиологическая структура.

Mining industry artefacts monolexemic nominations are studied from the cognitive onomasiological point of view; the main models of terms and the character of their motivation are stated.

Keywords: technical artefact nomination, monolexemic term, onomasiological attribute, onomasiological basis, onomasiological structure.

Термины-наименования технических артефактов горной промышленности, как и обычные слова, образуются на базе существующих слов и корней общелитературной и специальной лексики. Среди терминов этой группы встречаются все структурные типы слов, которые характерны для русского языка: простые, производные и сложные слова. Изучение особенностей словообразования языка данной отрасли представляет несомненный интерес, так как правильное понимание закономерностей терминологического словообразования поможет осознать системную организацию исследуемой терминологии.

Цель настоящей статьи – дать ономасиологическую характеристику однословных терминов-наименований горной промышленности, а именно: показать, как соотносятся понятия, отраженные в семантике терминологических единиц, под какие категории подводится обозначаемое, установить характер мотивированности и показать понятийные механизмы образования наименования.

Достижение данной цели требует решения следующих конкретных практических задач: 1) определения ономасиологической структуры производного; 2) идентификации ономасиологического базиса и ономасиологического признака моноксемных суффиксальных наименований технических артефактов горной промышленности; 3) определения типа семантических отношений между ними.

Теоретическую базу исследования составляют труды таких ведущих специалистов в области лингвистики и терминологии, как С. В. Гринёв-Гриневиц [4], В. П. Даниленко [6], Е. С. Кубрякова [7], В. И. Шадрин [9].

Источником материала исследования послужила выборка номинаций технических артефактов горной промышленности [1].

«В терминах деривационной ономазиологии производное имя, т. е. языковая единица расчлененного способа именования, имеет бинарную номинативную структуру» [9]. В соответствии с теорией Е. С. Кубряковой, «ономазиологическая структура производного складывается из ономазиологического базиса – понятия, которое кладется в основу обозначения, и ономазиологического признака – понятия, которое так или иначе уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его, или конкретизируя, или модифицируя основу называния» [10].

Центральным элементом методики ономазиологического исследования является «ономазиологическая модель производного слова, под которой понимается структурно-семантическая формула, во-первых, отражающая его морфологическое строение, во-вторых, называющая ономазиологические разряды компонентов, входящих в его состав, и, в-третьих, указывающая тип семантических отношений, в которые вступает основа и суффиксальный элемент для наречения того или иного лица или предмета» [7].

Использование ономазиологического метода в анализе терминологии позволяет установить, как соотносятся понятия, отраженные в семантике этих терминологических единиц, подвести обозначаемое под определенную категорию, выявить понятийные механизмы образования наименования, характер мотивированности нового наименования; ономазиологический метод направлен на объяснение связи ономазиологической структуры со структурами знаний об объекте номинации [5, с. 115].

Однословные наименования технических артефактов горной промышленности составляют чуть более трети всего проанализированного нами корпуса (342 термина из 1017), или 34 %. Морфологическая деривация не актуальна для исследуемого пласта лексики и представлена аффиксацией и сложением. При этом среди аффиксальных дериватов преобладают термины, созданные суффиксальным способом, включая нулевую суффиксацию (всего 83 номинативные единицы): *бегун, вертлюг, верхняк, вкладыш, водило, горелка, державка, забурник, заглушка, наводка, переходник, ползун, расширитель, скалыватель, тягач, захват, крепь* и др.

В структуре суффиксальных производных выделяются следующие ономазиологические базисы: Ø, -ун, -ёк, -ик, -люг, -як, -ыш, -л, -ник, -тель, -к, -вк, -иц, -льник, -очк, -ок, -шк, -ч, -ён, -ени, -ни, -ец, -ач. Очевидно, что состав употребляемых суффиксов достаточно разнообразен и включает те же суффиксы, которые используются в общелитературном языке, однако не все они широко употребляются.

В кругу однословных терминов-суффиксальных дериватов выделяем следующие словообразовательные модели (расположим их по мере убывания продуктивности):

1) «основа глагола + -Ø»: *вал, ворот, затвор, захват, крепь, настил, опора, отвал, перекрытие, подхват, привод, став, тяга, упряжь*;

2) «основа глагола + -ка»: *вставка, заглушка, заклёпка, заслонка, наводка, надстройка, накладка, насадка, оттяжка, подкладка, прокладка, стойка, сцепка*;

3) «основа глагола + -тель»: *вращатель, глушитель, движитель, засыпатель, ограничитель, перегружатель, питатель, разъединитель, расширитель, рыхлитель, скалыватель, успокоитель*;

4) «основа глагола + -чик»: *грузчик, датчик, погрузчик, податчик*;

5) «основа глагола + -ник»: *забурник, затирник, переходник, проходник*;

- 6) «основа глагола + -ун»: *ползун, скользун, шатун*;
- 7) «основа глагола + -л(о)»: *водило, дышло*;
- 8) «основа глагола + -ок»: *каток, скребок*;
- 9) «основа существительного + -ник»: *воротник, угольник*;
- 10) «основа существительного + -ик»: *буртик, валик*;
- 11) «основа глагола + -люг»: *вертлюг*;
- 12) «основа глагола + -ыш»: *вкладыш*;
- 13) «основа глагола + -лк(а)»: *горелка*;
- 14) «основа глагола + -вк(а)»: *державка*;
- 15) «основа глагола + -льник»: *затиральник*;
- 16) «основа глагола + -шк(а)»: *крышка*;
- 17) «основа глагола + -ени(е)»: *ограждение*;
- 18) «основа глагола + -ни(е)»: *основание*;
- 19) «основа глагола + -ец»: *резец*;
- 20) «основа глагола + -ач»: *тягач*;
- 21) «основа глагола + -ак»: *черпак*;
- 22) «основа существительного + -ок»: *бегунок*;
- 23) «основа существительного + -ёк»: *боёк*;
- 24) «основа существительного + -ищ(е)»: *днище*;
- 25) «основа существительного + -ь(а)»: *крючья*;
- 26) «основа существительного + -ён(а)»: *маслёнка*;
- 27) «основа существительного + -к(а)»: *рукоятка*;
- 28) «основа прилагательного + -як»: *верхняк*.

К числу самых продуктивных относятся суффиксы: *-Ø, -к(а), -тель* (являются ономаσιологическими базисами словообразовательных моделей №№ 1–3). При этом около 60 % русских суффиксальных моноксемных терминов-наименований артефактов горной промышленности образовано с помощью пяти наиболее употребляемых суффиксов: *-Ø, -к(а), -тель, -чик, -ник*, которые являются ономаσιологическими базисами моделей №№ 1–5. Проанализируем данные модели, представляющие для нас наибольший интерес ввиду их продуктивности.

Модель № 1 «основа глагола + Ø» представлена терминами, у которых в качестве производящих основ (ономаσιологических признаков) выступают глаголы совершенного и несовершенного вида, префиксального и беспрефиксального образования. Ономаσιологическая структура данной модели передаёт следующие значения:

1) «предмет – орудие действия»: *валØ* – одна из основных деталей вращательно-подающего механизма [8, с. 58]; *воротØ* – простейшая грузоподъемная машина, состоящая из барабана с ручным приводом и каната или цепи, навиваемых на барабан; *опораØ* – конструктивный элемент станка шарошечного бурения, крепит его мачту [2, с. 162]; *отвалØ* – рабочий инструмент гусеничного тягача, бульдозера [8, с. 323]; *подкосØ* – элемент прямой лопаты с канатным механизмом напора, поддерживающий нижнюю часть разрезной стрелы [8, с. 102]; *подхватØ* – элемент буровой установки [11, с. 97]; *приводØ* – устройство для приведения в действие машин, часть станка вращательного бурения, включающая в себя редуктор и электродвигатель [2, с. 156]; *ставØ* – несущая конструкция конвейера [2, с. 191]; *тягаØ* – элемент рессорной подвески рамы экскаватора [2, с. 259];

2) «предмет – результат действия»: *настилØ* – конструкция, возводимая на почве горизонта или наклонного слоя из металлических стоек, досок и т. п. с целью предотвращения просыпания обрушенной породы или закладочного материала в призабойное пространство при выемке нижележащего слоя [2, с. 10]; *перекрытиеØ* – элемент секции механизированной крепи, воспринимает горное

давление от пород кровли, а также защищает рабочее пространство в своей зоне от продуктов обрушения [3, с. 424]; *упряжь* – элемент ковша, придаёт ему устойчивость во время экскавации [8, с. 106].

По модели № 2 «основа глагола + -к(а)» образованы наименования артефактов с широким предметным значением (орудие действия): *вставка* – элемент штанги бурового станка, в неё вставляется валик [8, с. 41]; *горелка* – элемент станка огневого бурения [8, с. 26]; *заглушка* – деталь ручного электросверла [11, с. 62]; *заклёпка* – соединительная деталь режущей цепи [11, с. 118]; *заслонка* – устройство, закрывающее ковш для его лучшего наполнения [8, с. 337]; *наводка* – элемент драглайна: направляющие блоки ферменной стрелы драглайна [8, с. 145]; *надстройка* – элемент поворотной части экскаватора [8, с. 306]; *накладка* – элемент рельсового пути [2, с. 251]; *насадка* – элемент гидромонитора, расположена на краю ствола [8, с. 370]; *оттяжка* – один из основных элементов сооружений мачтового типа, подвешивает к надстройке консоли противовеса экскаватора [8, с. 306]; *подкладки* – элементы рельсового пути [2, с. 251]; *прокладка* – деталь, герметически изолирующая друг от друга разъемные части двигателя, аппарата, прибора; уплотняет обойму гидромонитора [8, с. 371]; *рукоятка* – элемент перфоратора [11, с. 48]; *стойка* – опорная деталь; основной опорный элемент крепи; служит для поддержания рабочего пространства в очистном забое [2, с. 53]; *сцепка* – сцепное устройство, составная часть вагонетки; обеспечивает сцепление вагонеток при их столкновении [2, с. 253].

Значение наименований, образованных по модели № 3 «основа глагола + -тель», – «орудие, производящее действие»: *вращатель* – деталь станка вращательного бурения [8, с. 22]; *глушитель (шума)* – устройство для снижения шума работающего механизма; элемент цилиндра перфоратора [2, с. 163]; *движитель* – инструмент перемещения (механического типа) комбайна [3, с. 82]; *засыпатель* – выемочно-транспортирующая машина, у которой вместо ковша на каретке крепится лезвие [8, с. 108]; *перегрузатель* – механизм для погрузки горной массы в вагонетки, на конвейер [3, с. 278]; *разъединитель* – электрооборудование, необходимое для комбайна [11, с. 140]; *расширитель* – рабочий инструмент машины-расширителя скважин [11, с. 104]; *рыхлитель* – выемочно-транспортирующая машина, осуществляющая разработку пород слоями толщиной до 1,5–2 м. [8, с. 319]; *рыхлитель* – землеройная машина, часть землесосного снаряда [2, с. 149]; *скальватели* – дополнительные элементы исполнительных органов проходческого комбайна с опережающей врубкой, которые отделяют и дробят вырезаемую часть массива [3, с. 116]; *успокоитель* – устройство, которое разделяет с помощью продольных ребер поток воды на несколько параллельных потоков меньшего сечения [2, с. 145].

По модели № 4 «основа глагола + чик» от глагольных основ посредством суффикса *-чик* образуются наименования артефактов с общим значением «предмет, производящий действие»: *грузчик* – машина для погрузки породы на забойный конвейер [11, с. 110]; *датчик* (гидравлический) – элемент гидравлического регистрирующего динамометра [11, с. 15]; *погрузчик* – выемочно-транспортирующая машина [8, с. 319]; *податчик* – элемент бурильной машины [2, с. 172].

Модель № 5 «основа глагола + ник» представляет наименования, образованные от глагольных основ посредством суффикса *-ник*, с общим значением «предмет, предназначенный для выполнения определенного действия»: *забурник* – буровой инструмент, применяемый в начале бурения; комплектующая набора буров [8, с. 42]; *затирник* – горный инструмент, которым замазывают скважины, при порохострельной работе [2, с. 65]; *переходник* – элемент конструкции погруз-

жённого пневмоударника [8, с. 26]; *проходник* – электрооборудование, необходимое для комбайна [11, с. 141].

Остальные глагольные модели, являясь не столь продуктивными, аналогичны вышеописанной модели. В ней суффиксы также обозначают «агентивный» класс понятий «(инструмент действия)» по значению суффиксального базиса модели, а признаковая зона имеет процессуальное значение. Их словообразовательное значение – «неодушевленный предмет (орудие, машина, устройство, приспособление), производящий действие или предназначенный для совершения действия»: *скользун* – то, что скользит: деталь системы шагания экскаватора, по которой лыжа может развернуться вертикально [3, с. 211]; *скребок* – то, что скребёт: функциональный элемент скребкового конвейера; перемещает насыпной груз по желобу [2, с. 189]; *боек* – то, что бьёт: конец ударника [2, с. 12]; *тягач* – то, что тянет: транспортное средство, используется для передвижения выемочно-транспортирующих машин [8, с. 320]; *резец* – то, что режет: рабочий инструмент исполнительных органов очистного комбайна [2, с. 17].

В качестве производящих основ для предметных наименований артефактов горной промышленности в незначительном количестве используются также имена существительные.

Так, модель № 10 «основа существительного + ик» даёт производное существительное, сохраняя признак мотивирующей части речи, со значением «имеющий признак меньшего размера»: *буртик, валик*.

Имя прилагательное как производящая основа – единично: *верхняк* – элемент механизированной крепи, угледобывающего аппарата [2, с. 67].

Категориальное значение всех выделенных нами моделей – «деталь, элемент, машина, устройство, конструкция». Данный факт свидетельствует о синонимии суффиксов, образующих понятия одной категории. В то же время можем наблюдать тенденцию, отмеченную С. В. Гринёвым-Гриневицем, а именно: тенденцию «к образованию подавляющего большинства терминов, называющих понятия одной категории, с помощью только одного из синонимичных суффиксов» [4, с. 130]. Для терминов со значением «элемент, деталь» преимущественно используется суффикс *-ка*.

Омонимия суффиксов также имеет место. По определению С. В. Гринёва-Гриневица, это явление вызвано расщеплением и дальнейшим отчуждением значений суффиксов [4]. Данное явление наблюдаем в модели № 1, где нулевой суффикс с признаком агентивности образует производные со значениями «предмет-орудие действия» и «предмет-результат действия».

Проведённое исследование позволило определить, что терминологическая информация, поставляемая отдельными элементами термина, выявленная с помощью ономаσιологического анализа, соотносится с понятийными категориями исследуемой терминосистемы. Суффиксальный базис относит мотивирующую основу к базовым понятиям «элемент», «деталь», «орудие», «машина», «устройство», «приспособление». Синонимия и омонимия суффиксальных базисов являются, очевидно, характерной особенностью исследуемых моноксемных производных.

Библиографические ссылки

1. **Высоцкая Т. Н.** Процедура ступенчатой идентификации как инструмент выделения лексико-семантических групп наименований технических артефактов / Т. Н. Высоцкая // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2010. – Вип. 16. – С. 79–84.

2. **Гетопанов В. Н.** Горные и транспортные машины и комплексы / В. Н. Гетопанов. – М., 1991. – 303 с.
3. Горные машины для подземной добычи угля / [Горбатов П. А., Петрушкин Г. В., Лысенко Н. М. и др.]. – Донецк, 2006. – 669 с.
4. **Гринёв-Гриневиц С. В.** Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринёв-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
5. **Гусева И. Г.** Когнитивно-дискурсивный анализ межотраслевой экологической терминологии в области рыбного промысла (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / И. Г. Гусева. – Калининград, 2004. – 291 с.
6. **Даниленко В. П.** Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 245 с.
7. **Кубрякова Е. С.** Части речи в онотомасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 116 с.
8. **Подерни Р. Ю.** Горные машины и комплексы для открытых работ / Р. Ю. Подерни. – М., 1971. – 456 с.
9. **Шадрин В. И.** Парадигматическая система номинативных средств в английском языке / В. И. Шадрин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 80 с.
10. Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука, 1977. – 360 с.
11. **Яцких А. Д.** Горные машины и комплексы / А. Д. Яцких, А. Д. Имас. – М. : Недра, 1982. – 503 с.

Надійшла до редколегії 04.02.11

УДК 811.161.2'367.622.14

О. Л. Гловацька

*Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника
(м. Івано-Франківськ)*

АКСІОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ АБСТРАКТНИХ ІМЕННИКІВ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ НЕГАТИВНОСТІ В СТАРОУКРАЇНСЬКІЙ МОВІ (на матеріалі полемічного трактату Герасима Смотрицького «Ключ Царства небесного»)

Проаналізовано абстрактні іменники зі значенням негативності в старобуковинській мові на матеріалі полемічного трактату Герасима Смотрицького «Ключ царства небесного».

Ключові слова: лексична семантика, оцінка, аксіологічні особливості, мовні засоби, абстрактні іменники.

Проанализированы абстрактные имена существительные с семантикой негативности в древнеукраинском языке на материале полемического трактата Герасима Смотрицкого «Ключ царства небесного».

Ключевые слова: лексическая семантика, оценка, аксиологические особенности, языковые средства, абстрактные имена существительные.

In the article the analysis of abstract nouns with the negative meaning concerning the Ukrainian language on the material of polemical treatise by Herasym Smotrytskyj «The Key of Heaven's Kingdom» are analysed.

Keywords: axiological peculiarities, means of language, abstract nouns.

Пізнання втілює в собі елемент оцінки, оскільки в процесі відображення об'єктивної дійсності на основі практичної і духовної діяльності людини (певної

суспільно-економічної формації, історичної епохи) виробляється оцінка довкілля, що реалізується в знаковій системі мови.

Багатоаспектність категорії оцінки спричинила її лінгвістичне вивчення у різних напрямках: комунікативному, лексичному, граматичному, стилістичному тощо. Останнім часом в аксіологічних дослідженнях все більше уваги приділяється оцінній структурі, яку розглядають як модальну рамку, обов'язковими компонентами якої є суб'єкт (особа або соціум, з точки зору якого дається оцінка), об'єкт (оцінюваний референт), підстава оцінки (критерій, що відображає уявлення суб'єкта про об'єкт) [3, с. 9–45; 6, с. 21–34]. При цьому зазначено, що в оцінній структурі багато елементів, які відображають її складну будову з погляду мовця в просторі, а саме: сам оцінний елемент, предмет кваліфікації (ті властивості реалії, які стимулюють емотивну реакцію суб'єкта), характер оцінки, шкала оцінок, оцінний стереотип (точка відліку), аспект оцінки, класифікатори, інтенсифікатори та ін. [3, с. 9–45; 4, с. 35; 6, с. 21–34; 7, с. 23; 10, с. 205; 11, с. 39].

Услід за Н. Д. Арутюновою [1, с. 8–36] та Є. Вольф [3, с. 9–45] прийнято розрізняти загальнооцінні (ілюструються семантикою слів *хороший / поганий*) та частково цінні значення (слова, в значення яких входить певний компонент, що стосується структури оцінки – наприклад, спосіб мотивації, ставлення до мети тощо). Кожний об'єкт дійсності (річ чи стан справ, людина чи подія) має невизначений за кількістю і складом набір аксіологічних ознак, на які слід зважати, виводячи загальну оцінку, тобто коли відносимо об'єкт до одного з двох аксіологічних розрядів. Ці властивості постійно вступають між собою у конфлікт, бо об'єкт може в одному випадку характеризуватися позитивно, а в іншому – негативно.

Як відомо, полемічній літературі притаманна емоційність та образність, а це передбачає використання оцінної лексики, зокрема лексем з негативним значенням.

Мета нашої публікації – здійснити аналіз абстрактних іменників староукраїнської мови зі значенням негативності у полемічному трактаті Герасима Смотрицького «**Ключ царства небесного...**».

Детальне вивчення словникових тлумачень дало можливість виявити наявність у семантиці зазначених лексем спільне значення «**щось шкідливе, недобре, погане, зло**».

Звертаючись до концептуального поняття «**зло**», зазначимо: «зло – категорія, що охоплює усе ціннісно-негативне (в практичному відношенні), протилежне щодо блага і добра» [10, с. 227], тобто концепт тлумачиться на ґрунті антитези до ціннісно-позитивного в аксіологічному плані, не сумісного з благом і добром у плані логічному. За лексико-семантичною характеристикою, **зло** – 1. Що-небудь погане, недобре, протилежне добру; 2. Нещастя, лихо, горе; 3. Почуття роздратування, гніву, досади; розлюченість [2, с. 369]. У цьому визначенні не фіксуються морально-етичні засади поняття зло, його аксіологічно-асоціативні зв'язки тощо. Навпаки ж, у Словнику української мови XVI – першої половини XVII ст. дефініції лексеми **зло** характеризуються наявністю аксіологічних і асоціативних зв'язків. Зокрема: 1. (щось шкідливе, недобре, погане) зло; 2. (злий, поганий учинок) зло; 3. (біда, нещастя, лихо) зло; 4. (підступність, хитрість, лукавство) зло; 5. (злість, злоба, лють) зло [9, В. 12, с. 4]. Таким чином, аналіз семантичних характеристик дає змогу стверджувати, що лексико-семантичне поле зі значенням негативності, в центрі якого знаходиться слово **зло**, характеризується наявністю таких лексем як *гнів, страх, гордість, біда, васнь, ненависть, блуд, недбальство, безрозумство, глупство, недовірство, отцепенство, безчинства, противозаконства, буйство, чортоподобная гордість*, що утворюють периферію цього поля і виявляють неоднаковий ступінь вияву негативності.

Слід зауважити, що згідно з християнським віруванням під *злом* розуміється не страждання, нестатки і біди, а *гріхи* й моральні провини. *Зло*, або *гріх*, є суперечність, заперечення Божої волі. Постає проблема співвідношення *зла* й *гріха*. За біблійними уявленнями, «гріх увійшов у всіх людей без винятку» [8, с. 212] і виявляється в порушенні заповідей і закону Божого. За словником, *гріх* оцінюється передовсім як **поганий, непорядний вчинок** [2, с. 198].

Аналіз аксіологічних особливостей абстрактних іменників зі значенням негативності передбачає зіставлення семантичного наповнення лексем та їхньої реалізації у контексті.

Лексичний матеріал пам'ятки дав можливість виділити групу лексем, що містять негативну оцінку і різняться між собою частиномовною приналежністю. Зокрема виділяємо абстрактні іменники, що є назвами понять, пов'язаних з різними формами психічної діяльності людини та її поведінки: *біль, гнів, страх, гордість, біда, ненависть, блуд*.

Поняття і відповідні їм морально-етичні уявлення і почуття – це поняття абстрактні, оскільки вони не мають відповідних реалій в об'єктивному світі, а лише називають реакцію людини на світ, вчинки, дії.

Не вдаючись до висвітлення всіх форм абстрактної оцінки [6, с. 101–104] зазначимо, що ця група є емоційно-чуттєвою оцінкою, оскільки відображає душевний стан, тобто: оцінка духовності нації, духовності людини, оцінка почуттів і емоцій, ідеального й матеріального у сприйнятті світу тощо.

Зазначимо, що група абстрактних іменників *біль, гнів, страх, гордість, біда, ненависть, блуд* у своїй семантиці виявляють неоднаковий ступінь вияву негативної оцінки. Це зумовлюється тим, що серед них є лексеми, які у своєму значенні містять негативну оцінку (максимальний ступінь негативної оцінки) – *гнів, ненависть, біда*; лексеми, які у семантиці містять і позитивну і негативну оцінку (середній ступінь негативної оцінки) – *страх, блуд*; лексеми, які не мають негативного значення (мінімальний ступінь негативної оцінки), але в контексті його набувають – *гордість*.

Лексема *блудъ* за Словником української мови XVI – першої половини XVII ст. [9, вип. 2, с. 123] містить такі значення: 1) (відступ від правильності чогось) помилка; 2) (справи і вчинки, які суперечать вченню християнської церкви) блуд, відступництво; 3) розпуста, перелюбство, блуд; 4) гріх. При аналізі мовного матеріалу з'ясовуємо, що даний абстрактний іменник вжито у значенні 1: ...и присталъ до тыхъ много змышленыхъ *блудовъ*, которіхъ чим вѣдѣтъ боиш³⁶ поправляти, тым сѧ тоє горше вѣдѣтъ валати [5, с. 46]; та у знач. 2: ...и выстерегати сѧ токовыхъ вѣдомъзъскихъ *блудовъ* ѡмѣймо [5, с. 45].

При з'ясуванні семантики АІ *страхъ* вдаємось до аналізу контексту, що підкреслює вживання даної лексеми у кількох значеннях. Зокрема: *А иныхъ посполитыхъ подобно и быютъ не покланяющихся емѸ со страхомъ и трепетомъ* [5, с. 26] у значенні «страх, шанування, боязнь», що веде до душевних переживань, печалі, смутку, горя, та у значенні «загроза, жах»: *Кды жъ ихъ в томъ та^к нелютостве ласки боже и живота вѣчного ѡтлѣчаютъ, та^м ѡказѹютъ страхъ, идее же не есть страха* [5, 4, с. 2].

Для підсилення емоційності використовується ампліфікаційне поєднання близьких за семантикою слів, що дає можливість вдало передати контрастність і експресивність вислову: .. и великаѧ *васнь* (у значенні «суперечка, сварка» [9,

вип. 3, с. 167] и **ненависть** межи лю^Ами с того поправлен^А всчалас^А. та^Агн^Ачи за собою много т^Ар^Аностей и ытратъ б^Ез^Епотребныхъ не^Иви^Ине [5, с. 33].

Тезаурусне тлумачення налічує такі варіанти значень лексеми **гордость**: 1. (почуття особистої гідності, самоповаги) гордість; 2. (надмірно висока думка про себе і зневага до інших; пихатість) гордість, гордовитість [9, вип. 7, с. 23–24]. Як бачимо, семантика лексеми неоднорідна, оскільки містить і позитивну оцінку (1 знач.), і негативну (2 знач.). Тому саме аналіз контексту дає можливість встановити вживання лексеми **гордость** зі значенням негативності: **Не телесна^А ли то мдрость^А противозакон^Ана^А, же явнеє самомнительною гордостью^А на^А вс^Ахъ превознесшис^А [5, с. 29]. Же тежъ первый ангг^Алъ подънесшис^А в гордость^А а хотачи ровень бытин^А вышнем^А. Зверженъ ест^А зов сим почтом з высокости [5, с. 46]. **У^Т** чого пото^Ам паты^И, которы^И заседа^А м^Астце первое гордостю^А и лакомствомъ и многою славою св^Ата того за нада^Аемъ велики^А па^Аствъ и богатствъ зведены^И, **у^Т**ст^Апи^А дороги правое [5, с. 25]. **А гордость** всака^А оумножается **у^Т** преизоби^Аныхъ р^Ачей [5, с. 25].**

Характерним для автора є те, що абстрактні семантично близькі слова, часто виступають поруч (для характеристики вчинків, задумів, поведінки людей): **за небаче^Аемъ и глупствомъ** [5, с. 30]; .. **бл^Адами, гл^Апствомъ, и у^Тщепе^Аством** почтивши [5, с. 25] – приклад, що ілюструє оцінну градацію: мінімальний ступінь вияву негативної оцінки (**бл^Адами**) – середній вияв негативної оцінки (**гл^Апствомъ**) – максимальний ступінь вияву оцінки (**у^Тщепе^Аством**). Антонімічні протиставлення типу **мдрость – гл^Апство** [5, с. 29], **мдрость – гордость** [5; 29] характеризують різного роду опозицію: протиставлення, порівняння.

При здійсненні аналізу абстрактних іменників староукраїнської мови зі значенням негативності у полемічному трактаті Герасима Смотрицького «**Ключ царства небесного...**» виділяємо деякі суттєві особливості:

1) АІ утворюють лексико-семантичну групу «**зло**», що об'єднана парадигматичними семами, і яку можна представити у вигляді польової моделі;

2) значення АІ не є самостійними одиницями, а складовими лексико-семантичного поля «**зло**»;

3) у структурі лексико-семантичного поля розрізняємо центр, ближню, середню і дальню периферії. Центром (ядром) визначаємо лексему **зло**, ближня периферія – **біда, гнів, ненависть, отщепенство**, середня – **блуд, недбальство, недовірство, глупство, безрозумство, безчинство, противозаконства, буйство**, дальня – **страх, гордість**;

4) зауважимо, що приналежність до рівнів поля не є сталою, оскільки це залежить не тільки від наявності у семантичній структурі лексеми семем з негативним оцінним компонентом, але і від лексичної та синтаксичної сполучуваності.

На фактичному матеріалі можемо спостерігати: лексема **б^Айство** у значенні «безумство, невігластво, зухвалість» [9, в. 3, с. 93] знаходиться у середній периферії. Але з допомогою контексту визначаємо лексичну сполучуваність і констатуємо, що вона переміщується до центра поля, оскільки містить вищий ступінь вияву негативної оцінки. Це ж стосується і лексеми **гордость**: **В^Ада^Ите же не прето абыт^Аое у^Тповеди или у^Тпис^А сл^Ашного а пра^Адивого м^Ати не могло. то^Ако оказ^Аючи его в томъ чортоподобн^Аю гордость^А и б^Айство [5, с. 16].**

З огляду на вищесказане, можна зазначити, що абстрактні слова, зокрема абстрактні іменники, як і інші елементи лексичної системи, мають свій генезис, семантичну структуру. Аналіз мовного матеріалу показав, що мовні одиниці, що виражають оцінні значення, характеризуються своєю специфікою – як по функціях, так і по способу організації значень, – і займають особливе місце в системі номінативних одиниць мови.

Бібліографічні посилання

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови. – К. : Ірпінськ : ВТФ «Перун», 2004. – 1440 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М., 1985. – 128 с.
4. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков) / Е. М. Вольф. – М., 1978. – 180 с.
5. Герасим Смотрицький. Ключ царства небесного / підгот. до вид. В. М. Мойсієнко, В. В. Німчук. – Житомир, 2005. – 122 с.
6. Ивин А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М., 1970. – 220 с.
7. Космеда Т. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики : формування і розвиток категорії оцінки / Т. Космеда. – Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2000. – 421 с.
8. Словник біблійного богослов'я / пер. з франц. – Рим, Львів : Місіонер, 1996. – 934 с.
9. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. : у 28-ми вип. / НАН України Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. – Вип. 2. – Львів, 1994. – 152 с.; Вип. 3. – Львів, 1996. – 252 с.; Вип. 7. – Львів, 2000. – 256 с.; Вип. 12. – Львів, 2005. – 244 с.
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М., 1986. – 228 с.
11. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М., 1981. – 240 с.
12. Філософський енциклопедичний словник. – К. : Абрис, 2002. – 630 с.
13. Шрам А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А. Н. Шрам. – Л., 1979. – 220 с.

Надійшла до редколегії 07.02.11

УДК 811.111'373.612.2

Л. О. Глухова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСОБЛИВОСТІ МЕТАФОРИЗАЦІЇ СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ КОНЦЕПТУ «ДЕРЖАВНЕ ЖИТТЯ» (на матеріалі англомовного політичного дискурсу)

Проаналізовано особливості метафоризації словосполучень концепту «Державне життя»: виявлено роль когнітивної метафори в англомовному газетному дискурсі, представлено класифікацію когнітивних метафор, розглянуто особливості словосполучень з метафоричним значенням.

Ключові слова: словосполучення з метафоричним значенням, концептосфера, концепт.

Проанализированы особенности метафоризации словосочетаний концепта «Государственная жизнь»: определена роль когнитивной метафоры в англоязычном газетном дискурсе,

представлена классификация когнитивных метафор, рассмотрены особенности словосочетаний с метафорическим значением.

Ключевые слова: словосочетание с метафорическим значением, концептосфера, концепт.

Metaphorization Peculiarities of Word-Combinations of the Concept «State Life» is analysed: the role of cognitive metaphor in the English language newspaper discourse is defined, the classification of cognitive metaphors is given, the peculiarities of word-combinations with metaphoric meaning are analysed.

Keywords: word-combination with metaphoric meaning, conceptual sphere, concept.

На сьогоднішній день політичний дискурс все більше і більше привертає до себе увагу вчених, він займає доволі значиме місце серед інших типів дискурсу, що виділені в комунікативній лінгвістиці. Існує вже багато наукових розвідок з політичного дискурсу. Це поняття знайшло пояснення в роботах багатьох лінгвістів, зокрема Т. М. Ніколаєвої, В. З. Дем'янка, П. Серіо та інших. В. З. Дем'янка визначає термін *дискурс* як «довільний фрагмент тексту, який складається більш ніж з одного речення або незалежної частини речення. Часто, але не завжди, він концентрується навколо якогось опорного концепту; створює загальний контекст, що описує діючих осіб, об'єкти, обставини, час, дії й т. ін.» [5, с. 7].

Неможливо уявити сучасне дослідження дискурсу без такого поняття, як політичний дискурс. Зв'язок між мовою та політикою проявляється в тому, що жоден політичний режим не може існувати без комунікації. Мова потрібна політикам для того, щоб переконувати, примушувати, інформувати й т. ін. Під політичним дискурсом ми, вслід за А. Н. Барановим, розуміємо сукупність «всіх мовних актів, які використовуються у політичних дискусіях, а також правил публічної політики, освячених традицією й перевірених досвідом» [2, с. 6]. Метафоричність – одна з найважливіших ознак політичного дискурсу.

У сучасній когнітивній лінгвістиці ключовим є поняття «концепт». У загальному вигляді концепт, на думку І. Ю. Нікішиної, можна визначити, з одного боку, як «згусток культури в свідомості людини: те, у вигляді чого культура входить у ментальний світ людини, а з іншого – те, за допомогою чого людина сама входить у культуру, а в деяких випадках – впливає на неї» [7, с. 5].

Ще одним важливим терміном у когнітивній лінгвістиці є «концептуальна метафора». Традиційно під метафорою розуміють троп або механізм мови, що складається з вживання слова, яке позначає деякий клас предметів та явищ для характеристики або називання об'єкта, що входить до іншого класу, або називання іншого класу об'єктів, аналогічного даному в якому-небудь відношенні [1, с. 3]. У свою чергу, *концептуальна метафора*, як зазначає Л. Грузберг, використовується для називання особливого типу використання слова. Першими лінгвістами, хто описав метафору такого типу, були Джордж Лакофф та Марк Джонсон. За їх визначенням, *концептуальна метафора* – це одна з основних ментальних операцій, засіб пізнання, будування та пояснення світу, який нас оточує. Вчені розглядають таку метафору як «один з основних типів когнітивної моделі, тобто механізму мислення та створення концептуальної сфери» [5, с. 312].

Під *концептуальною сферою* ми, вслід за В. Масловою, розуміємо той ментальний рівень або ментальну організацію, де сконцентрована сукупність та впорядковане об'єднання всіх концептів, які містить мозок людини [6, с. 31].

Досліджуючи розумові процеси, що лежать в основі формування метафоричного значення, лінгвіст М. Блек вважає, що «механізм концептуальної метафори в тому, що до головного суб'єкта додається система «асоційованих імплікацій», пов'язаних з допоміжним суб'єктом. Метафора відбирає, організовує одні, цілком певні характеристики головного суб'єкта, і усуває інші» [3, с. 167].

Проблема дослідження концептуальної метафори саме в політичному дискурсі не раз привертала до себе увагу сучасних вітчизняних та іноземних лінгвістів. А. П. Чудінов вважає, що сучасна концептуальна політична метафора описує когнітивні «механізми» людини (вивчаючи метафору, ми вивчаємо людське мислення), вона відображує повсякденні уявлення людини про понятійну сферу-джерело метафоричної експансії (в даному випадку важливим є не те, як людина мислить, а те, як вона концептуалізує наведену сферу) [8, с. 23–28].

Метою представленого дослідження є виявлення особливостей метафоризації словосполучень у сучасному англомовному політичному дискурсі та засобів, за допомогою яких вона проявляється. Матеріалом для аналізу слугувало близько 300 словосполучень з метафоричним значенням, відібраних з політичних статей англомовних газет за 2008–2010 роки, які мають асоціації з урядом, економікою, політичною системою, юридичною системою, історією та військовою справою держави і які ми об'єднали в концептосферу «Державне життя». В рамках названої концептосфери ми виокремили 4 концепти, до яких входять словосполучення з непрямим значенням, пов'язані між собою спільною тематикою, та які, за своєю чисельністю, складають її основний масив:

- концепт «**Військова справа**», до якого входять такі словосполучення з метафоричним значенням, як *to zero in on a target, to stay afloat, shots across the bow, to be back on deck, a tug of war* та інші;

- концепт «**Економіка**», який включає в себе такі словосполучення з непрямим значенням, як *golden economic legacy, backdrop of financial sleaze, to fill the fiscal hole, a license to print money* та інші;

- концепт «**Уряд**», в якому можна знайти такі словосполучення з переносним значенням: *hung parliament, target seats, political platform, big authority* та інші;

- концепт «**Держава**», до якого входять такі словосполучення з метафоричним відтінком, як *to lay down the law, to have a mortgage on smth, to be on a collision course, to hijack a debate* та інші.

Аналіз фактичного матеріалу показав, що найчисленнішим концептом концептосфери «Державне життя» є концепт «Військова справа», ми виявили 102 словосполучення з метафоричним значенням: *to run the gauntlet, a time bomb, a knight in shining armor, to hold a gun at someone's head, cloak and dagger activity, enough to sink a battleship, sure-fire, to bury the hatchet, to set up a smokescreen, paper warfare, a loose cannon on the deck, to be a bomb, a gun with no bullets, no names – no pack drill, the cold war* та інші.

До концепту «Військова справа» ми віднесли ті метафоричні словосполучення, які мають асоціацію з війною, військовими службовцями, військовими діями та технікою. Наведемо цитату в якості прикладу: «*The Tories' opening shots against the Liberal Democrats were fired by Michael Gove...*». Метафоричність міститься всередині самої фрази та не залежить від контексту, який її оточує. Вона має асоціацію зі зброєю, а точніше, з пострілом, яким відкриваються військові дії. Майже таке ж значення має ця концептуальна метафора, коли використовується в політичному дискурсі, але тут мова йде вже не про постріл, а про *перший крок у серйозній та відповідальній справі*. До речі, ця метафора є сталим виразом та доволі часто використовується в політичній лексиці.

Концептуальною метафорою, що пов'язана з військовими діями та пострілами, є цитата зі статті «*Tory MP Daniel Kawczynski on repealing the hunting ban*»: «*Tory credibility would be shot to pieces if party does not fulfil bloodsports pledge quickly, says Daniel Kawczynski*». Конструкція *to be shot to pieces* в даному випадку означає *бути цілком розбитим*.

Іншим цікавим прикладом словосполучень з переносним значенням, що належать до концепту «Військова справа», є назва статті з англійської газети «The Independent»: «*Pro-euro forces hold fire until after poll*». Слово *fire* використовується в наведеному політичному контексті не в своєму прямому значенні «вогонь»: у політичному дискурсі вираз *to hold fire* є сталим та використовується в значенні *не поспішати з вирішенням якоїсь важливої справи*.

До концепту «Економіка» було віднесено 69 словосполучень з непрямым значенням компонентів або одного з компонентів, наприклад: *to join the single currency, financial meltdown, to buy into the myth, financial fallout, the other side of the coin, a shopping list, to pay the price* та інші.

У ході нашого дослідження ми виявили, що до концепту «Економіка» належить дуже велика кількість фразеологічних одиниць. Так, наприклад, стаття «*RNC's bridge to conservatives on shaky ground?*» містить в собі наступне речення: «*The smart money is with the RGA this year*».... «*We are receiving a record number of donations from supporters at all levels because they are confident in our strategy and know we will win back a majority of governorships this November*». Концептуальна метафора *smart money* має переносне значення, незалежно від контексту. Незважаючи на те, що наведена конструкція належить до сфери фразеології, не дуже складно зрозуміти її значення. Адже про *розумні гроші* можна сказати, що це *розумно вкладені гроші*. Значення наведеного словосполучення виглядає таким чином: *гроші (інвестиції), які інвестори вкладають у потрібну справу в потрібний час*.

Іншим цікавим прикладом є концептуальна метафора *financial meltdown*. Ця фраза була використана у статті «*Blame Obama. Why Not?*»: «*The permanent smackdown that is now U.S. politics has devolved into a zero-sum proposition whenever anything bad happens in American life – an oil spill, a terrorist bomb in Times Square, a financial meltdown, a mining disaster*». Значення лексичної одиниці *financial meltdown* можна зрозуміти за допомогою прямого значення слова *meltdown* – танення, топлення, плавлення, тобто ціла конструкція має вигляд *фінансове танення*, а значенням наведеного словосполучення є «фінансовий крах, банкрутство».

На основі проаналізованого матеріалу можна сказати, що доволі вживаним словосполученням в англomовному політичному дискурсі є концептуальна метафора *to pay the price*. Ми зустріли її декілька разів у різних значеннях. В одному випадку вона використовується в своєму прямому значенні – *платити ціну*: «*Bank of England governor Mervyn King has warned privately that the winner of the General Election could pay the price the next time the country goes to the polls, it was claimed today*». В наведеному випадку словосполучення *to pay the price* мотивовано, значення виведено зі значення його компонентів. Що стосується наступної цитати – «*The Take: Historic win or not, Democrats could pay a price*», то в цьому випадку значення словосполучення *to pay a price* є метафоричним, тому що в статті мова йде не про фінанси, а про наслідки, з якими зустрінеться партія після виборів. Таким чином, коли наведена фраза використовується в політичному дискурсі, її значення виглядає так: «страждати від негативних наслідків своїх дій».

У ході дослідження ми помітили, що деякі концептуальні метафори належать до сфери фразеології та є ідіомами, наприклад: «*Clegg throws out Lib Dem 'shopping list'*». Щоб пояснити значення словосполучення *shopping list*, можна провести паралель з повсякденним життям, де наведена фраза використовується в своєму прямому значенні. Коли людина йде до магазину, вона складає список товарів, які треба купити. В політичному дискурсі замість магазину маємо політичну арену, а замість списку товарів – список вимог, які політична партія або політичний діяч повинні виконати, тому в політичному розумінні фраза *shopping list* має значення «список вимог, які треба виконати».

На вираження третього концепту концептосфери «Державне життя» – концепту «Уряд» – нам вдалося знайти 37 словосполучень з фігуральним значенням: *hung parliament, political platform, governor's races, to fall from power, fresh-faced leader, to have a friend at court, to fight to defend every seat* та інші.

Цікавим фактом, який ми помітили у засобах вираження цього концепту, є те, що до них належить велика кількість таких словосполучень, які є мовними реаліями, тобто предметами, речами, фактами, соціальними процесами або явищами, які є характерними для життя однієї країни, але які можуть бути відсутніми в житті іншої країни. Цей факт ускладнює розуміння та осмислення значення конструкцій. Подібним словосполученням є *hung parliament*: «*Repeated on an even swing at the election, those figures would produce a **hung parliament** with Labour the largest single party with 276 MPs, against 246 Tories and 99 Liberal Democrats*». Ця реалія не є ідіомою, вона є характерною для політичного дискурсу не тільки Великої Британії, але також Канади та Австралії. Отже, концептуальна метафора *hung parliament* має такий смисл: «уряд, в якому жодна з політичних партій не має абсолютної більшості місць».

Реалією, яка також є досить вживаною в рамках політичного дискурсу, але не Великої Британії, а Сполучених Штатів Америки, є концептуальна метафора *to plead the fifth Amendment*: «*"I don't respect your right to **plead the 5th Amendment**" which protects against self-incrimination, an angry Rep Bill Pascrell snapped at the couple*». Це словосполучення має асоціацію з п'ятою поправкою до Конституції США, згідно з якою людину забезпечують захистом від самозвинувачення. Тому наведена когнітивна метафора має значення «відмовитися відповідати на небажане питання».

У рамках наведеного концепту також зустрічаються концептуальні метафори-ідіоми. Таким, наприклад, є словосполучення *petticoat government*: «*"Mrs. Wilson is President!" shouted Senator Albert Fall of New Mexico. "We have **petticoat government!**"*». Воно має значення «уряд, яким управляють жінки».

Цікавою ідіомою є також концептуальна метафора *to give somebody free rein*, яка є доволі популярною в англійському політичному дискурсі: «*Judges **given free rein** by 'pitifully loose' sentencing law*». В політичному дискурсі це метафоричне словосполучення використовується в значенні «давати повну свободу дій іншій людині або групі людей».

Останній концепт «Держава» втілюється у 31 словосполученні, що є концептуальними метафорами, наприклад: *to be a hanging matter, to lay down the law, to hijack a debate, to cross the Rubicon, to loosen political system, green paper, to read the Riot Act, to put oneself out of court, to have a mortgage on something* та інші.

Більшість словосполучень з фігуральним значенням, які ми віднесли до цього концепту, також є ідіомами. Таким прикладом може бути ідіома *to be a hanging matter*: «*The sterling crisis has become a **hanging matter***». Значення фрази *to be a hanging matter* в політичному дискурсі означає «бути серйозною проблемою, вирішити яку треба якнайшвидше».

Іншою цікавою лексичною одиницею, яка також належить до сфери фразеології, є *to lay down the law*. Вона є доволі поширеною не тільки в англійському політичному дискурсі, але й в американському. Наприклад: «*European Court of Human Rights set to **lay down the law** in Britain, claims top judge*»; «*Obama's Afghan visit: **laying down the law** to a US puppet*». В обох варіантах наведена концептуальна метафора має значення «встановлювати (формулювати) закон».

Доволі поширеним в англійському політичному дискурсі є словосполучення *to read the Riot Act*, яке належить до сфери фразеології: «*Vince Cable, the Liberal Democrats' Treasury spokesman, said the Government needed to "**read the riot act**" to*

bankers and called for guidelines on bonuses to be made tougher and clearer». Окрім того, що наведене метафоричне словосполучення є ідіомою, воно також є мовною реалією, яка пов'язана з законодавством. «The Riot Act» – саме так в Англії називається закон про збереження громадського порядку. В українській мові подібного складеного найменування немає. Значення наведеної конструкції виглядає наступним чином: «зауваження, яке робить поліцейський тим, хто порушує норми громадського порядку, на основі закону «The Riot Act».

Ще однією доволі часто вживаною концептуальною метафорою є *green paper*: «*Justice secretary Jack Straw's deputy, Michael Wills, is poised to tour a green paper on "rights and responsibilities"*». Саме по собі це словосполучення не несе метафоричності, а проявляє її тільки в певному контексті. Значення наведеної лексичної одиниці «давати дозвіл на певну діяльність». До речі, в англomовному політичному дискурсі ми знайшли синонімічне словосполучення з фігуральним значенням – *green light*: «*Will Brighton give Lucas the green light?*». Обидві конструкції є доволі популярними, як у рамках англійського політичного дискурсу, так і американського.

Отже, концептуальна метафора є невід'ємним елементом у політичному дискурсі. Вона робить мову більш експресивною та виразною. Аналіз фактичного матеріалу показав, що словосполучення з метафоричним значенням постійно використовуються у статтях на політичну тематику. Більш того, у термінотворенні метафора зберігає одну зі своїх основних властивостей – принцип мовної економії, винятково важливий у публіцистичному стилі. Але все ж таки, концептуальна метафора потребує подальшого дослідження.

Бібліографічні посилання

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / [вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М., 1990. – С. 3–10.
2. Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новаторство / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М., 1991. – 64 с.
3. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / [вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М., 1990. – С. 163–175.
4. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / В. З. Демьянков // Тетради новых терминов. – № 39. – М. : ВЦП, 1982. – 288 с.
5. Кронгауз М. А. Семантика : учеб. для вузов / М. А. Кронгауз. – М., 2001. – 399 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.
7. Никишина И. Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике / И. Ю. Никишина // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / [отв.ред. В. В. Красных, А. И. Изотов]. – Вып. 21. – М., 2002. – С. 5–7.
8. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Надійшла до редколегії 10.02.11

УДК 811.112.2'38

Г. П. Дьяконов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМБИНАТОРИКА В ДИСКУРСЕ БАРОЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОБЩЕСТВ

Розглянуто інтеграцію концепцій лінгвістичної комбінаторики у дискурс барочних мовних товариств. Проаналізовано концепції моделювання лексичного складу німецької мови та створення поетичного тексту.

Ключові слова: барочні мовні товариства, лінгвістична комбінаторика, модель.

Рассмотрена интеграция концепций лингвистической комбинаторики в дискурс барочных языковых обществ. Проанализированы концепции моделирования лексического состава немецкого языка и создания поэтического текста.

Ключевые слова: барочные языковые общества, лингвистическая комбинаторика, модель.

The article considers peculiarities of the integration of concepts of linguistic combinatorial analysis into the discourse of the baroque language societies. Concepts of modeling of German lexical corpus as well as creation of poetical text are being analyzed.

Keywords: baroque language societies, combinatory analysis, model.

Интерес исследователей к лингвистическому аспекту деятельности немецких барочных обществ находит свое отражение в настоящее время в достаточном количестве публикаций, в которых рассматриваются различные направления деятельности немецких языковых обществ [1; 2]. Вместе с тем по-прежнему требуют более детального изучения их идеи и те аспекты их деятельности, которые оказали влияние на формирование лингвистических концепций в рамках дискурса о развивающемся немецком языке. В этой связи представляется актуальным рассмотреть один из аспектов деятельности немецких языковых обществ, который отражает интеграцию концепций лингвистического анализа и их развитие. Этот аспект не только стал одним из важных элементов дискурса языковых обществ, но и оказал определенное влияние на формирование прикладных лингвистических концепций.

Теоретическая и философская интерпретация и обоснование лингвистических концепций составляют существенную часть наследия немецких барочных языковых обществ. В подавляющем большинстве сохранившихся материалов лейтмотив лингвистической рефлексии составляет принципиальный вопрос о происхождении языков вообще и об истоках возникновения и корнях немецкого языка в частности. Лингвистический дискурс языковых обществ барочного периода основывается, главным образом, на сакральном библейском дискурсе и греческой философской традиции. При этом важно отметить, что особое место занимает идея существования имен вещей, проистекающих из их внутренней природы и потому являющихся универсально правильными, независимо от языковой принадлежности носителей. Фактически именно немецкие барочные языковые общества стали местом формирования лингвистического дискурса и местом апробации различных языковых теорий, призванных легитимировать и обосновать место формирующегося национального немецкого языка в европейском лингвистическом ландшафте того времени.

Уже в процессе формирования аргументов, подтверждающих позиции немецкого языка среди прочих языков, постепенно проявляются концептуальные

подходы к интерпретации качественных и количественных параметров его лексического состава. Опираясь на сакральный дискурс о возникновении языка, Гейнц, а за ним и Филипп фон Цезен полагают, что генезис немецкого языка подтверждает его качественно абсолютный уровень. Это означало, что практически любой элемент корпуса немецкого языка изначально заложен в природе, в том числе в природе самого немецкого языка. В свою очередь, этот тезис используется впоследствии в лингвистическом дискурсе для обоснования изначально предопределенных качественных параметров корпуса словаря. При этом в концепциях барочных обществ явно прослеживается тенденция интерпретации лексической системы немецкого языка как некоей естественной сакральной данности, которая покрывает абсолютно все потребности носителей языка в каких бы то ни было номинативных единицах. Обращает на себя внимание то, что открытость языковой системы и динамика развития словарного состава противопоставляются изначально предопределенным его количественным параметрам. Это означает, что фактически формирование корпуса словаря немецкого языка может носить лишь репродуктивный характер, воспроизводя заложенные в его первооснове единицы, даже если их мотивированность непрозрачна, а значения не могут быть поняты на определенном этапе развития социума. Собственно именно такой подход и давал возможность обоснования самодостаточности лексического состава немецкого языка и его словообразовательного потенциала, что, в свою очередь, позволяло не только постулировать идею неприятия иноязычной лексики, но и абсолютизировать эту идею.

В контексте существовавшей на тот момент идеи о возможности зафиксировать экстралингвистическую реальность в энциклопедической форме становится возможным говорить о том, что вербальная фиксация процессов когнции рассматривается не только как результат познавательной деятельности, но и как потенциальный инструмент самого познания. Одной из наиболее ярких концепций, заслуживающих внимания исследователей, является предложенная Харсдерфером (Пегницкий Цветочный Орден) модель лексического состава немецкого языка. Концептуальные оценки этой разработки констатируют ее эффективность, например, в словообразовании, ориентированном на создание и поддержание ритмической организации поэтического текста. Подобная оценка опирается на описание, предложенное самим Харсдерфером: *Damit nun alle Reimwörter auf alle und jede Endungen gefunden werden möchten / ist von uns hierbey gesetzte Scheiben / bestehend in 5 Ringen / erfunden worden. Deren zwar nur die mittleren zu den Reimen Anfang= Mittel= und Endbuchstaben dienen; Der erste mit den Vorsylben und der letzte oder äußerste mit den Nachsylben* [3, VII, 76].

Нельзя не заметить, что подобная модель опирается на такой подход, который мы сейчас отнесли бы к морфологическому и фонологическому анализу языковых фактов. Но, помимо этого, концепция Харсдерфера включает также анализ закономерностей, который соответствует кругу задач, описываемых лингвистической комбинаторикой. Думается, что в определенном смысле Харсдерфер сформировал основу виртуального моделирования словообразовательных процессов и их результатов в немецком языке. Разумеется, методологические основы его разработки и ее теоретическое обоснование на то время были далеки от совершенства. Вместе с тем едва ли можно отрицать значение и потенциальные возможности предложенной им модели, являющейся, вероятно, первой попыткой лингвистического моделирования корпуса формирующегося национального немецкого языка.

Методическую основу подобного подхода составляет то, что сегодня мы назвали бы вариативностью и комбинаторикой. И хотя существуют определенные неточности математического аспекта концепции, однако Харсдерфер, несомнен-

но, оказал влияние на формирование современной лингвистической комбинаторики. Следует также отметить концептуальное значение попытки практического использования методов математического и лингвистического анализа для решения задач, выдвигавшихся законами поэтологии того времени.

Большинство исследователей до настоящего времени склонны рассматривать его идеи лингвистической комбинаторики в плане решения практических задач в процессе создания поэтического текста. Умберто Эко полагает, что основанная на элементах лингвистической комбинаторики концепция Харсдерфера дает возможность образовывать немецкие лексемы, необходимые для решения творческих задач в поэзии. В том числе такие лексемы, которые не имели на тот момент денотативных соответствий, то есть являлись потенциально возможными [4, с. 148], семантическая экспликация которых, однако, не всегда представлялась возможной. Хундт отмечает в своей работе [5, с. 281], что концепция Харсдерфера в практическом плане применима при поиске рифм в поэтических целях. Однако он не без оснований справедливо подчеркивает также и потенциал этой модели с точки зрения когнитивного подхода. Вместе с тем попытки смоделировать лексические единицы, показав не только существующие, но и потенциально возможные в немецком языке, заслуживают большего внимания. Так, Ригерт [6, с. 184] выделяет попытку Харсдерфера определить квантитативные параметры немецкого языка на основе анализа потенциально возможных и допустимых в немецком языке комбинаций на основе его алфавита и закономерностей слогаобразования. Он также констатирует, что подобная концепция вообще может считаться характерной для того времени, поскольку составляет существенную часть лингвистических исследований периода барокко. Разумеется, следует учесть замечание исследователей о том, что концепции Харсдерфера отнюдь не являются исключительно инновативными, а развиваются на уже существовавших к тому времени идеях [7, с. 425]. Однако, кажется безусловно необходимым подчеркнуть тот факт, что они не являются и просто транспозицией существовавших концепций в дискурс языковых обществ. Думается, можно утверждать, что предложенный Харсдерфером подход дал импульс дальнейшего развития лингвистической комбинаторики применительно к формировавшемуся немецкому языку и является безусловно значимым с точки зрения генезиса немецкой лингвистики и попыток моделирования лексического состава немецкого языка и его словообразовательных процессов.

В своих постулатах Харсдерфер концептуально опирается на лингвистический дискурс того периода. В частности, на дискурс барочных языковых обществ. Опирается он среди прочих и на идеи Шоттеля о месте немецкого языка среди других европейских языков, его генезисе и его отличительных свойствах. Наибольший вес при этом приобретает концепция абсолютной корректности словообразовательных средств немецкого языка с точки зрения отражения ими экстралингвистической действительности: *Ist also dieses eine unfehlbare Richtigkeit / ein vollständiges Teutsches Wortbuch zu verfassen / und beharren wir in der Meinung / daß alle solche zusammen gesetzte Wörter / welche ihre Deutung wirken für gut Teutsch zulässig / sonderlich in den Gedichten / ob sie gleich sonst nicht gebräuchlich / wie hiervon zu lesen der umb unsere Sprache wolverdiente Herr Schottelius in seiner Einleitung und in seinen Lobreden der Sprachkünst vorgefüget* [8, II, с. 518].

Такой фундамент позволяет верифицировать результат комбинаторного процесса, придавая ему статус легитимности и языковой корректности, проецируемый как на существовавшие на то время лексемы, так и на потенциально возможные. Последние, хотя и были недоступны для какого-либо анализа в то время, но тем не менее априорно приобретали статус корректных лексем, адекватно и

правильно отражавших внеязыковую действительность. Сам Харсдерфер полагал, что эффективность предложенного им генеративного моделирования словообразовательного процесса в немецком языке достаточно высока, а его результаты носят исчерпывающий характер [8, II, с. 519] и являются корректными в силу фундаментальной корректности немецких моносиллабических лексем. Именно этот факт свидетельствует об интеграции в его модели лингвистических концепций Шоттеля, составлявших один из краеугольных камней всего дискурса барочных языковых обществ: *Also ist gleichfalls unsere jtzige Teutsche Sprache / eben dieselbe uhralte weltweite Teutsche Sprache ... denn wie das Land / Teuschland bleibt / also müssen die Stammwörter / Teutsche Wörter bleiben die denn ihre natürliche Eigenschaften (davon in dieser Sprachkunst wird gehandelt) so lange in sich / samt ihrer Deutung / gehabt haben / so lange sie in rerum natura gewesen* [9, I, с. 48].

Лейтмотивом его лингвистических работ было обоснование сакральных корней немецкого языка, богатства его арсенала экспрессивных средств, что было призвано обеспечить высокий статус развивавшейся немецкой поэзии. Имплементация идеи возврата к непорочным изначальным формам *lingua adamica* в этой связи особо актуальна. Возможность волюнтаристического механического генерирования лексем фактически дает возможность отразить динамику изменений окружающего мира, не поддающуюся рациональному истолкованию, в том смысле, что она обеспечивает носителей немецкого языка арсеналом лингвистически и когнитивно абсолютно корректных лексических единиц для корректного вербального представления окружающего мира и происходящих в нем изменений.

Разумеется, было бы неверно говорить о том, что дискурс языковых обществ включает в себя основы теории современной лингвистической комбинаторики, однако достаточно очевидна связь дискурса барочных обществ и античной и средневековой традиций в области генеративного текста (в особенности поэтического текста). Следует отметить, что сакрально-философская аргументация может быть транспонирована не только на собственно лингвистический аспект дискурса, но и на поэтический аспект деятельности барочных языковых обществ. Ведь, по сути, предлагавшаяся модель генеративного лексикона немецкого языка давала в руки пользователя инструмент, с помощью которого можно было не только найти адекватное сути вещей имя, но и превращало пользователя в некоего создателя новой данности. Это обретает особый смысл применительно к поэтическому творчеству, для которого собственно и создавался такой инструмент, который позволял генерировать практически не ограниченное количество рифмующихся единиц.

Таким образом, можно полагать, что элементы дискурса барочных немецких языковых обществ оказали определенное влияние на развитие лингвистических идей XVII века. Прежде всего, следует выделить концепции Шоттеля и Харсдерфера (Орден Пальмы, Пегницкий Цветочный Орден), в особенности идею последнего о возможности структурной актуализации потенциально возможных словообразовательных решений с сохранением адекватности их соотносительности с понятийно-денотативным аспектом в рамках решения задачи по поиску корректных лингвистических средств обеспечения когнитивных процессов. Аппликативная сторона рассмотренных выше элементов дискурса представляется не менее существенной: в определенном смысле ее можно рассматривать не только как прообраз виртуальной базы данных для актуальных и потенциальных лексем немецкого языка объемом более 97 миллионов единиц, но и как предтечу современного генеративного подхода в рамках текстологии и поэтологии.

Библиографические ссылки

1. **Kügel W.** Geschichte und Gedichte des Pegnesischen Blumenordens, B. 2. – Shaker Media, Aachen, 2008.
2. **Newman J. O.** Pastoral Conventions, Poetry, Language, and Thought in Seventeenth-Century Nuremberg. – Baltimore, London, The Johns Hopkins Un. Pr., 1990.
3. **Harsdörffer G. Ph.** Prob und Lob der Teutschen Wolredenheit. Das ist: deß Poetischen Trichters Dritter Theil... Zu nachrichtlichem Behuff Aller Redner/Poeten/ Mahler/ Bildhauer und Liebhaber unsrer löblichen Helden Sprache angewiesen durch Ein Mitglied der Hochlöblichen Fruchtbrendenden Gesellschaft, Nürnberg 1653. Nachdruck in: Georg Philipp Harsdoerffer, Poetischer Trichter, Darmstadt, 1969.
4. **Eco U.** Die Suche nach der vollkommenen Sprache. – München, dtv, 1997.
5. **Hundt M.** «Spracharbeit» im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius und Christian Gueintz. – Berlin/ New York, de Gruyter, 2000.
6. **Rieger S.** Nachwort // Schottelius, Justus Georg. Der schreckliche Sprachkrieg. Horrendum Bellum Grammaticale Teutonum antiquissimorum. – Leipzig, Reclam, 1991.
7. **Dencker K. P.** Poetische Sprachspiele. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. – Stuttgart: Reclam. 2002.
8. **Harsdörffer G. P.** Delitiae Mathematicae et Physicae. Der Mathematischen und Philosophischen Erquickstunden Zweyter Teil. – Nürnberg 1651, Reprint Frankfurt, Keip Verlag, 1990.
9. **Schottelius J. G.** Ausführliche Arbeit von der Teütschen Haupt Sprache/ Worin enthalten Gemelter dieser Haupt Sprache Urankunft/ Uraltertuhm/ Reinlichkeit/ Eigenschaft Vermögen/ Unvergleichlichkeit/ Grundrichtigkeit/ zumahl die SprachKunst und VersKunst Teutsch und guten theils Lateinisch völlig mit eingebracht/ wie nicht weniger die Verdoppelung/ Ableitung/ die Einleitung/ Nahmwörter/ Authores vom Teütschen Wesen und Teutscher Sprache/ von der verteuschung/ Jtem die Stammwörter der Teütschen Sprache samt der Erklärung und derogleichen viel merkwürdige Sachen. Abgetheilet In Fünf Bücher. Ausgefertiget von Justo-Georgio Schottelio D., Braunschweig 1663. Nachdruck, Teil I, Deutsche Neudrucke. Reihe: Barock 11/12, Tübingen, Niemeyer, 1967.

Надійшла до редколегії 05.04.11

УДК 811.161.1'373.611

Н. В. Дьячок

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков

ЕЩЕ РАЗ О МОДЕЛЯХ МОДИФИКАЦИИ НОМИНАТЕМ ТИПА «СЛОВСОЧЕТАНИЕ + ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ УНИВЕРБ»

Описано моделі модифікації номінатем типу «словосполучення + універб»; розглянуто критерії визначення номінатем взагалі та універбів як реалізацій певних номінатем зокрема; обґрунтовано, що головною мовною одиницею є номінатема, реалізаціями якої, в свою чергу, є словосполучення та універб, а типологія моделей модифікації досліджуваних номінатем залежить від різновидів словосполучень.

Ключові слова: номінатема, універбація, універб, словосполучення, модифікація.

Описаны модели модификации номинатом типа «словосочетание + универб»; рассмотрены критерии определения номинатомы вообще и универбов как реализаций конкретных номинатом в частности; обосновано, что основной языковой единицей является номинатема, реализациями которой, в свою очередь, выступают словосочетание и универб, а типология моделей модификации исследуемых номинатом зависит от эквивалентных универбам разновидностей словосочетаний.

Ключевые слова: номинатема, универбация, универб, словосочетание, модификация.

The article deals with the problem of nominathems of type «word-combination + univerb» modifications' models. Conclusions as for the definite status of nominathems and functional peculiarities of their equivalents and their modification models are given.

Keywords: nominatheme, univerb, word-combination, modification.

Целью данной статьи является формирование корпуса моделей модификации номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб» и их анализ. Возможность построения этих моделей демонстрирует существование различных типов преобразования словосочетания в универб.

Термин *универбация* впервые был употреблен К. Бругманном в 1904 году для обозначения звуковых единиц, возникших на основе словосочетаний, внешне цельнооформленных, но не обладающих содержательной изолированностью.

А. В. Исаченко под термином *универбация* ввел в научный обиход понятие утраты формальной и семантической расчлененности наименования.

Со временем значение вышеуказанного термина было сужено до определенного типа преобразования словосочетания в слово, при котором в традиционно называемое производным слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу соотносится со всем мотивирующим словосочетанием.

Таким образом, из первоначального определения А. В. Исаченко к универбации в новом значении можно отнести аффиксальную деривацию и нулевую деривацию, причем с замечанием относительно некорректности термина *нулевая деривация*.

В широком понимании универбация представляется проявлением синтетизма в словообразовании, т. е. выражением «одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов» [1, с. 451]. Сравним: *широкоплечий* и *широкий в плечах*, *барабанить* и *бить в барабан*, *столик* и *маленький стол*, *библиотекарьша* и *женщина-библиотекарь* и т. п. При таком рассмотрении универбация включает аббревиацию, субстантивацию, суффиксацию (в том числе и нулевую). И. А. Устименко считает, что универбация – это «практически любой акт возникновения нового слова на базе синтаксически объективированного идеального содержания безотносительно к способу доработки идеального содержания и пути конструирования материальной оболочки нового слова» [9, с. 21].

Современное языкознание стремится унифицировать существующие виды преобразования словосочетаний в слова одним термином – *конденсация* (по терминологии В. И. Теркулова – *универбализация*). В. А. Москович [4, с. 78] при этом разделяет конденсацию (универбализацию) на два подтипа:

1) семантическую конденсацию (универбализацию), которая понимается как «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [2, с. 123], например: *пятилетнее обучение* – *пятилетка* (универбация), *первый секретарь* – *первый* (эллипсис в сторону зависимого слова), *повышенное давление* – *давление* (эллипсис в сторону главного слова);

2) лексическую конденсацию (универбализацию), которая определяется как стяжение компонентов словосочетания в сложное слово, например: *автомобиль-*

ный сервис – автосервис (аббревиатура), широкий в плечах – широкоплечий (бахувриха), с ума сшедший – сумасшедший (юкстапозит), возить воду – водовоз (дериват), искатель золота – золотоискатель (комполит).

Термин *универбаты* впервые используется как предмет обучения в книге Т. Д. Соколовской «Нормативные сокращения в современном русском языке». Под термином *универбаты* понимаются «однословные наименования, производные от опорного атрибута с помощью наиболее употребительного суффикса -к(а), сохраняющие стилевую связь со сферой своего появления (с разговорной речью), а также синонимическую связь с производящими сложными наименованиями» [6, с. 83]. Сочетания указанной структуры, имеющие характер номинации, легко могут быть «свернуты» в существительные на -к(а), -ушк(а) и т. п.: *двухкопеечная монета* – *двушка*, *девятиэтажный дом* – *девяэтажка*, «Комсомольская правда» – «Комсомолка», *маршрутное такси* – *маршрутка*, *платёжная ведомость* – *платёжка*, *раскладная кровать* – *раскладушка*.

Итак, традиционная наука относит ряд образований типа *генералка* (*генеральная репетиция*), *прогрессивка* (*прогрессивная зарплата*), *зачетка* (*зачетная книжка*), *генеральша* (*жена генерала*) к компрессивному словообразованию (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Н. Я. Янко-Триницкая), другие ученые считают их результатом вторичной номинации (А. А. Брагина), либо рассматривают их как проявление «общего закона утраты формальной и семантической расчлененности наименования» [5, с. 42], либо называют суффиксальными универбатами (Л. И. Осипова), либо определяют их как один из случаев «лексической конденсации» [2, с. 121]. И. Г. Милославский, например, видит в данной ситуации процесс синтеза словосочетания в производное слово: «...в ряде случаев семантические структуры словообразовательного и синтаксического наименований при различии собственно языковых значений совпадают» [3, с. 53].

Так или иначе все ученые, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *зачетная книжка* и *зачетка*, *бытовое помещение* и *бытовка*, *место для ожидания* – *ожидалка*, *жилища*, *подселенная в одной квартире к кому-то, жившему здесь раньше* – *подселенка* и т. п.

В связи с этим естественно желание дать единый терминологический эквивалент приведенным словообразовательным процессам и тем единицам, которые в результате этих процессов возникли. В. И. Теркулов, например, рассматривает такие дериваты как универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, «то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [7, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатема типа «словосочетание + универб», входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания. Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (гlossах, вариантах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически отличающееся от эквивалентного словосочетания чертами разговорности, сленговости, например *капитальный ремонт* и *капиталка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь ца-*

ря и царева, настойка валерианы и валерьянка, что-либо объемом в триста единиц и трехсотка, заметка информационного характера и информашка. Предложенная В. И. Теркуловым концепция «не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности – номинатемой» [7, с. 135].

Таким образом, под универбом нами понимается грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы.

Вслед за В. И. Теркуловым, мы считаем, что «классификация универбализационных процессов должна быть настроена на описание механизмов преобразования словосочетания» в универб, так как данные универбы «являются именно структурными дублетами соответствующих им словосочетаний» [8, с. 181]. Учитывая вышесказанное, следует различать два уровня построения классификации процессов эллиптической универбализации.

На первом уровне устанавливается качество конструкторов, участвующих в процессе универбализации, на втором – механизм их сочленения. «При этом необходимо обратить внимание, – пишет В. И. Теркулов, – на то, что данная классификация строится нами не только для аббревиатур, <...> для всех композитов, возникших в результате универбализации» [8, с. 181], но и для эллиптических универбов.

При универбализации, в контексте качества конструкторов, необходимо различать **базовые конструкторы**, реализующие в универбе полнозначные элементы исходных словосочетаний, и **вспомогательные конструкторы**, выполняющие функцию оформления универба.

Универбализация может использовать в качестве базовых конструкторов:

а) усеченную основу реализации зависимого компонента словосочетания; таковы, например, конструкторы *молотил-*, *автоном-*, *кон-* в универбах *молотилка* (*молотильная машина*), *автономка* (*автономное отопление*), *конка* (*конный трамвай*);

б) основу реализации зависимого компонента словосочетания; таковы, например, конструкторы *кожан-*, *ожида-*, *подселен-* в универбах *кожанка* (*кожаная куртка*), *ожидалка* (*место для ожидания транспорта*), *подселенка* (*жилища, подселенная к кому-то, жившему здесь ранее*);

в) суффикс универба, который обычно является реализацией базового компонента словосочетания; таковы, например, конструкторы *-к-*, *-н-*, *-ик-*, *-анин-*, *-анка-*, *-ш-* в универбах *анисовка* (*анисовая водка*), *царевна* (*дочь царя – царева дочь*), *молочник* (*помещение для хранения молока – молочное помещение*), *судакчанин* (*житель Судака*), *горловчанка* (*жительница Горловки*), *генеральша* (*жена генерала*).

«Помимо базовых конструкторов, – утверждает В. И. Теркулов, – в оформлении эллиптического универба «принимают участие и вспомогательные конструкторы, то есть единицы, выполняющие не семантическую, а формальную структуроорганизующую функцию» [8, с. 182] – это интерфиксы или асемантические прокладки, например *л* в универбе *ожидалка*, *ч* в универбе *судакчанин* и т. п.

В связи с вышеуказанными положениями следует отметить синкретичность суффиксов эллиптических универбов. С одной стороны, они выступают, как уже

было отмечено, в качестве базовых конструкторов, а с другой – в качестве вспомогательных конструкторов, оформляя грамматические особенности универбов и их частеречную принадлежность.

В речевой практике появление универбов лимитировано определенными моделями механизмов сочленения компонентов словосочетания в конструкторы этих самых универбов.

В. И. Теркулов предложил общую модель модификации номинатом исследуемого типа: $(A+B)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где «к словосочетанию $(A+B)$, имеющему значение (X) , прибавляется формант C при опущении компонента B » [8, с. 147]. Данная структурная модель, напомним, не имеет ничего общего с деривационной моделью, поскольку значение (X) левого компонента формулы абсолютно тождественно значению (X) правого компонента этой же формулы.

Типология моделей модификации зависит от разновидности словосочетаний, которые в данном случае определяются по грамматическим характеристикам зависимых слов в каждом из них.

Мы выделяем, по крайней мере, два основных типа, в которых реализуется представленная общая формула.

1. Атрибутивный $(Aatr+B)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **Aatr** – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, **B** – главный компонент словосочетания, **C** – реляционный формант со значением **X**, омонимичный деривационному. Данный тип представлен следующими структурными разновидностями:

а) $(Aatr+B)+C/X/ \rightarrow AC/X/$ (*зачетная книжка – зачетка, мобильный телефон – мобильник, мазаная хата – мазанка*);

б) $(B+Aatr/N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **Aatr/N2/** – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный именем существительным в форме Р. п. без предлога (*корень валерианы – валерьянка, дочь царя – царевна, дочь попа – поповна, жена попа – попадья, житель Судака – судакчанин*);

в) $(B+Aatr/prep\ N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **Aatr/prep N2/** – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный именем существительным в форме Р. п. с предлогом (*место для ожидания – ожидалка, место для беседы – беседка, водка на сливах – сливянка*);

г) $(B+Aatr/E/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **Aatr/E/** – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный набором элементов:

– $(B+Aatr/N2N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **Aatr/N2N2/** – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный сочетанием имен существительных в форме Р. п. без предлога (*ваучер пополнения счета – пополняшка*);

– $(B+Aatr/PartPart/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **Aatr/PartPart/** – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный комплексом причастных оборотов (*жилища, подселенная в одной квартире к кому-то, жившему здесь раньше – подселенка*);

– $(B+Aatr/prep\ N2N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **Aatr/prep N2N2/** – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный сочетанием имен существительных в форме Р. п. с предлогом (*помещение (в доме) для хранения молока – молочник, фабрика по производству целлюлозы – целлюлозка, завод по производству ликеро-водочной продукции – ликерка*).

2. Субстантивный $(B+Asub)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где **B** – главный компонент словосочетания, **Asub** – зависимый субстантивный компонент словосочетания, **C** – реляционный формант со значением **X**, омонимичный деривационному. Данный тип представлен следующими структурными разновидностями:

а) $(B+Asub)+C/X/ \rightarrow AC/X/$ (*укладывать асфальт – асфальтировать, петь колядки – колядовать*);

б) (B+Asub/prep N4)/+C/X/ → AC/X/, где Asub/prep N4/ – зависимый субстантивный компонент словосочетания, выраженный сочетанием имени существительного в форме В. п. с предлогом (*брать в жены – жениться, брать в сыновья – усыновлять, укладывать в скруды – скирдовать*).

Данная классификация не является полной; ее дальнейшее формирование станет перспективой наших исследований.

Таким образом, следует подчеркнуть, что типология моделей модификации исследуемых номинатом зависит от разновидности словосочетаний, которые в данном случае определяются по грамматическим характеристикам зависимых слов в каждом из них, и насчитывает, по крайней мере, два типа с несколькими структурными разновидностями.

Библиографические ссылки

1. **Большой энциклопедический словарь. Языкознание** / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 2000. – 686 с.
2. **Кудрявцева Л. А.** Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К. : Киев. ун-т, 2004. – 208 с.
3. **Милославский И. Г.** Синтез словосочетания и производного слова / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 53–61.
4. **Москович В. А.** Статистика и семантика / В. А. Москович. – М. : Наука, 1969. – 304 с.
5. **Сидоренко Є. М.** Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві / Є. М. Сидоренко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 42–47.
6. **Соколовская Т. Д.** Нормативные сокращения в современном русском языке / Т. Д. Соколовская. – М., 2004. – 154 с.
7. **Теркулов В. И.** Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луган. нац. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. – 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.
8. **Теркулов В. И.** Слово и номинатема: Опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка : ГПІІІЯ, 2007. – 240 с.
9. **Устименко И. А.** Ономазиологический аспект семантической конденсации / И. А. Устименко // Лексикология. Семасиология. – Белгород: БелГУ, 2001. – С. 19–25.

Надійшла до редколегії 07.03.11

УДК 811.161.1'374

И. И. Заваруева

*Днепропетровский национальный технический университет
железнодорожного транспорта имени В. Лазаряна*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА В ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЯХ

Проаналізовано словникову статтю в різних видах електронних словників у порівнянні зі словниками традиційного типу (паперовими); розглянуто відмінності лексикографічного портрета слова від звичного словникового опису.

Ключові слова: лексикографія, електронний словник, словникова стаття, лексикографічний портрет слова, дефініція.

Проведён анализ словарной статьи в разных видах электронных словарей в сравнении со словарями традиционного типа (бумажными); рассмотрены отличия лексикографического портрета слова от привычного словарного описания.

Ключевые слова: лексикография, электронный словарь, словарная статья, лексикографический портрет слова, дефиниция.

The analysis of various electronic and text dictionary articles has been done. The difference in the word description in various electronic and text dictionaries have been found.

Keywords: electronic dictionary, dictionary article, lexicographic description of the word, definition.

В конце XX – начале XXI столетия отмечается интенсивное развитие лексикографии. Обусловлено это прежде всего необходимостью зафиксировать и осмыслить те активные процессы в лексике, которые сопровождают изменения в жизни нашего общества, изменение культурологических ориентиров и ценностей, новые тенденции в гуманитарных знаниях, создание возможности объективного отображения языковой реальности. Всё это отражается в соответствующих по объёму и информации произведениях – словарях. Словари традиционно являются объектом и результатом лексикографических исследований (Ю. Д. Апресян, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Г. Н. Складовская, Ф. П. Сорокалетов и др.) Основным структурным звеном любого словаря, как электронного, так и бумажного, несомненно, является словарная статья, которая определяется следующим образом: «Статья, разъясняющая заголовочное слово в словаре» [1, с. 119].

Словарная статья в толковом словаре – это своеобразный портрет слова. Термин «словарный портрет» был введен Ю. Д. Апресяном. Под этим названием понимается «исчерпывающая и неизбыточная характеристика свойств конкретной лексемы в рамках интегрального описания языка» [3, с. 15]. Нам представляется возможным рассмотреть отличия лексикографического портрета слова от привычного словарного описания, поскольку в него включаются некоторые принципиально новые типы информации о лексеме. Главное отличие словарного портрета от традиционного описания – его формализованность. Чтобы правильно этот портрет воспринимать, надо уметь читать словарную статью, извлекая всю заключенную в ней информацию. Электронные словари дают возможность создать портрет слова, отличный от того, который можно найти в бумажном словаре, – портрет комплексный и многогранный.

Мы провели компьютерный поиск словарных дефиниций лексем «словарь», «электронный», «диссертация», «дело» на сайтах «Грамота.Ру» (11 словарей), «Академик» (29 энциклопедических, толковых и специальных словарей) и «Русские словари» (10 словарей, из них 2 в свободном доступе для всех посетителей). Общее количество словарей, задействованных на этих сайтах, составляет около 20, так как ряд популярных словарей доступен на большинстве сайтов (Словарь Даля, Словарь Ожегова и некоторые другие).

Анализ всех предложенных дефиниций дал следующие результаты. Словарный портрет слова «словарь» выглядит следующим образом:

1. *Орфографический словарь* – словарь, -я;
2. *Толково-словообразовательный* – СЛОВАРЬ м.

1. Книга, содержащая перечень слов, их частей или словосочетаний с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык.

2. Совокупность слов, используемых в чьей-л. речи;

3. *Словарь синонимов* – словарь см. книга;

4. *Большой Энциклопедический словарь* (на сайте «Академик») СЛОВАРЬ.

1. Словарный состав языка. То же, что лексика. 1. Совокупность слов, связанных со сферой их использования. 3. Совокупность слов, характерных для какого-л. литературного направления, произведения писателя. 4. Справочная книга, сборник

слов, расположенных в алфавитном порядке с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык. См. также лингвистический словарь;

5. Большой Энциклопедический словарь (на сайте «Русские словари»: СЛОВАРЬ – 1) лексика, словарный состав языка, диалекта какой-либо социальной группы, отдельного писателя и т. д. 2) справочная книга, содержащая собрание слов (или морфем, словосочетаний, идиом и т. п.), расположенных по определенному принципу, и дающая сведения об их значениях, употреблении, происхождении, переводе на другой язык и т. п. (лингвистический словарь) или информацию о понятиях, предметах, ими обозначаемых, о деятелях в какой-либо области науки, культуры и др. (энциклопедический словарь).

6. Толковый словарь Ушакова: СЛОВАРЬ, словаря, м. 1. Книга, содержащая перечень слов, расположенных по тому или иному принципу (напр. по алфавиту), с теми или иными объяснениями. Англо-русский словарь (содержащий перевод англ. слов на русский язык). Латинский словарь (содержащий перевод латин. слов на какой-н. язык). Толковый словарь (содержащий толкование значений слов). Этимологический словарь (объясняющий происхождение слов). Энциклопедический словарь. Технический словарь. Словарь русских писателей (содержащий перечень писателей и биографические и библиографические сведения о них).

2. только ед. То же, что лексика. Словарь Пушкина очень богат. Изучать словарь русского языка;

7. Современная энциклопедия: СЛОВАРЬ, 1) лексика, словарный состав языка, диалекта какой-либо социальной группы, отдельного писателя и т. д. 2) справочная книга, содержащая собрание слов, словосочетаний, идиом и т. п., дающая сведения об их значениях, употреблении, переводе на другой язык и др. Существуют лингвистические и энциклопедические словари.

8. Психологический словарь включает две статьи, связанные с понятием «Словарь»: Активный словарь – лексический массив, при помощи которого человек строит свои высказывания. По объему он меньше, чем пассивный словарь. Пассивный словарь – лексический массив, элементы которого более или менее точно понимаются воспринимающим их человеком. По объему он больше, чем активный словарь.

9. Большая энциклопедия на первом шаге поиска дает ссылки на такие словарные статьи:

БРОКГАУЗА И ЕФРОНА ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
ГРАНАТ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ
ОБРАТНЫЙ СЛОВАРЬ
СЛОВАРЬ
ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ.

На следующем шаге поиска пользователь имеет возможность обратиться к любой из предложенных словарных дефиниций.

Искомое слово отсутствует в Словаре трудностей, Словаре «Русское словесное ударение», Словаре имён собственных, «Синонимы: краткий справочник», Словаре антонимов, Словаре методических терминов, Толковом словаре Даля, Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, Финансовом словаре.

Таким образом, словарный портрет слова «Словарь» в интерактивных словарях складывается из девяти компонентов. Проанализируем, какие зоны и насколько полно представлены в данных дефинициях. В трех словарях представлена грамматическая зона: указание окончания в род. п. ед. ч., в скобках дан вариант

окончания; м. — грамматическая зона: указание родовой отнесенности слова, оно мужского рода.

В пяти словарях отмечена многозначность данного слова, причем представлено от двух до четырех значений. Стилистическая зона (то есть указание на ту или иную стилистическую отнесенность) в данных определениях отсутствует, так как нет ограниченности какого-либо из значения специальной лексикой.

Зона иллюстрации представлена достаточно обширно только в Толковом словаре Ушакова и ограничена несколькими устойчивыми сочетаниями типа *Латинский словарь. Толковый словарь. Этимологический словарь*. Цитация в зоне иллюстрации отсутствует.

В двух словарях представлена зона отсылки, или квазидефиниция, по терминологии Н. Л. Тычинской [2]: с помощью этой зоны устанавливается связь между элементами словаря: в Словаре синонимов пользователя отсылают к словарной статье *книга*. В Большом энциклопедическом словаре в зоне отсылки приводится более узкое понятие: *См. также лингвистический словарь. «Заромбовая часть»*, вводящая фразеологизмы, в данных дефинициях отсутствует.

Поисковая зона, отсутствующая в традиционных словарях, наиболее обширно представлена в *Большой энциклопедии*, где есть не только определение непосредственно лексемы «словарь», но также и ссылки на наиболее популярные виды словарей.

В свою очередь, словарный портрет слова «электронный» складывается из семи компонентов (по числу словарей, где встречается это слово). В двух словарях очень ограниченно представлена грамматическая зона: указание на частеречную отнесенность — *прил.*

В трех словарях отмечена многозначность данного слова, причем представлено от двух до пяти значений. Стилистическая зона, как и в предыдущем случае, отсутствует. Зона иллюстрации не представлена.

В двух словарях с помощью специальных символов представлена зона отсылки к первому значению слова «электрон»: *Состоящий из электронов (1*)*. Поисковая зона обширно представлена в *Большом Энциклопедическом словаре* (8 компонентов), например:

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПАРАМАГНИТНЫЙ РЕЗОНАНС
ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОЕКТОР
ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОЖЕКТОР.

В узкоспециальном Словаре депозитарных терминов представлена статья, в которую слово «электронный» входит как один из компонентов: *Электронный документ. Совокупность данных, зафиксированных на материальном носителе и/или передаваемых по электронным каналам связи с реквизитами, позволяющими идентифицировать эту информацию и ее автора. Электронный документ может создаваться на основе документа на бумажном носителе, на основе другого электронного документа либо порождаться в процессе информационного взаимодействия Сторон без каких-либо прообразов.*

Слово «дело», относящееся к нейтральному слою широкоупотребительных лексических единиц, наиболее подробно представлено в исследованных нами электронных словарях (9 компонентов портрета).

Грамматическая зона портрета представлена в пяти словарях, где дается указание формы множественного числа окончания в именительном и дательном падежах, указание родовой отнесенности слова (*ср.*).

В четырех словарях отмечена многозначность данного слова, причем представлено от 2 до 12 значений. Своеобразием данного лексикографического портрета является отражение многозначности слова в словаре антонимов: *ДЕЛО* —

БЕЗДЕЛЬЕ и *ДЕЛО* — *ПРАЗДНОСТЬ*, которые сопровождаются множеством иллюстраций с помощью паремий и цитат (*Дело веди, а безделье гони*) и т. п.

Стилистическая зона присутствует в одном определении – в Словаре антонимов (*книжн.*). Есть указание на нормативность формы данного слова: *Толковый словарь Ушакова: ДЕЛО, дела, мн. дела, дел (делов неправ.)*.

Зона иллюстрации представлена достаточно обширно в трех словарях фразеологизмами и цитатами из художественных произведений. Зона отсылки представлена в словаре синонимов. Следует отметить, что особенностью данного словарного портрета является обширный перечень синонимов: *Дело, занятие, ремесло, мастерство, рукоделие, профессия, работа, труд, действие, процесс, спор, суд, тяжба. Громкое дело. Уголовное дело. Ср. Действие, Занятие и Работа* и далее.

Слово «дело» как название представлено в Большом Энциклопедическом словаре: *"ДЕЛО" – ежемесячный научно-литературный журнал, 1866–1888 (с 1868 – литературно-политический), Санкт-Петербург. Продолжая журнал «Русское слово», сохранял до 1884 демократическое направление.*

Интересующая нас лексема рассматривается не только в общелингвистических словарях, но и в терминологическом Словаре бизнес-терминов: *А. Сфера деятельности, область знаний, профессия. Б. Компания, фирма, предприятие. В. Судебное разбирательство. Г. Комплект, подборка документов.*

Наиболее краткий словарный портрет из нашего списка имеет слово «диссертация» (пять компонентов). В трех словарях представлена грамматическая зона: указание окончания в род. п. ед., указание родовой отнесенности слова (женский род).

В словарях представлено одно значение данного слова, кроме Толково-словообразовательного словаря, где добавлено второе значение со стилистической пометой: *2. устар. Длинное рассуждение.*

Зона иллюстрации практически не представлена. Особенностью данного словарного портрета является этимологическая зона, указание на латинское происхождение данного слова: *(от латинского dissertatio – исследование).*

Таким образом, отличием интерактивного словарного портрета слова от его портрета в традиционном словаре является многокомпонентность, разносторонность (слово рассматривается как в основном, так и терминологическом значении; как имя нарицательное и как имя собственное). Окончательный вид словарного портрета можно считать гипертекстом, создаваемым каждый раз по-разному, в зависимости от интересов пользователя, который может выбрать ту или иную линию поиска, включив в окончательные данные или все компоненты, или часть информации, релевантную именно для данной ситуации. Материалы и выводы могут быть использованы исследователями специфики электронной коммуникации, в преподавании курсов по лексикологии и лексикографии.

Библиографические ссылки

1. **Столярова Л. П.** Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К., 2003. – 192 с.
2. **Тичинська Н. Л.** Квазідефініції у тлумачному словнику російської мови (заголовне слово іменник) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец.:10.02.02. / Н. Л. Тичинська. – Дн-ськ, 2001. – 20 с.
3. **Шилихина К. М.** Теоретическая и практическая лексикография : учеб. пособие / К. М. Шилихина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2006. – 59 с.

Список электронных словарей

1. Интеллектуальная поисковая система по словарям <http://www.boloto.info/dict.php?dic=1&sl>
2. Портал <http://www.slovari.ru/>
3. Портал <http://www.slovarik.kiev.ua/>

Надійшла до редколегії 01.02.11

УДК 811.161.1'373.611

М. Ю. Закурдаева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ СЛОЖНЫХ КОЛОРАТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Розглянуто одну групу складних колоративів, специфіка якої полягає в тому, що колоративи із цієї групи є словосполученнями, компоненти яких не називають сам колір безпосередньо, а лише опосередковано вказують на нього.

Ключові слова: колоратив, складний колоратив, складний опосередкований колоратив.

Рассмотрена одна группа сложных колоративов, специфика которой состоит в том, что входящие в эту группу колоративы представляют собой словосочетания, компоненты которых не называют сам цвет непосредственно, а лишь косвенно указывают на него.

Ключевые слова: колоратив, сложный колоратив, опосредованный сложный колоратив.

This article deals with one group of compound coloratives that is represented by word constructions, which components do not name the colors directly but only indirectly indicate them.

Keywords: colorative, compound colorative, indirect compound colorative.

Колоративы, то есть слова, обозначающие цвет, представляют собой весьма распространенное и функционально значимое явление, поскольку цвет сопровождает нас всюду, и окружающий мир мы, как правило, воспринимаем во всей его цветовой гамме. Естественно поэтому, что это явление отражено в лексике русского языка и, как следствие, активно изучается лингвистами.

Все множество адъективных колоративов можно условно разделить на два структурных подмножества, в одно из которых входят простые колоративы, во второе – сложные. Простые колоративы являются одноосновными лексемами, как, например, *красный, зеленый, бирюзовый, янтарный, вердепешевый* и т. п. Простые адъективные колоративы изучены и описаны достаточно полно [2; 3; 4 и др.], и почти все они представлены в орфографических, толковых и специальных словарях русского и украинского языков.

Что же касается сложных колоративов, то они могут состоять не только из нескольких основ (например: *светло-голубой, желто-зеленый, кроваво-красный* и подобные), но так же и из нескольких слов (таких, скажем, как *цвета слоновой кости, цвета воронового крыла, цвета давленной малины*). Таким образом, мы видим, что понятие сложного колоратива не всегда тождественно понятию сложного слова.

Сложными адъективными колоративами являются цветообозначения, состоящие из двух и более основ, пишущихся через дефис и включающих колоративный элемент (*бело-красный, желтовато-серый, бутылочно-зеленый, нежно-голубой, иссиня-зеленый, черный-пречерный, белый-белый, бело-сине-красный* и

подобные). Их количество значительно больше, чем количество простых колоративов, и, конечно же, не все они фиксируются в лексикографических справочниках. Не встретили мы и достаточно серьезных монографических исследований, посвященных именно сложным адъективным колоративам.

Думается, что можно говорить и еще об одной группе сложных колоративов, которой уделено, пожалуй, даже меньше внимания со стороны исследователей и лексикографов, чем сложным адъективным колоративам. Это колоративы, представляющие собой синтаксические конструкции, как правило, состоящие из существительного с детерминирующими его прилагательными, типа: *цвета морской волны, цвета мокрого асфальта, цвета кофе с молоком*. Обычно они сопровождаются словом *цвет* и только опосредованно указывают на характер этого цвета. Будем называть их опосредованными сложными колоративами (далее – ОСК), потому что они не называют сам цвет, но указывают на него через посредство предмета, имеющего такой цвет, а поэтому человек должен сначала представить себе предмет, и лишь после этого он сможет понять, о каком цвете идет речь.

Указанные колоративы вообще не фиксируются в словарях, несмотря на то, что некоторые из них широко распространены, общеизвестны и представляют собой уже не столько свободное словосочетание, сколько единую и неделимую фразеологическую единицу. Об этом свидетельствует, в частности, то, что невозможно заменить элементы этих словосочетаний на семантически близкие или однокорневые, при сохранении общего значения. Нельзя вместо *цвет морской волны* сказать *цвет океанской волны*, хотя в океане вода по цвету практически не отличается от морской, тем не менее это будет уже новое цветообозначение.

В русском языке начало этому типу метафор, как нам кажется, было положено в XVIII в., когда в результате деятельности Петра I Россия обратила свои взоры на Европу, когда стали ввозить модные французские товары, когда впервые начали переводить любовные романы на русский язык, в котором тогда еще просто не хватало слов. Но особую популярность в качестве «модных слов» такие цветообозначения приобрели на рубеже XIX–XX вв. (*цвета маркизы Помпадур, цвета московского пожара, цвета наваринского пламени с дымом, цвета парижской грязи, цвета парнасской розы*). Эвфемизмы вообще в тот период считались хорошим тоном, признаком воспитанности, а потому и употребление таких метафоричных цветообозначений, а паче их создание также свидетельствовало о хорошем вкусе (*сюрприз дофина или цвет детской неожиданности; цвет гнилого мяса; цвет паука, замышляющего преступление; последний вздох жако* и подобные).

Многие из функционировавших тогда опосредованных сложных колоративов оказались словами-однодневками и исчезли без следа. До нас дошли единицы, приобретшие фразеологическую устойчивость. Вероятно, ими стали наиболее понятные (*морской волны, кофе с молоком, мокрого асфальта, воронового крыла*) или наиболее экспрессивные цветообозначения (*бедра испуганной нимфы, лягушки в обмороке, влюбленной жабы, детской неожиданности*), и то последние известны и поныне едва ли не в виде забавной шутки и вне шутливого тона не употребляются.

Однако в последние годы такая модель образования цветообозначения вновь активизировалась, причем, по наблюдениям специалистов, число новообразованных опосредованных сложных колоративов уже насчитывает около 900 наименований [1, с. 114].

Причиной столь резкой активизации данной модели, надо полагать, послужили экономические изменения в обществе. Переход на рыночную экономику обусловил большой наплыв импортных товаров, служащих образцами для местного производителя. Появление конкуренции вызвало необходимость искать но-

вые способы сбыта товара, зависящие не столько от качества предлагаемой продукции, сколько от ее упаковки и рекламы. Для продукции, служащей созданию имиджа покупателя, цвет является зачастую основным критерием в выборе, можно даже сказать, основным товаром. Поскольку общение между продавцом и покупателем, как правило, происходит посредством речи, не достаточно становится продемонстрировать предлагаемый цвет, нужно еще и убедить покупателя, что именно этот цвет больше всего подходит его имиджу.

Как отмечают исследователи, «на Западе уже давно избегают давать цвету дорогой помады или машины «непрестижные» названия типа «красный» или «молочно-белый». По возможности используются броские, эмоционально насыщенные слова типа *монастырский шик* (аскетичный белый цвет), *Аврора* (ярко-красный), *девичьи грезы* (мягкий бледно-розовый). Такие слова несут дополнительную рекламную функцию. Это и есть упаковка цвета» [1, с. 64].

О чем может думать предполагаемая покупательница? О желании выглядеть соблазнительно – отсюда помада *цвета томного винограда*, *цвета соблазнительного персика*, *цвета нежного жемчуга*. Названия типа *изысканность розы*, *благородство золота*, *очарование орхидеи*, *нежность персика*, *романтика рассвета* могут способствовать желанию пользоваться именно этими помадами при создании своего имиджа. Недаром торговый знак называют «тайным увещателем».

Еще десять лет назад до 75 % всех названий цвета в тексте рекламы приходилось на 12 основных наименований (*белый, серый, черный, коричневый, розовый, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый*) и лишь 5–6 % – на словосочетания типа *цвета воронова крыла* или *цвета давленной малины* [1, с. 69]. В настоящее время структура лексических средств обозначения цвета резко изменилась. Во многом это произошло под влиянием лексических моделей английского языка. Сначала калькирование англоязычных цветообозначений, а затем и создание собственных по англоязычным моделям привело к тому, что в настоящий момент, по нашим наблюдениям, большинство цветообозначений в каталогах продукции и текстах рекламы представляют собой опосредованные сложные колоративы.

В английском языке в таких конструкциях не используется слово *цвет* (не *color of pink sunset*, а *a pink sunset*), потому что оно делало бы конструкцию более громоздкой, а в рекламе главное – чтобы название бросилось в глаза, произвело впечатление, чтобы взгляд на нем зацепился и потребитель подумал: «О! Именно это мне и нужно! Какой замечательный / стильный / престижный цвет!», а для этого оно должно быть емким, чтобы каждый элемент содержал экспрессию, иначе покупатель, бросив взгляд, может и не дочитать дальше слова «цвет».

Поэтому и в русском языке имиджмейкеры, создатели каталогов стали часто опускать слово «цвет» (*цвет абрикосового мороженого – абрикосовое мороженое; цвет илянной соломы – илянная солома; цвет парижского неба – парижское небо* и подобные). Такое название представляется более емким, а понять, что речь идет о цвете, помогает расположенная рядом иллюстрация.

Создается впечатление, что именно в погоне за эффектностью составители каталогов нередко дают цветам такие названия, которые вообще не могут обозначать цвет, поскольку называемые ими предметы не имеют какого-то конкретного цвета.

Это могут быть названия явлений, которые в принципе цвета не имеют (*цвета ветра с Нила, цвета воздуха Капри, цвета воспоминаний об Италии, цвета воспоминаний об Окуджаве, цвета восточного танца, цвета души Африки, цвета дыхания Востока, цвета загадки Востока, цвета зова Арктики, цвета космического разума, цвета крымской ночи, цвета мистического полумрака,*

цвета персидской сказки, цвета полярного безмолвия, цвета римского вечера, цвета русской ярмарки) и могут только вызывать некие цветовые ассоциации. Рассмотрим в качестве примера цветообозначение *испанская полночь*, взятое из каталога Oriflame: ни *полночь*, ни *Испания* не имеют какого-либо цвета, однако *полночь* может ассоциироваться с темными цветами, с цветом полночного неба, а *Испания* может ассоциироваться с красным цветом (наряд Кармен, красная ткань матадора и прочее). Таким образом ассоциативно мы получаем искомый темно-красный цвет помады. Это был пример удачного ассоциативного цветообозначения, однако неудачные, не вызывающие ассоциаций с данным цветом, встречаются едва ли не чаще.

Нередко в качестве цветообозначений используются названия предметов, либо имеющих несколько вариантов окраски, либо включающих в себя слишком много цветов, чтобы можно было говорить о каком-то одном цвете данного предмета (*цвета божьей коровки, цвета венецианской мозаики, цвета волнистого попугайчика, цвета восточного узора, цвета дома в пасмурную погоду, цвета китайского фарфора, цвета коры экзотического дерева, цвета плюшевого мишки, цвета подводного замка, цвета сундука домового*).

Помимо всего прочего, составители каталогов в качестве названий цветов продукции создают такие словосочетания, которые не обозначают ни предметы, ни явления, и слова в которых вообще мало сочетаются между собой (*бронзовый поток, брусничная феерия, взрывная ягодка, дерзкий мак, жажда огня, коралловый сон, красный океан, медный водопад, персиковый шторм, шоколадный бум, ягодный всплеск*). Они, надо полагать, призваны возбуждать интерес у потребителя, заставляя задуматься над смыслом словосочетания, попытаться представить себе, что оно означает, и тем самым заставить задержать на нем взгляд.

Несмотря на то, что подобных словосочетаний, не называющих цвет, но лишь ассоциативно передающих его, довольно много в изученных нами каталогах, имеются там и такие, которые вполне можно назвать ОСК и которые имеют некоторые основания закрепиться в русском языке надолго. Это такие образования, как *цвета альпийской фиалки, цвета апельсиновой цедры, цвета арбузной мякоти, цвета бледного василька, цвета болотной тины, цвета ванильного мороженого, цвета вареной сгущенки, цвета вареных раков, цвета венозной крови, цвета верблюжьей шерсти, цвета весенней зелени, цвета взбитых сливок* и т. п.

Мы проанализировали каталоги различной продукции, собрав материал, насчитывающий более 600 сложных опосредованных цветообозначений, и можем утверждать, что колоративы этого типа бывают разной степени опосредованности: одни из них лишь называют предмет, обладающий искомым цветом, другие же в своем составе имеют непосредственное указание на цвет, то есть собственно колоратив. Таким образом, к одному множеству мы отнесли конструкции меньшей степени опосредованности, содержащие в своем составе колоратив: *цвета алой утренней зари, цвета багряного клена, цвета бежевого инея, цвета белой акулы, цвета белого налива, цвета бронзового загара, цвета бронзового камыша, цвета брусничного металлика, цвета бурых водорослей, цвета венской зелени, цвета голубой ели, цвета голубой лагуны*. К другому множеству мы отнесли сложные опосредованные колоративы большей степени опосредованности, типа *цвета выцветшей бирюзы, цвета газетной бумаги, цвета горького шоколада, цвета грозного неба, цвета дикой вишни, цвета дыма костра, цвета жженого сахара, цвета жухлой травы, цвета заката морозного дня, цвета запекшейся крови, цвета засушенной розы, цвета зимнего неба, цвета кипящей лавы, цвета китайской туши, цвета клубничного джема*.

Состав опосредованных сложных колоративов также бывает различным. Большинство из них состоят из слова *цвет*, которое может опускаться, как было сказано выше, и двух элементов, указывающих на предмет, обладающий искомым цветом (*цвета крымской лазури, цвета зеленой плесени, цвета зеленого инжира, цвета зелени в дождь, цвета зимнего черного, цвета золота куполов, цвета золотого песка, цвета красной глины, цвета красного дерева, цвета красного тюльпана, красный цвет Матисса, цвета небесной лазури, цвета небесной синевы, красного цвета от Монро, цвета насыщенной лазури, цвета ночной синевы, пурпурного цвета Пикассо, цвета оловянного металла, цвета пунцовой розы*). Такая структура является элементарной и наиболее продуктивной.

Реже встречаются колоративы, состоящие из большего числа элементов, трех и, возможно, более. Это такие сложные опосредованные колоративы, как *голубизна Петербургского неба, цвета алой утренней зари, цвета сизого апрельского неба, цвета сизых грозовых туч, цвета синевы южного лета, цвета корки нежного лимона, цвета морской воды на мелком месте, цвета морской воды с водорослями, цвета неба в ясную погоду, цвета новой школьной доски, цвета песка коралловых рифов, цвета ствола мокрой сосны, цвета восхода в восточных садах* и т. п.

Промежуточным между двумя рассмотренными выше типами является усложненный тип ОСК. Колоративы такого типа представляют собой конструкцию, состоящую из двух элементов, один из которых выражен сложным словом, а второй, как правило, именем существительным, указывающим на некий предмет: *цвета бледно-голубого тумана, цвета желто-солнечного заката, цвета коричнево-желтого топаза, цвета кабачково-морковного пюре, цвета листьев мать-и-мачехи, цвета небесно-голубого инея*.

Проведенное нами исследование позволяет, как нам кажется, говорить об особом классе колоративов, которые мы называем опосредованными сложными колоративами (ОСК). Цветообозначения, относящиеся к данному классу, весьма многочисленны, особенно в сфере рекламы, и представляют собой открытое множество, которое и сейчас продолжает пополняться новыми элементами. Принципы же формирования различных типов ОСК, как нам кажется, указаны нами достаточно точно.

Библиографические ссылки

1. **Василевич А. П.** Цвет и его название / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко; под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
2. **Герасименко И. А.** Семантика русских цветообозначений : моногр. / И. А. Герасименко. – Горловка : Изд-во ГПН ИЯ, 2010. – 440 с.
3. **Фрумкина Р. М.** Цвет, смысл, сходство : Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 173 с.
4. **Чжун Сяовен.** Адъективный колоратив и его словообразовательная парадигма в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Чжун Сяовен. – Д., 2002. – 162 с.

Надійшла до редколегії 18.03.11

О. А. Ільченко

Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди

МЕДИЧНА Й ПОБУТОВА ЛЕКСИКА В ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ ПРЕСИ ХХІ ст. (на матеріалі метафоричних словосполучень)

Проаналізовано метафоричні словосполучення політичного дискурсу, реалізованого в дискурсі сучасної преси; з'ясовано, що у мовному оформленні політичного дискурсу преси з певною прагматичною метою часто застосовуються слова, що презентують медичну й побутову сфери комунікації.

Ключові слова: метафоричні словосполучення, політичний дискурс, політичний дискурс преси, медична лексика, побутова лексика.

Проанализированы метафорические словосочетания политического дискурса, реализованного в дискурсе современной прессы; установлено, что в языковом оформлении политического дискурса прессы с соответствующей прагматической целью часто используются слова, представляющие медицинскую и бытовую сферы коммуникации.

Ключевые слова: метафорические словосочетания, политический дискурс, политический дискурс прессы, медицинская лексика, бытовая лексика.

Metaphorical phrases of political discourse are analysed, realized in discourse of the modern press. On the material notice: in linguistic design politic discourse of the press they often apply words, which represent medical and everyday spheres of communication, for certain pragmatic purposes.

Keywords: metaphorical words, political discourse, political discourse of the press, medical vocabulary, everyday vocabulary.

Мова преси синхронно відображає суспільно-політичне життя в українській державі. Сучасний політичний дискурс, що побутує в пресі, трансформує дія відповідних політичних процесів, які знаменують початок ХХІ ст. Постійно змінна політична ситуація викликає зацікавлення дослідників у цьому напрямі.

Актуальність теми статті зумовлена наявністю в мовному оформленні політичного дискурсу преси ХХІ ст. спеціальної лексики (вжитої в переносному значенні), що активно використовується журналістами, але рідко аналізується мовознавцями, а отже, функціонування цієї лексики в мові преси першого десятиліття ХХІ ст. потребує детального комплексного аналізу з позицій сучасної лінгвістики. Функціональний аспект дослідження лексичного складу преси надзвичайно важливий, оскільки «використання термінів у переносному значенні слугує одним із головних і постійних джерел поповнення газетної лексики, вироблення власного газетного лексичного фонду» [4, с. 73].

Політичний дискурс, який реалізують сучасні ЗМІ, досліджували О. В. Бакун, Т. В. Гулак, Х. П. Дацишин, Г. В. Завражина, Ю. А. Кліпатська, Л. О. Кудрявцева, С. І. Онуфрів, С. Б. Сереброва, І. О. Філатенко, О. М. Чадюк, Г. А. Черненко та ін.

Джерельну базу роботи становлять україномовні друковані видання періоду 2000–2010 років: «Без цензури» (БЦ), «Галицькі контракти» (ГК), «Голос України» (ГУ), «Демократична Україна» (ДУ), «Дзеркало тижня» (ДТ), «Закон & бізнес» (ЗіБ), «Коментарі» (Ком), «Комуніст» (К), «Контракти» (Контр), «Літературна Україна» (ЛУ), «Молодь України» (МУ), «Нація і держава» (НіД), «Народна газета» (НГ), «Нова ера» (НЕ), «Освіта України» (ОУ), «Персонал плюс» (ПП), «Самостійна Україна» (СУ), «Свобода» (С), «Сільські вісті» (СВ),

«Слобідський край» (СК), «Україна молода» (УМ), «Урядовий кур'єр» (УК). Методом суцільної вибірки було дібрано близько 700 одиниць.

Мета статті – охарактеризувати функціонування медичної й побутової лексики в мовленнєвій структурі політичного дискурсу преси початку ХХІ ст.

Термін «політичний дискурс» часто вживають і українські, і зарубіжні дослідники, але спільної дефініції він не набув: під політичним дискурсом розуміють тексти, «занурені» в політичне життя [див.: 1, с. 185]; «увесь комплекс взаємозв'язків між людиною та суспільством» [5, с. 7], тексти в сукупності з екстралінгвальними факторами [див.: 5, с. 7]; «особливий вид аргументативного дискурсу, що націлений на пропаганду політичних ідей з метою корекції системи цінностей адресата» [6, с. 133]. Таким чином, кожен дослідник, трактуючи поняття «політичний дискурс», розставляє акценти у відповідності до завдань свого дослідження. Під політичним дискурсом автор цієї розвідки розуміє тексти, об'єднані політичною тематикою, що творяться в мові управління, дипломатичного спілкування й переговорів, політичного виховання, політичної пропаганди, що вживаються передусім у політичних виступах, упливають на політичну свідомість реципієнтів і функціонують у різних сферах, зокрема в ЗМІ.

ЗМІ мають велике значення в оформленні політичного дискурсу, основним середовищем його існування є преса. У зв'язку з цим уживаємо поняття «політичний дискурс преси», яке охоплює друковані журналістські тексти політичного спрямування разом із екстралінгвальними чинниками, що позначаються на функціонуванні цих текстів.

Аналіз структури політичного дискурсу преси дає підстави стверджувати, що в ньому відбувається перетин характеристик політичного дискурсу з іншими комунікативними сферами (див. про це: [2, с. 110]). Однією з особливостей зметафоризованої лексики преси є об'єднання її в лексико-тематичні групи, що набувають подібної експресивно-оцінної особливості (див.: [4, с. 74]).

Дослідження здійснено на матеріалі метафоричних словосполучень, до яких відносимо: а) словосполучення, створені за загальномовними граматичними моделями; б) метафори, переносне значення яких упізнається в словосполученнях; в) okazіональні сполучення слів, що характеризуються приналежністю до мовлення, індивідуальною приналежністю, контекстуальною залежністю, новизною; г) газетизми, яким властива соціальна оцінність, типовість для мови преси, реалізація функції впливу. Дібраний матеріал засвідчив, що політичний дискурс преси початку ХХІ ст. залучає слова з медичної й побутової сфер комунікації у близько 150 випадках, що становить понад 20 % усього залученого до аналізу ілюстративного матеріалу.

Майже вся спеціальна лексика, вжита в переносному значенні, набула в пресі негативно-оцінної спеціалізації (див. про це: [4, с. 78]). До складу метафоричних словосполучень політичного дискурсу сучасної преси добирають вербальні компоненти з медичної галузі знань (близько 100 випадків), зокрема такі, що вказують на хвороби, частини й органи людського тіла, наукові досягнення в царині медицини, ліки. Медична лексика в політичному дискурсі покликана вказати на небажаність соціально-політичного явища, прагнення його позбутися, усунути.

Уживання слова *синдром* у метафоричних словосполученнях політичного дискурсу сучасної преси (понад 10 одиниць), як правило, обмежується позначенням певної частини населення, регіону, наприклад: *Афганський синдром* – це сотні зламаних людських долів і вічний борг держави перед нащадками цих людей (БЦ, № 6, 2004); *Юлія Тимошенко: «Українська еліта хвора на синдром заляканості»* (ГК, № 16, 2001); *Луганський синдром по-донецьки* (БЦ, № 30,

2007). Україна для Росії теж є певним регіоном, мабуть, тому в прикладі *Росія: синдром передвиборної українофобії* (ЗіБ, № 8, 2000) вжито саме слово *синдром*.

У метафоричних словосполученнях політичного дискурсу преси вживають слова на позначення частин, органів людського тіла (близько 10 випадків), зокрема *око*, *голова*, *вухо*. *Око*, як видається, асоціюється з органами влади, що виконують роль спостерігача, контролю, наприклад: *Погано бачить ліве око. Політичне – заголовок, і обігрується далі: Ця сьогоднішня непрониклива закритість «лівого ока», неважливо, чи це добровільне міцне зажмурювання, чи сліпота за наказом або на замовлення, нагадує якесь повальне захворювання, яке не дає, за всіма законами оптики, можливості бачити життя об'ємно, стереоскопічно* (К, № 2, 2006); *Новий зір для «ока держави». Прокуратуру хочуть наділити недоторканністю та додатковими повноваженнями* (ЗіБ, № 32, 2008). *Вухо* порівнюють з посадовцями на основі властивості чути, вмінні слухати, наприклад: *Не хоче людей слухать начальницьке вухо* (К, № 74, 2005). Метафоричні словосполучення зі словом *голова* вказують на посаду, очевидно, через багатозначність, наприклад: *Звідки у Вінниці проблеми з головою* (ДТ, № 27–28, 2005).

Медична лексика, що вказує на статеве життя і його наслідки (близько 10 прикладів), характеризує політиків з різних боків:

- близькі, але з пересторогою, стосунки членів Верховної Ради відображають такі метафоричні словосполучення: *Абсолютний парламентський контрацептив* (ДТ, № 14, 2000); *Безпечний «політичний секс»* (ДТ, № 14, 2000);

- на бездіяльність тогочасного Президента вказує словосполучення *політичне безпліддя* (З приводу одного вибрику Кучминого *політичного безпліддя* (СВ, № 106, 2004));

- потенційну небезпеку й байдужість з боку влади відображає такий приклад: *Черкаси вагітні катастрофою* (ДТ, № 27, 2005).

На абсолютну схожість, копіювання, ідентичність у метафоричних словосполученнях політичного дискурсу преси ХХІ ст. вказують слова з коренем *-клон-* (6 одиниць), наприклад: *Клонування абсурду* (БЦ, № 30, 2003) – про проекти конституційних змін; *Що у Президента на умі, а що на язиці, або Леонід Кучма в перекладі українською: «Конституційної реформи не буде, буде клон «Кучма-3»* (СУ, Ч. 38, 2003); *Схожі на них і новомодні партійні з'їзди, перетворені на примітивні шоу з пустими промовами, потугами ідеологічного клонування і пишиною рекламою брехливих, крадених-перекрадених програм* (К, № 49, 2005). В останньому з наведених прикладів для створення метафоричного словосполучення *потуги ідеологічного клонування* вжито слово *потуги*, що також презентує сферу медичної комунікації (галузь акушерства), можливо, його функція – підкреслити процес «народження», тобто спробу відтворення ідеологічного суспільства.

Назви хвороб (5 прикладів) і саме слово *хвороба* (4 випадки), які вживають у політичному дискурсі преси, таких обмежень, як аналізоване вище *синдром*, зазвичай, не мають, наприклад: *мігрень* – хвороба всієї держави – *«Мігрень» нечистих рук. Президент повідав, як боротися «з головним боєм державного масштабу»* (ЗіБ, № 18, 2010). Словосполучення *«мігрень» нечистих рук* уміщує дві метафори: перша – вже названа – переносне значення слова *мігрень*, тобто 'проблема' (значення виявлено за посередництвом уже відомого виразу *головний біль* – 'проблема'); друга – *нечисті руки* (цей вираз, можемо припустити, теж запозичений з медичної сфери, бо презентує галузь гігієни) у політичному дискурсі вживають зі значенням 'хабар'. У метафоричному словосполученні *хвороба ре-*

форми, на відміну від попереднього прикладу, слово *хвороба* співвідноситься з недугою А. Яценюка: **Хвороба реформи**. Засідання Національної конституційної ради не відбулося. Лише через недугу Яценюка? (УМ, № 78, 2008). Знак питання в кінці наведеного тексту все-таки ставить під сумнів одноосібність причини виникнення *хвороби*.

У політичний дискурс сучасної преси впроваджують терміноодиниці медичної сфери, що презентують галузь онкології (3 одиниці): *пухлина*, *метастаз*, напевне, щоб підкреслити гостроту питання і його невирішуваність, адже політичні реалії переймають ознаки складної хвороби, з появою метастаз – невиліковної, наприклад: *Онкологія: метастаз влади* (К, № 7, 2006); *А під усім цим «тхнуть» погано приховані гроші, отримані від замовників чергової партійної пухлини на тілі хворого суспільства* (К, № 49, 2005); *«Третій Рим»: метастази фашизму*. Червоно-коричневі барви російської політики несуть загрозу не лише Україні, а й світові (НіД, № 19–20, 2008).

У метафоричні словосполучення політичного дискурсу включають слово *вірус* (2 випадки):

- у переносному значенні – **«Оранжевий вірус» анархії** (К, № 73, 2005);
- у прямому – **Політичний штаб вірусу**. Грипозна епідемія фактично зупинила «вуличні» прояви виборчої кампанії (УМ, № 204, 2009).

Слово *імунітет*, що репрезентує медичну сферу комунікації, переносять у політичний дискурс преси початку ХХІ ст. на основі спільної семи ‘захищеність’, ‘недоторканність’ (2 факти), наприклад: **Тимчасовий імунітет**. Зміна закону щодо порядку притягання до відповідальності депутата місцевої ради не може бути підставою для продовження розгляду справи по суті (ЗіБ, № 4, 2010); **Імунітет від недоторканності**. Екс-президента спробують повернути на батьківщину і покарати за багатоженство. У Бішкеку відбулося засідання тимчасового уряду Киргизстану, на якому нинішнє керівництво країни прийняло рішення позбавити колишнього главу держави Курманбека Бакієва як влади, так і імунітету (ЗіБ, № 18, 2010).

З іронічним значенням переміщують у політичний дискурс преси слово *лікувати* (2 свідчення). Це відображає зокрема така зметафоризована сполука: **Закон про Кабмін «лікуватимуть», або хай «поживе»?** (ДУ, № 25, 2007), що базується на інтертекстуальності. Прецедентний текст виявляє зв’язки з прототекстом (відомим анекдотом), переймаючи його смисловий потенціал.

Слово *ліки* функціонує в політичному дискурсі для характеристики якогось небажаного явища. У наведених нижче прикладах (2 ілюстрації) йдеться про вибори: **Ліки для парламенту**. Позбавити депутатів диктату партбосів може тільки нова система виборів (ЗіБ, № 10, 2008); **Ліки від несподіванки**. Запевняючи один одного в неминучості перевиборів, депутати наближають «день В» (ЗіБ, № 11, 2009).

Медична процедура *щеплення* в метафоричних словосполученнях політичного дискурсу сучасної преси (2 приклади) набуває значень ‘перейнятий досвід’, ‘засторога’, наприклад: *Олександр Лебедєв: «Ваша революція для Росії – гарне щеплення»* (ДТ, № 3, 2005); **Щеплення від байдужості** (УК, № 106, 2010).

У значенні ‘повернення’ (‘відновлення’) в метафоричні словосполучення політичного дискурсу сучасної преси вводять медичне *реанімація* (2 факти), наприклад: *Основним завданням організаторів так званої оранжевої революції було не встановлення народовладдя, не розвиток демократії, не знищення деспотії кримінального капіталу, а реанімація кучмізму* (К, № 76, 2005); *Петро Симоненко: «Реанімація «плівок Мельниченка» та повернення екс-майора держохорони*

на територію України – це лише складова фальсифікаційних технологій влади нацистів-соціалістів» (К, № 98, 2005).

У політичному дискурсі преси початку XXI ст. вживають і багато інших номінацій медичної сфери, що представлені поодинокими випадками: *фізіологія, анатомія, здоров'я, діагноз, м'язи, патологія, трансплантація, антибіотик* тощо.

Таким чином, потужний і глибокий вплив на політичний дискурс преси здійснює медична термінологія, що об'єднує номени на позначення 'відхилення від норми', 'негативні зміни, що потребують усунення'. Тож негативна оцінність уже закладена в семах «медичних» метафор і використовується журналістами для формування експресивно-оцінного фонду мови преси.

Тенденція до оцінності визначила загальний напрям формування словника преси, зокрема запозичення слів побутової комунікативної сфери. Політичний дискурс преси XXI ст. добирає такі групи слів із побутової сфери: назви страв або позначення процесу вживання їжі, родинних зв'язків, предметів домашнього вжитку. Дібрана картотека налічує 67 прикладів. Особливості побутової лексики як джерела формування словника преси зумовлені її доступністю для широкої аудиторії [див.: 4, с. 102]. Крім того, ця лексика вирізняється конкретним характером семантики слів, а метафоричне використання слів конкретно-предметної семантики – один із провідних процесів розвитку мови [див.: 4, с. 105].

У 50 випадках політика асоціюється з кухнею. На основі цього співвідношення будується метафоричний текст (журналістська стаття), що налічує 12 підзаголовків, назви яких суголосні з назвами українських національних страв, наприклад: *гарбузова каша, часник, вінегрет, голубці з цибулю, гриби, пісний борщ, коржі з маком, узвар* тощо. Лише в цьому журналістському витворі виявлено 25 метафоричних словосполучень, зокрема: *Перець. Приготування цієї страви узяла на себе особисто шефіння кабмінівської «кухні» Юлія Тимошенко. (...) Критика стосувалася здебільшого якості приготовлених Тимошенко страв: то «приватизаційний пиріг» підгорів, то «бюджетний вінегрет» покритий недостатньо дрібно, то «коаліційний борщ» з їли голодні опозиціонери з Партії регіонів... (ДУ, № 1, 2009); Дюжина рецептів від політичних «кулінарів» (ДУ, № 1, 2009). Такий підхід до викладу матеріалу демонструє іронічне ставлення до того, що цілий рік відбувалося в українському політикумі. Образність, що базується на актуалізації культурних знань народу, по-новаторському репрезентує соціальну оцінку.*

Пиріг у політичному дискурсі преси традиційно співвідносять:

– із владою – *Владний «пиріг» черствішає на очах. Чи можлива в Україні цілковита зміна влади?* (ДУ, № 14, 2009);

– з матеріальним збагачення її представників – *Блок Литвина «Ми», самочинно присвоївши собі звання «народного» за довголітнє догідництво перед владою, став тимчасовим притулком для багатьох нині «бездомних кучкістів», котрі виявилися викинутими режимом на політичне узбіччя, щойно стали йому непотрібними, але готові прислужувати будь-кому, хто забезпечить їм можливість годуватися від державного пирога* (К, № 4, 2006); *«приватизаційний пиріг»* (ширший контекст див. вище) і т. ін.

Слово *локишина* в прямому значенні позначає продукт харчування, у переносному – функціонує в сучасному сленгу зі значенням 'брехня', 'нісенітниця' [див.: 3, с. 182]. У метафоричних словосполученнях політичного дискурсу преси початку XXI ст. назване слово вживають у другому (переносному) значенні, наприклад: *«Локишина» від міністра фінансів* (К, № 98, 2005); *Локишина від Нестора Шуфрича. Перебуваючи після керчинської катастрофи у Криму та Севастополі, міністр з питань надзвичайних ситуацій регіонал Нестор Шуфрич*

на всіх нарадах і виступах перед представниками ЗМІ не втомлювався виспівувати дифірамби на адресу керівництва Севастополя та Кримської Автономії, котре майже стовідсотково представлене членами Партії регіонів (ПП, № 46, 2007).

З побутової сфери в політичний дискурс переносять і інші слова, пов'язані з харчуванням, процесом приготування їжі, відповідними предметами, зокрема такі, як-от:

– *апетит* у значенні 'бажаність' – **Освітнянські апетити** запорізького блазня (ПП, № 24, 2007) – про В. О. Толока, керівника Запорізького інституту імені гетьмана Петра Сагайдачного; **Конституційні апетити**. Ще однією спокусою може виявитися Конституція (ЗіБ, № 10, 2010);

– *кухня* – 'місце продукування нових законопроектів' – **Кухня влади**. Контрабандні товари не матимуть «другого життя» (ГК, № 7, 2001), де акцентоване слово «натякає» на предмет змін;

– *м'ясорубка* – 'масові вбивства' – **У Радянській м'ясорубці**. Брехливі історики досі фальсифікують правду про Другу світову війну, під час якої радянські полководці не рахувались із втратами мільйонів людей, що були набагато більшими від німецьких (НіД, № 19, 2008).

У метафоричних словосполученнях політичного дискурсу сучасної преси родинні стосунки та сімейні обряди позначають зокрема такі слова побутової сфери (близько 10 прикладів):

– *син* (у прямому значенні) – **Син «бога»** (К, № 78, 2005) – про А. Ющенка – сина екс-президента України;

– *батько* як родоначальник, глава – **Батько безладу**. Гра в парламентсько-президентську республіку, розпочата головою Верховної Ради Володимиром Литвином, може закінчитися анархією (Контр, № 3, 2006);

– *розлучення* в значенні розірвання міжнародних зв'язків із сусідніми державами – **Слов'янське розлучення**. «Останній диктатор Європи» закликав не кланятися більше Росії (ЗіБ, № 23, 2009).

З побутової галузі в політичний дискурс залучають відповідні номінації речей: *паркан, дзеркало, памперс, зубна щітка, дитячих іграшок: карусель, дзига, гойдалки*. Це відбиває невелика кількість метафоричних словосполучень (близько 10 випадків): **Дзеркало довіри** (ГУ, № 59, 2000); **«Зубна щітка» для влади** (ДТ, № 21, 2000); **Табачник – зампре'єра «по памперсах»** (БЦ, № 3, 2004); **Якщо в інших буржуазних державах структура управління – це форма гойдалок «влада – опозиція», які по черзі міняються місцями, то в Україні ці гойдалки вмонтовані у владну «оранжеву систему»: «оранжева влада» (Ющенко) – «оранжева опозиція» (Тимошенко)** (К, № 82, 2005). Деякі наведені ілюстрації демонструють впровадження в мову політичного дискурсу друкованої преси елементів розмовності, експресія яких, за абсолютно справедливим баченням Г. Я. Солганика, перетворюється на оцінку (див.: [4, с. 100]).

Отже, сучасний розвиток політичного дискурсу преси визначають лексичні запозичення з різних сфер комунікації. Формування лексичної системи преси зумовлене позамовними чинниками. Для мови преси важливими побудниками такої мовленнєвої діяльності є соціальна оцінність, а також прагнення журналіста бути прочитаним, що виявляють її характер, особливості, риси. Дія принципу соціальної оцінності й експресивності зумовлює добір (у якісних і кількісних характеристиках) лексичних розрядів, що презентують відповідну сферу комунікації, тобто визначає лексичну систему політичного дискурсу преси ХХІ ст. Лексична система мови преси має відкритий характер, відносна постійність може бути визначена лише для певного періоду, чим зумовлена

постійна необхідність (актуальність) її дослідження. Тож здійснений аналіз метафоричних словосполучень політичного дискурсу презентує синхронний зріз дослідження лексики преси першого десятиріччя ХХІ ст.

У процесі використання термінів різних галузей знань засобами масової інформації спостерігаємо їх детермінологізацію – втрату семантичної чіткості й однозначності, наявність дифузного значення (метафоричного), що пояснює вплив ЗМІ на процес популяризації слів з різних терміносистем. Вивчення процесу детермінологізації визначає перспективу дослідження метафоричних словосполучень у мові преси початку ХХІ ст.

Бібліографічні посилання

1. **Бакун О. В.** Сучасний український комуністичний дискурс як нащадок російського та радянського політичних дискурсів / О. В. Бакун // Наукові праці Кам'янець-Подільського держ. ун-ту: Філологічні науки. – Вип. 15. Том 2. – Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2007. – С. 185–189.
2. **Клипатская Ю. А.** Лексические заимствования разных сфер коммуникации в политическом дискурсе / Ю. А. Клипатская // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія Мовознавство. – 2007. – № 4/2. – С. 108–114.
3. **Словник** сучасного українського сленгу / Упор. Т. М. Кондратюк; худож.-оформ. Б. П. Бублик, С. І. Правдюк. – Харків : Фоліо, 2006. – 350 с.
4. **Солганик Г. Я.** Лексика газеты (функциональный аспект) : [учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика»] / Г. Я. Солганик. – М. : Высш. шк., 1981. – 112 с.
5. **Чадюк О. М.** Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01. «Українська мова» / О. М. Чадюк. – К., 2005. – 20 с.
6. **Черская И. Н.** О содержании понятия «современный политический дискурс» / И. Н. Черская // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 2000. – № 3–4 (17). – С. 131–133.

Надійшла до редколегії 06.04.11

УДК 81'27

О. В. Комов

Донецький педагогічний коледж

ДИФЕРЕНЦІАЦІЯ МОВЛЕННЯ НА ЧОЛОВІЧЕ І ЖІНОЧЕ

Присвячено аналізу чоловічого і жіночого мовлення. Подано історичні відомості початку диференціації мовлення на чоловіче і жіноче; розкрито основні відмінності у мовленні чоловіків і жінок; розкрито поняття гендер і стать.

Ключові слова: диференціація, стать, гендер, жіноча мова, чоловіча мова.

Посвящена анализу мужской и женской речи. Изложены исторические сведения о начале дифференциации речи на мужскую и женскую; раскрыты основные отличия в речи мужчин и женщин; раскрыты понятия гендер и пол.

Ключевые слова: дифференциация, пол, гендер, женский язык, мужской язык.

The article deals with the analysis of the masculine and feminine broadcasting. Historical information of beginning of differentiation of broadcasting is given for masculine and feminine. Basic differences open up in broadcasting of men and women. The concepts of gender and sex open up.

Keywords: differentiation, sex, gender, feminine language, masculine language.

Диференціація мови за статтю стала відома з XVII століття, коли були відкриті нові племена, в яких спостерігалися досить значні відмінності в мові залежно від статі того, хто говорить. В основному, це стосувалося жінок, тому що їх мовна поведінка регламентувалася більш, ніж чоловіча, тому спочатку в науковому описі обговорювалися так звані «жіночі мови». Найчастіше відмінності виявляються в лексиці, але можуть поширюватися і на інші явища.

У кінці 60-х років XX століття спочатку в історії і соціології, а потім і в інших науках вводиться термін «гендер», широко використовуваний для опису стереотипів «фемінінності» і «маскулінності», які існують в різних культурах. Основною метою введення поняття «гендер» є розмежування понять біологічної статі і статі соціальної. Слід зазначити, що остання визначає стратегії поведінки індивіда відповідно до його біологічної статі. Зміна основ суспільного життя, в якому зростає роль жінки, традиційного національного менталітету, зумовлює бурхливий розвиток гендерних досліджень в різних напрямках гуманітарних наук, у тому числі і в мовознавстві, тому питання диференціації мовлення на чоловіче і жіноче сьогодні є дуже актуальним. Основним завданням нашого дослідження є з'ясування особливостей розрізнення понять *стать* і *гендер*; визначення основних причин диференціації мовлення на чоловіче і жіноче; розкриття основних відмінностей у мовленні чоловіків і жінок на всіх мовних рівнях.

Сучасна соціально-психологічна наука розрізняє поняття *стать* і *гендер* (gender). Традиційно перше з них використовувалося для позначення тих анатомо-фізіологічних особливостей людей, на основі яких люди визначаються як чоловіки або жінки. Стать (тобто біологічні особливості) людини вважалася фундаментом і першопричиною психологічних і соціальних відмінностей між жінками і чоловіками. У міру розвитку наукових досліджень стало зрозуміло, що з біологічної точки зору між чоловіками і жінками значно більше схожості, ніж відмінностей [1, с. 43]. Багато дослідників вважають, що єдина чітка і значима біологічна відмінність між жінками і чоловіками полягає в їх ролі у відтворенні потомства. Сьогодні очевидно, що такі «типові» відмінності статі, як, наприклад, високий зріст, більша вага, мускульна маса і фізична сила чоловіків, непостійні і значно менше пов'язані зі статтю, ніж було прийнято думати. Наприклад, жінки з Північно-Західної Європи в цілому вищі за зріст, ніж чоловіки з Південно-Східної Азії. На зріст і вагу тіла, а також на фізичну силу істотно впливають харчування і спосіб життя, які, у свою чергу, знаходяться під впливом суспільних поглядів на те, кому, – чоловікам або жінкам – необхідно давати більше їжі, кому потрібніша калорійна їжа, які спортивні заняття прийнятні для тих або інших.

Окрім біологічних відмінностей, між людьми існують розділення їх соціальних ролей, форм діяльності, відмінності в поведінці та емоційних характеристиках. Антропологи, етнографи та історики давно встановили відносність уявлень про «типово чоловіче» або «типово жіноче»: те, що в одному суспільстві вважається чоловічим заняттям (поведінкою, рисою вдачі), в іншому може визначатися як жіноче. Різноманітність соціальних характеристик жінок і чоловіків у світі – принципова тотожність біологічних характеристик людей. Це дозволяє зробити висновок про те, що біологічна стать не може бути поясненням відмінностей їх соціальних ролей, які існують у різних суспільствах. Таким чином, виникло поняття *гендер*, що означає сукупність соціальних і культурних норм, які люди у суспільстві виконують залежно від їх біологічної статі [12, с. 142]. Не біологічна стать, а соціокультурні норми визначають психологічні якості, моделі поведінки, види діяльності, професії жінок і чоловіків. Бути в суспільстві чоловіком або жінкою означає не просто мати ті або інші анатомічні особливості – це означає виконувати ті або інші призначені нам гендерні ролі. Гендер створюється (конструю-

ється) суспільством як соціальна модель жінок і чоловіків, що визначає їх положення і роль у суспільстві і його інститутах (сім'ї, політичній структурі, економіці, культурі та освіті тощо). Гендерні системи розрізняються в різних суспільствах, проте в кожному суспільстві ці системи асиметричні таким чином, що чоловіки і все «чоловіче / маскулінне» (риси вдачі, моделі поведінки, професії тощо) вважаються первинними, значимими і домінуючими, а жінки і все «жіноче / фемінінне» визначається як вторинне, незначне з соціальної точки зору і підпорядковане. Сутністю конструювання гендера є поляриність і зіставлення. Гендерна система відображає асиметричні культурні оцінки, які адресуються людям залежно від їхньої статі [17, с. 342]. З певного моменту майже в кожному суспільстві, де соціальні характеристики мають два гендерні типи (ярлики), одна біологічна стать виконує соціальні ролі, які вважаються культурно-вторинними. Не має значення, які це соціальні ролі: вони можуть бути різними в різних суспільствах, але те, що приписується жінкам, оцінюється як вторинне (другосортне). Соціальні норми змінюються з часом, проте гендерна асиметрія залишається. Можна сказати, що гендерна система – це соціально сконструйована система нерівності за статтю [4, с. 75]. Отже, гендер є одним із способів соціальної стратифікації суспільства, який у поєднанні з такими соціально-демографічними чинниками, як раса, національність, клас, вік, організовує систему соціальної ієрархії [7, с. 244].

А. В. Кириліна підкреслює, що важливу роль у розвитку і підтримці гендерної системи відіграє свідомість людей [13, с. 213]. Конструювання гендерної свідомості індивідів відбувається за допомогою поширення і підтримки соціальних і культурних стереотипів, норм і розпоряджень, за порушення яких суспільство карає людей (наприклад, ярлики «мужоподібна жінка» або «мужик, а поводить як баба» досить важко сприймаються людьми і можуть викликати не лише стреси, але і різні види психічних розладів). Від народження людина стає об'єктом дії гендерної системи – в традиційних суспільствах здійснюються символічні статеві обряди, які розрізняються залежно від того, якої статі народилася дитина; колір одягу, колясок, набір іграшок новонародженого в багатьох суспільствах також визначені її статтю. Проведені О. І. Горошко дослідження показують, що новонароджених хлопчиків більше годують, але з дівчатками більше розмовляють [3, с. 354]. У процесі виховання сім'я (в особі батьків і рідних), система освіти (в особі вихователів дитячих установ і вчителів), культура в цілому (через книги і засоби масової інформації) упроваджують у свідомість дітей гендерні норми, формують певні правила поведінки і створюють уявлення про того, хто є «справжнім чоловіком» і якою має бути «справжня жінка». Згодом ці гендерні норми підтримуються за допомогою різних соціальних (наприклад, право) і культурних механізмів, наприклад, стереотипи в ЗМІ. Втілюючи в своїх діях очікування, пов'язані з їх гендерним статусом, індивіди на мікрорівні підтримують (конструюють) гендерні відмінності і, одночасно, побудовані на їх основі системи панування і владарювання [там же].

Диференціація понять *стать* і *гендер* означала вихід на новий теоретичний рівень осмислення соціальних процесів. Наприкінці 80-х років дослідники феміністів поступово переходять від критики патріархату і вивчення специфічного жіночого досвіду до аналізу гендерної системи. Жіночі дослідження [8, с. 63] поступово переростають в гендерні дослідження, де на перший план висуваються підходи, згідно з якими всі аспекти людського суспільства, культури і взаємин є гендерними. У сучасній науці гендерний підхід щодо аналізу соціальних і культурних процесів і явищ використовується дуже широко. У ході гендерних досліджень розглядається, які ролі, норми, цінності, риси вдачі надає суспільство жінкам і

чоловікам через системи соціалізації, розподіли праці, культурні цінності і символи, щоб збудувати традиційну гендерну асиметрію й ієрархію влади.

Відмінності між чоловічою і жіночою мовою виявляються на різних рівнях мови: у лексиці, у фонетиці, в граматиці. Крім того, наголошуються розбіжності і в тактиках ведення розмов. Вважається, що найчастіше гендерні відмінності виявляються на рівні лексики. Так, О. А. Земська, М. В. Китайгородська і Н. М. Розанова відзначають, що жінкам властиве вживання зменшувальних форм, особливо в розмові з дітьми і тваринами, використання приблизних визначень, тенденція до гіперболізованої експресії (особливо характерна при вираженні оцінних значень), висока концентрація емоційно-оцінних слів. Чоловікам – згубність мови лексичними засобами, тенденція до точності номінації, вживання термінів, використання стилістично нейтральної оцінної лексики, експресивних, зазвичай стилістично понижених засобів, активне використання багажу професійних знань поза сферою професійного спілкування.

Також О. А. Земська, М. В. Китайгородська і Н. М. Розанова зазначають, що жінки широко вживають прикметники і прислівники, які виражають загальну позитивну оцінку, використовуючи при цьому експресивні синоніми загальнооцінного прикметника *хороший, добрий*. До таких типово жіночих оцінних слів належать позитивні оцінки – прикметники і відповідні прислівники: дивний, чарівний, прекрасний, чудовий [9].

За О. Есперсеном, жінки, в порівнянні з чоловіками, більш схильні до евфемізмів і менш – до лайок. Вони також консервативніші у вживанні мови [14, с. 53]. Результати дослідження Т. Би. Крюк, яке присвячене особливостям використання російської мови чоловіками і жінками, дозволяють передбачити, що словник чоловіків і жінок організований по-різному: у словнику жінок більше центральне ядро, яке широко використовується всіма жінками; у чоловіків цей центральний загальноновживаний шар лексики менший, зате вони краще володіють різними периферійними розділами словника, тому в мові чоловіків більше виявляється їх індивідуальність. Це пояснює той факт, що, коли потрібно написати необмежену кількість слів, жінки за один і той же час пишуть більше слів, але, в основному, це центральний загальноновживаний шар лексики; коли ж число необхідних слів обмежене, «лінгвістична прудкість» жінок вже не відіграє жодної ролі, а їх «лінгвістична обмеженість» виявляється з повною виразністю [15, с. 189–191].

Крім того, жінки вживають більше займенників, дієслів, часток, чим чоловіки; у жінок спостерігається тенденція до частішого вживання часток *не, ні*; жінки частіше використовують невизначені, розтягнуті в часі, емоційно насичені імена якості і стану, тоді як чоловіки віддають перевагу конкретним іменам якості, обмежені в часі імена стану; чоловіки вживають якісні прикметники, в основному, у вищому ступені порівняння; жінки, в порівнянні з чоловіками, більш схильні до вживання вигуків, найчастішим з яких є «ой»; типово жіночими є конструкції із займенниками *такий, так, який*, позначені як позитивною, так і негативною конотацією; жінки віддають перевагу використанню димінутивів для передачі багатогранного ставлення до світу, а чоловіки – при описі ситуацій з дітьми або близькими, а також при вказівці розмірів або об'ємів предмета; у мові чоловіків переважають раціоналістичні оцінки, тоді як оцінок з соціальної точки зору, емоційних та сенсорних менше; чоловіки виділяють частіше естетичну, ніж етичну сторону предмета або явища навколишньої дійсності [10; 11; 15].

Дослідження чоловічої і жіночої мови на рівні фонетики виявляють наявність як абсолютних вимовних особливостей в мові чоловіків і жінок, зумовлених

біологічно, так і вимовних відмінностей відносно конкретних фонетичних змінних.

Деякі російські лінгвісти відзначають, що жінкам, у порівнянні з чоловіками, властиві: вищий рівень частоти основного тону; всі частотні характеристики звуків зрушені в порівнянні з відповідними чоловічими вгору по осі частот в середньому на 17–20 %; ширший голосовий діапазон; здатність вільніше міняти голосовий регістр; широке використання ковзаючих низхідних і висхідних тонів, а також складних висхідних / низхідних або низхідних / висхідних тонів у межах одного наголошеного складу; менша гучність; придиhi; лабіалізація; назалізація. Жіночі і чоловічі голоси розрізняються різними характеристиками «мовного вібратору» – частотно-амплітудної модуляції в спектрі голосних звуків.

Крім того, особливості жіночої вимови найяскравіше виявляються в області вокалізму, а чоловічого – в сферах консонантизму: для багатьох чоловіків характерний менший розчин рота при вимові звуків, ніж для жінок, що призводить до утворення «вужчих» голосних, менш багатих по тембру; а велика насиченість консонанти чоловічої мови зумовлена тим, що для чоловіків характерна сильніша деформація голосних у потоці мови, їх кількісна і якісна редукція, випадання голосних.

При акцентному виділенні слів у фразі виявляються відмінності у фонетичному оформленні акцентно виділених слів: у жіночій мові широко представлене розтягування наголошеного голосного, в чоловічій – приголосного. Також вважається, що мова жінок консервативніша і краще зберігає регіональні риси. Жінки також частіше удаються до вираження своїх емоцій інтонацією, тоді як чоловіки вважають за краще використовувати лексичні засоби [8, с. 14].

Необхідність вивчення акустичних характеристик, наприклад, російської мови визначається як практичними, так і теоретичними потребами. По-перше, актуальною залишається проблема розробки систем акустичного розпізнавання і автоматичного синтезу звучної мови по тексту з тембральним звучанням жіночого голосу, хоча проблема автоматичного синтезу мови, яка звучить, по тексту з характеристиками чоловічого голосу може бути визнана на сьогоднішній день вирішеною. Необхідність створення автоматичного синтезу жіночого голосу пояснюється, зокрема, більшою стійкістю жіночого голосу до перешкод в порівнянні з чоловічим у низькочастотних шумах каналів зв'язку. По-друге, на сьогоднішній день клас чоловічих голосів є найбільш вивченим, на відміну від специфіки жіночих голосів, що представляє власне теоретичний інтерес [19, с. 56].

Стосовно синтаксичного рівня мови, за спостереженням О. Есперсена, жінки віддають перевагу еліптичним конструкціям і паратаксису, тоді як чоловіки – періодам і гіпотаксису, цьому О. Есперсен дає вищу оцінку і на цій підставі робить висновок про розумову перевагу чоловіків [14, с. 53].

Н. Л. Пушкарьова відзначає, що жінки частіше в порівнянні з чоловіками використовують інверсії, вживають окличні і питальні речення, для них характерні розгорнуті, детальні й експресивні речення і тексти. Окремі речення і тексти чоловіків лаконічні, предметні і менш динамічні [20, с. 32].

Дослідження писемного мовлення в цій же області, проведене О. І. Горошко, виявило, що чоловічій мові, при порівнянні її з жіночою, властиві такі особливості: чоловіки частіше використовують підрядний, а не сурядний зв'язок; рідше використовують неповні речення та еліптичні конструкції; зворотний порядок слів також менш властивий чоловічому писемному мовленню [18].

Також вважається, що жінки частіше за чоловіків використовують риторичні питання; частіше, ніж чоловіки, схильні удаватися до непрямих мовних стратегій [16].

На морфологічному рівні виділяють такі відмінності: жінки використовують більшу кількість зменшувально-пестливих суфіксів у порівнянні з чоловіками. Для чоловічого писемного мовлення характерні суфікси: *-к-, -ок-, -к-, -очк-*; пом'якшувальні прийоми в чоловічій мові уживаються, як правило, з метою ефемізації, при необхідності зменшення того, хто говорить, своїх якостей або, більш того, представлення себе незначною особою, а також у ситуаціях, коли перебільшуються достоїнства адресата [10; 11; 6].

Також гендерні відмінності стосуються і словникового складу, семантичних полів і асоціативних рядів. Внаслідок того, що жінка більше чоловіка зосереджена на своєму внутрішньому світі, в її словниковому запасі зустрічається і більше слів, які описують відчуття, емоції, вона частіше вживає дієслова, які передають емоційно-психологічний стан людини. За свідченням А. С. Кириліної, «встановлено, що жіноче асоціативне поле виглядає більш узагальненим і «гуманістичним» (природа, тварини, повсякденне життя), тоді як чоловіки асоціюють себе із спортом, полюванням, професійною і військовою сферами» [14, с. 56]. Також встановлено, що семантичні поля чоловіків і жінок при діалозі не збігаються, що пояснюється принциповою відмінністю в початкових глибинних і рідко усвідомлюваних прагненнях чоловіків і жінок, які вступають в контакт: «Для жінок мова служить засобом, який дозволяє завести друзів і підтримувати взаємини. Для чоловіка розмовляти – означає передавати факти» [5].

Стосовно чоловічих і жіночих тактик ведення розмови, жінка схильна частіше ставити питання, як правило, з метою будь-яким чином продовжити бесіду. Свою незгоду з думкою співбесідника жінка частіше виражає мовчанням, а не відкритим словесним протестом. Засоби вербальної агресії їй неприйнятні, жінка вважає її направленою особисто проти себе і схильна переривати спілкування, чоловіки ж бачать у ній спосіб інтенсифікації бесіди. У жінок спостерігається ввічливіший характер реплік, хоча і напористіша мовна поведінка. Жінка в розмові, як правило, більше вибачається. Чоловік прагне домінувати в бесіді, керувати її розвитком, свої наміри виражає прямо, відверто, не використовуючи при цьому коректні і занадто ввічливі форми слів. Кількість реплік чоловіка в діалозі, як правило, більша і за тривалістю вони довші [2].

Цікаво зазначити, що дослідження з гендерних відмінностей у мові проводяться не лише на матеріалі текстів таких жанрів, як наукові і офіційно-ділові, але і на матеріалі художніх текстів, що дозволяє розглянути реалізацію гендера з нової точки зору: не лише як параметр, що відображає гендерну ідентичність автора, але і як параметр, що відображає основні тенденції гендерної диференціації мовних засобів, у тому випадку, якщо автор імітує мову протилежної статі. Очевидно, що для вирішення цього завдання авторові необхідно мати чіткий набір ознак чоловічої і жіночої мови, який можна перевірити. Адже щоб імітувати мовлення особи іншої статі, потрібно знати, які класифікаційні ознаки жіночої і чоловічої мови є помітними, такими, що часто зустрічаються і легко піддаються імітації, а яким ознакам наслідувати набагато складніше, що зумовлене глибинними процесами мовлення і не може бути заховане, замасковане. До поверхневих ознак чоловічої і жіночої мови відносять компетентний опис фрагментів дійсності, де традиційно головними є жінки: приготування їжі, орієнтація в проблемах моди, виховання, домашнє господарство, – або чоловіки: ремонт техніки, домашня праця за допомогою слюсарних і подібних інструментів, знання спортивних команд тощо.

Отже, ми бачимо, що поняття гендер позначає, по суті, і складний соціокультурний процес формування (конструювання) суспільством відмінностей в чоловічих і жіночих ролях, поведінці, ментальних і емоційних характеристиках, і сам результат – соціальний конструкт гендера. Важливими елементами створення ген-

дерних відмінностей є зіставлення «чоловічого» і «жіночого» і підпорядкування жіночого начала чоловічому началу.

Бібліографічні посилання

1. **Антология гендерных исследований** : сб. пер. / Е. И. Гапова, А. Р. Усманова. – Мн. : Прописи, 2000. – 384 с.
2. **Горошко Е. И.** Гендерная проблематика в языкознании / Е. Горошко. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>.
3. **Горошко Е. И.** Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) / Е. И. Горошко // Гендер: язык, культура, коммуникация : доклады Второй междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М., 2001. – 336 с.
4. **Грейдина Н. Л.** Гендерные роли в языке и речи / Н. Л. Грейдина // Форма, значение и функции единиц языка и речи. – Ч. 3. – Мн. : МГЛУ, 2004. – 149 с.
5. **Гречина Е. В.** Гендерный аспект функционального поля инициальности диалогической речи (на материале французского языка) / Е. В. Гречина. – Режим доступа: <http://mixport.ru>.
6. **Давыдкина Н. А.** Немножко о женской речи в художественной прозе / Н. А. Давыдкина // Русская словесность. – 2004. – № 7. – С. 63–66.
7. **Заботкина В. И.** Гендерная составляющая прагматической интерпретации знака / В. И. Заботкина // Гендер: язык, культура, коммуникация : доклады Третьей междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М., 2003. – 354 с.
8. **Земская Е. А.** Особенности мужской и женской речи в современном русском языке / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании : коммуникативно-прагматический аспект / [под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева]. – М. : Наука, 1993. – 167 с.
9. **Земская Е. А.** Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова / [под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева]. – М. : Наука, 1993. – С. 90–136.
10. **Кавинкина И. Н.** Диминутивы как маркеры языкового сознания мужчин и женщин / И. Н. Кавинкина // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : мат. VI Межд. научн. конф.: в 2-х ч. – Ч. 1. – Гродно, 1998. – С. 25–31.
11. **Кавинкина И. Н.** Проявление гендерного фактора в русском языке / И. Н. Кавинкина. – Режим доступа : <http://envila.by.iatp.org.ua/nfo/courses/conference99>.
12. **Кирилина А. В.** Гендер : лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М. : Изд-во «Институт социологии РАН»; 1999. – 180 с.
13. **Кирилина А. В.** Гендерные исследования в отечественной лингвистике : проблемы, связанные с бурным развитием / А. В. Кирилина // Гендер: язык, культура, коммуникация : доклады Второй междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М., 2001. – 336 с.
14. **Кирилина А. В.** Развитие гендерных исследований в лингвистике / А. В. Кирилина // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 51–58.
15. **Крючкова Т. Б.** Некоторые исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами / Т. Б. Крючкова // Проблемы психолингвистики. – М., 1975. – С. 186–199.
16. **Лисенкова О. А.** Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи (на материале англ. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Лисенкова. – Нижний Новгород, 2007. – 20 с.
17. **Серова И. Г.** Гендер как аспект конструирования социальной реальности / И. Г. Серова // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2006. – 509 с.
18. **Словарь гендерных терминов.** – Режим доступа : <http://www.owl.ru/gender/283.htm>.
19. **Потапов В. В.** Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В. В. Потапов // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 52–62.

20. **Пушкарева Н. Л.** Гендерная лингвистика и исторические науки / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 31–40.

Надійшла до редколегії 24.01.11

УДК 811.161.1'42

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МАРКИРОВКИ ПИСЬМА КАК ПОСЛАНИЯ И ДОКУМЕНТА

Розглянуто проблему визначення листа як послання, поставлено питання щодо виділення диференціальних ознак епістолярного тексту. Названо основні формальні параметри, які маркують лист як документ.

Ключові слова: лист, послання, епістола, епістолярний текст, листування.

Рассмотрена проблема определения письма как послания, поставлен вопрос о выделении дифференциальных признаков эпистолярного текста. Названы основные формальные параметры, маркирующие письмо как документ.

Ключевые слова: письмо, послание, эпистола, эпистолярный текст, переписка.

The problem of determination of letter as message is considered, a question about extraction of differential features of epistolary text is put. Basic formal parameters, marking a letter as document, are adopted.

Key words: letter, message, epistola, epistolary text, correspondence.

Письмо как средство коммуникации существует, по-видимому, практически столько же, сколько существует письменность, а значит, и письменная форма общения людей. Переписка между людьми возникала в самых разных культурах, и древнейшие письма, по мнению историка В. А. Сметанина, могли быть написаны ещё 2400–2200 лет до н. э. Из самых же ранних сохранившихся и дошедших до нас писем античности известны письма Исократ, Платона, Аристотеля [27, с. 7]. Нужно отметить, что ещё в античности начала складываться и теория эпистолярного стиля, были выделены типы писем, давались рекомендации по их написанию [1]. Так, древнегреческий ритор и философ Деметрий определял письмо как «сжатое выражение дружеского расположения и рассказ о простых вещах простыми словами» [10, с. 274]. Аппелируя к авторитету Аристотеля, Деметрий полагал, что письма отличаются от других текстов прежде всего своей тематикой: ни софизмы, например, ни рассуждения о природе не могут быть предметом письма. В отношении писем Деметрий как раз и использовал термин «эпистолярный стиль», указывая, что он существует в двух разновидностях: изящный и простой, – а выбор между ними следует осуществлять в зависимости от того, какому именно лицу письмо обращено. В античную эпоху было отмечено и то, что письмо сопоставимо с репликой диалога, поэтому обычно рекомендовалось писать письма тем же слогом, что и диалоги. Отчасти соглашаясь с этой мыслью, Деметрий подчёркивает, что письмо составляется заранее и поэтому требует более тщательной отделки, чем диалог [10, с. 273]. Древнегреческие теоретики стиля отметили ещё один признак, который, по их мнению, отличает собственно письмо от других видов письменной речи, – его свойство отражать и запечатлевать характер пишущего.

В средние века, насколько нам известно, сколько-нибудь масштабных исследований эпистолярики не велось, теология и алхимия поглощали всё, что только можно было привлечь в науку. Традиция соблюдения целого ряда требований к оформлению и стилю писем передавалась через письмовники – сборники посланий, содержавшие образцы литературно украшенных писем разного содержания, а также формулы вежливости, необходимые для написания частных и деловых писем [11]. Древнерусские письмовники регламентировали преимущественно сферу деловой переписки; с XVIII века появляются также руководства по написанию частных писем, самым известным из которых стал «Письмовник» Н. Г. Курганова, выдержавший с 1769 по 1837 год одиннадцать изданий и включавший, помимо образцов писем, сведения по русской грамматике, а также исторические и бытовые анекдоты, собранные под названием «Краткие замысловатые повести» [5, с. 25]. Письмовники сохраняли популярность в XIX и даже в начале XX века, поскольку они способствовали распространению этикетных и этических норм, «ненавязчиво советовали, как придать надлежащую форму своим эмоциям и выразить их в принятой для культуры форме» [3, с. 78].

И только в XX веке возобновляется научный интерес к теории и практике письма. Изучение писем сначала осуществляется в русле риторики, затем продолжается в связи с развитием теории стиля и жанра в литературоведении [6]. Ю. Н. Тынянов показал, что в течение XVIII века письмо из бытового документа стало литературным фактом [32], и отметил огромное значение эпистолярной литературы XIX века в литературной эволюции. В литературоведческих изысканиях Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского и других учёных переписка известных литераторов неоднократно привлекалась в качестве материала исследования, позволяющего установить биографические и литературные связи русских поэтов и писателей.

В настоящее время существует обширная библиография научных работ, посвящённых письмам самого разнообразного ареала, времени и характера: древних египтян, вавилонян, ассирийцев, письмам античного мира, средневековья и Нового времени [27, с. 13–21]. Опубликовано многие тома писем выдающихся деятелей культуры, политиков, учёных, что сделало доступным для изучения большой корпус текстов данного типа. В научный обиход вошёл термин «эпистолография», который филологами трактуется как «литература писем», а историками используется как название специальной дисциплины, изучающей письма в качестве исторического источника. Письма рассматриваются в разных аспектах: филологи исследуют их, главным образом, как литературный жанр [21], историки – как документ определённой эпохи и источник сведений о ней [1]. Обсуждаются также вопросы воспроизведения эпистолярных текстов в печати, их комментирования, датировки, сохранения и передачи особенностей языка автора [20]. В последние десятилетия письма стали предметом исследования лингвистов, которые рассматривают на материале эпистолярных текстов функционирование фразеологизмов [33], семантико-синтаксические категории речи [31], проблемы билингвизма [7], анализируют структуру и единицы эпистолярного текста [18], коммуникативные стратегии русского письма [17], жанровые разновидности эпистолярных текстов [30]; письма исследуются в аспекте исторической стилистики [12; 23], теории речевого общения [14].

И одной из наиболее актуальных проблем для специалистов, которые занимаются изданием эпистолярного наследия деятелей культуры, является проблема отбора текстов, которые должны быть квалифицированы как письма. Анализируя эпистолярное наследие, многие учёные, и в частности Л. Н. Смирнова, отмечают, что даже в академических изданиях нередко тома писем поглощают самые разные

документы и материалы, зачастую не подходящие под определение эпистолярного жанра, такие, например, как обращения к издателям, письма в редакцию, разного рода прошения, деловые распоряжения и т. п. [20, с. 239–240], а литературовед Е. И. Прохоров, много занимавшийся подготовкой к публикации художественных произведений и других текстов, принадлежащих писателям, обращает внимание на то, что не всегда возможно установить чёткую границу между письмом в стихах и дружеским посланием как жанром лирической поэзии, а также между письмом и официальным документом. Отмечает учёный и тот факт, что письмо, в котором писатель анализирует явления современной ему литературы, давая оценки сюжету, композиции, стилю, нередко воспринимается как критическая статья, поэтому вопрос о границах жанра эпистолярного, по его мнению, остаётся открытым, и в издательской практике иногда бывает чрезвычайно трудно определить, где следует печатать тот или иной документ, даже если он имеет все формальные элементы письма: указание адресата, места написания, даты, обращение и т. п. – среди художественных произведений, критических статей или в томах писем [20, с. 17].

Не случайно одной из актуальных задач лингвистики в этом плане всё ещё остаётся определение самого понятия *письмо*, формирование дифференциальных признаков, которые позволят квалифицировать заданные документы как принадлежащие или не принадлежащие к разряду эпистолярных текстов. Дефиниции письма есть, но они, как правило, не раскрывают сущности определяемого понятия. Ряд толковых словарей современного русского языка вводят слово *письмо* как многозначное, причём в качестве первого, базового номинативного значения даётся определение письма как системы графических знаков для передачи информации, и только какие-то последующие значения этого слова связываются с письмом как посланием. Так, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» мы читаем: «**Письмо** – ... 4. Текст, посылаемый, передаваемый кому-либо с целью сообщения о чём-либо, изложения своих мыслей, выражения своих чувств. ◇ Директивное, инструктивное, циркулярное и т. п. письмо. ◇ Роман, повесть и т. п. в письмах. ◇ Возмутительное, прелестное письмо. || Соответствующее почтовое отправление. 5. Официальный документ (преимущественно денежный); письменное долговое обязательство» [26, с. 1246–1247]. Кстати, «Словарь русского языка» в 4-х томах объединяет эти значения в одном лексико-семантическом варианте, выделяя письмо как официальный документ лишь в качестве оттенка значения: «**Письмо** – ...3. Бумага с написанным текстом, посылаемая кому-л. для сообщения чего-л., для общения с кем-л. на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление. || Сам такой текст. || Официальный, обычно денежный документ» [25, с. 127]. Дефиниция украинского эквивалента лексемы *письмо* – слова *лист* – в «Великому тлумачному словнику сучасної української мови» фиксирует в качестве смыслового оттенка «письменное обращение к лицу или лицам, рассчитанное на широкое распространение», что указывает на возможность обращаться с помощью письма ко множеству адресатов, изначальную ориентированность автора письма на его опубликование: «**Лист** – ...2. Писаний текст, призначений для повідомлення про що-небудь, для спілкування з кимсь на відстані, а також відповідна поштова кореспонденція. || Писане звертання до особи чи осіб, розраховане на широке розповсюдження. 3. Офіційний, грошовий або інший документ. || Документ для записування яких-небудь відомостей» [9, с. 615]. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой значение слова *письмо* как послания ставит на первое место и объясняет это слово следующим образом: «1. Написанный текст, посылаемый для сообщения чего-н. кому-н.» [17, с. 519]. Большая Советская Энциклопедия фик-

сирует лишь одно значение слова *письмо*: «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять её во времени» [8, с. 517].

Ни один признак, названный в приведённых дефинициях, не может чётко обозначить, что такое письмо, и противопоставить собственно письмо другим видам письменных документов. Если речь идёт о почтовом отправлении, то письмом можно назвать и конверт, содержащий не текст, а, скажем, рисунок или фотографию. Носителем текста не обязательно является бумага: ранее в этом качестве использовались различные материалы от папируса и бересты до пергамента, а в настоящее время корреспондентам всё чаще приходится иметь дело с электронными средствами передачи информации. Снять многозначность слова *письмо* в этом отношении отчасти позволило бы использование термина *эпистолярный текст*. Тогда нужно выяснять, чем эпистолярный текст отличается от неэпистолярного, что не менее проблематично, чем поиск дифференциальных признаков для собственно письма. В дефиниции, данной в «Словаре современного русского литературного языка», в качестве различительного признака письма названа коммуникативная цель: сообщение о чём-либо, изложение своих мыслей, выражение своих чувств, — однако всё это содержится в самых разных видах текстов: газетных статьях, дневниках, мемуарах и т. д. Признак «написанный» применительно к тексту письма тоже нерелевантен: текст не обязательно бывает написан, есть и так называемое звуковое письмо; а если говорить о написании как процессе создания текста, то письмо может быть и копией, воспроизведением чужого текста. Посылать можно не только письма, но и документы, научные статьи, художественные тексты; с другой стороны, неотправленное письмо всё же остаётся письмом.

Словари лингвистических терминов, как и словари энциклопедические [28, с. 1003], дают только одно толкование термина «письмо», интерпретируя его как знаковую систему фиксации речи, позволяющую передавать сообщение на расстоянии и закреплять её во времени [см., напр.: 4, с. 323; 22, с. 207; 24, с. 205; 16, с. 375; 29, с. 87], и тем самым не берут на себя ответственность за определение письма как документа. Возникает парадоксальная ситуация: в лингвистической литературе дискутируется вопрос о том, какой термин более корректен в отношении писем: эпистолярный стиль, эпистолярный жанр, эпистолярная форма или эпистолярная манера и т. д., — при этом так и не определён сам предмет обсуждения и не маркирован соответствующий термин.

Более развёрнутые, но тоже весьма разнообразные, а зачастую и противоречивые дефиниции письма встречаются в специальной литературе, и такая неоднозначность трактовки понятия *письмо* обусловлена не только разными методологическими установками исследователей, но и жанрово-стилистической неоднородностью самих эпистолярных текстов. Е. И. Прохоров, в частности, указывая на то, что понятие *письмо* действительно не имеет точно и строго очерченных жанровых рамок, говорит об узком и широком понимании данного термина. Письмо в широком смысле может быть и литературно-художественным, и критико-публицистическим произведением, и деловым документом. Письмо в узком смысле слова — это документ частного письменного общения лиц. Ограничивая предмет рассмотрения последним типом текстов, Е. И. Прохоров определяет письма как «письменные личные обращения автора к отдельным лицам или коллективам лиц, с обычным присутствием типично эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и т. п.), и предполагающие необходимость ответа (или сами являющиеся ответом)» и отмечает, что письмо «пишется обычно в свободной форме, в нем могут обсуждаться как личные, так и общественные вопросы, но оно не рассчитывается на опубликование или ознакомление с ним иных лиц, кроме

тех, кому оно адресовано» [20, с. 19]. Далее учёный делает оговорку, что названные им признаки не всегда присутствуют в каждом письме: немало писем писалось без обращений, без дат или без подписей; письма, адресованные одному человеку, читал гораздо больший круг лиц; личные письма попадали в печать даже при жизни автора и т. п. Всё это он рассматривает лишь как исключения из общего правила. Однако число таких текстов слишком велико, чтобы считать их исключением, да и провести чёткую границу между частным письмом и другими видами эпистолярных текстов едва ли возможно. Было замечено, в частности, что ещё в античную эпоху письма Платона давали образцы автобиографического рассказа [2, с. 32]; «Письма к Луцилию» Сенеки представляли собой небольшие философско-литературные этюды на различные этические темы [2, с. 81]; письма Плиния Младшего к друзьям отчасти напоминают дневник впечатлений, отчасти посвящены вопросам современной ему литературы, риторики, литературной критики [2, с. 116–122].

Наряду с реальными письмами в поздней греческой прозе появляются фиктивные письма – по сути, эпистолярная беллетристика, однако каноны жанра и риторические требования к письмам соблюдены в них столь строго, что фиктивность их установлена лишь в результате кропотливых исследований содержания, лексики и стиля, выполненных в XIX и XX вв. [2, с. 162–163]. В Древней Греции возникает эпистолярная дидактика и псевдоисторическая эпистолярная литература. Несмотря на то, что письма Сенеки или Плиния Младшего подлинные, сами авторы объединяли их в сборники и подвергали литературной обработке с намерением опубликовать. Исследователь византийской литературы Т. В. Попова пишет, что большинство эпистолярных сочинений этого времени – письма вполне реальных людей, написанные по тому или иному конкретному поводу, тем не менее «ознакомиться с такими письмами предстояло довольно широкому кругу людей, и потому их писали как художественное произведение, соблюдая определенные правила, или законы эпистолярного жанра» [19, с. 181–182]. Универсальность эпистолярной формы, которая давала возможность вложить в неё практически любое содержание, сделала письма тем видом документов, который дал начало самым разным жанрам и видам текстов: от мемуаров и дневников до художественной прозы.

Изначально существовавшая связь между письмом как разновидностью текста и письменностью отражается во взаимосвязи лексико-семантических вариантов, объединённых в русском языке лексемой *письмо*. Выясняя сущность письма как системы начертательных знаков, В. А. Истрин подчёркивает, что важнейшая особенность письменной речи состоит в том, что эта форма коммуникации генетически возникает как дополнительное к звуковой речи средство общения, служащее сначала преимущественно для передачи речи на большие расстояния и для закрепления ее во времени [13, с. 25]. Письмо как вид текста также обеспечивает передачу информации во времени и пространстве: обычно к письмам обращаются в том случае, если коммуниканты разделены расстоянием, исключающим возможность непосредственного общения. В форме письма как послания и как документа речь закрепляется и во времени, когда письмо является официальным документом и фиксирует состояние дел в определённый отрезок времени, а также в тех случаях, когда письмо создаётся в расчёте на то, что оно будет прочитано адресатом позднее.

В рамках одной статьи, естественно, невозможно осветить все проблемы, связанные с эпистолярикой или даже только с одним её аспектом – маркировкой некоторого письменного документа как письма, как эпистолы. Но сам факт отсутствия такой маркировки, отсутствия системы дифференциальных признаков для

самого распространённого вида письменного речевого творчества человека, конечно же, налицо. И если такое понятие, как письменная речь, лингвистами терминологизировано, должны быть, по-видимому, терминологически как-то обозначены и основные виды такой речи, тем более самый, как только что отмечено, распространённый из них – собственно письмо как послание и документ. Пути решения этой проблемы могут быть самыми разными. Но любой из них, как это нам представляется, должен опираться на те или иные формальные параметры эпистолы, к каковым можно, по всей вероятности, отнести:

- индекс времени и места написания письма,
- обращение к адресату,
- этикетную формулу завершения послания,
- данные об адресанте и его подпись в том или ином виде,
- постскрипtum.

Разумеется, любой из указанных параметров и даже все они вместе в каком-то конкретном письме в силу определённых причин могут отсутствовать (это предмет специального исследования). Все эти параметры взаимно обусловлены и зависят от коммуникативного задания текста письма, но в комплексе они детерминируют именно письмо. И если какому-то документу поставлен в соответствие или может быть без нарушения его коммуникативной сущности поставлен в соответствие (хотя бы теоретически) весь комплекс указанных пяти параметров, этот документ, безусловно, является письмом.

Так, в качестве письма можно квалифицировать, скажем, записку, переданную одним студентом другому во время лекций. Она не исключает чего-либо наподобие *аудитория 1209, 13.00; Танюша!; Твой В.*; а также что-нибудь вроде: *Да, забыл сказать, что...* А вот, например, в приказ по университету вряд ли можно включить обращение к какому-то конкретному лицу, и уж заведомо невозможно заключить его словами типа *Ваш покорный слуга* и постскрипtumом. Квалифицировать такой документ и ему подобные в качестве писем не следует.

Указанные параметры письма могут, естественно, быть конкретизированы и дополнены в их сочетаемостных возможностях, но в качестве основных дифференциальных признаков они вполне адекватны.

Библиографические ссылки

1. **Аверинцев С. С.** Введение. Древнегреческая поэтика и мировая литература / С. С. Аверинцев // Поэтика древнегреческой литературы. – М. : Наука, 1981. – С. 3–14.
2. **Античная эпистография** : Очерки. – М. : Наука, 1967. – 286 с.
3. **Артемьева Т. В.** Утешительные письма / Т. В. Артемьева // Фигуры Танатоса. Вып. 3: Тема смерти в духовном опыте человечества: матер. I междунар. конф., С.-Петербург, 2–4 ноября 1993 г. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1993. – С. 77–85.
4. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
5. **Баранов С. Ю.** Популярная проза XVIII века / С. Ю. Баранов // Повести разумные и замысловатые : Популярная проза XVIII века. – М. : Современник, 1989. – С. 3–28.
6. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–296.
7. **Блинохватова В. М.** Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX века (на материале писем) : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19. «Теория языка» / В. М. Блинохватова. – Ставрополь, 2005. – 179 с.
8. **Большая Советская Энциклопедия** (в 30 томах) / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Сов. энцикл., 1975. – Т. 19. – 648 с.
9. **Великий тлумачний словник сучасної української мови** / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.

10. **Деметрий.** О стиле // Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 237–285.
11. **Дёмин А. С.** Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре): автореф. дисс. ... канд. фил. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. С. Дёмин. – Л., 1963.
12. **Зуева О. В.** Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / О. В. Зуева. – Минск, 2009. – 26 с.
13. **Истрин В. А.** Возникновение и развитие письма / В. А. Истрин. – М. : Наука, 1965. – 600 с.
14. **Кабанова Т. Н.** Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (На материале рукописных и опубликованных текстов XX в.): дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. Н. Кабанова. – Челябинск, 2004 – 210 с.
15. **Ковалёва Н. А.** Русское частное письмо XIX века : Коммуникация. Жанр. Речевая структура : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Ковалёва. – М., 2002. – 52 с.
16. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
17. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
18. **Павлик Н. В.** Типологія дискурсивних одиниць в українському епістолярному мовленні : автореф. дисс. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. В. Павлик. – Донецьк, 2005 – 20 с.
19. **Попова Т. В.** Византийская эпистолография / Т. В. Попова // Византийская литература / отв. ред. С. С. Аверинцев. – М. : Наука, 1974. – С. 181–230.
20. **Принципы издания эпистолярных текстов:** Вопросы текстологии. – Вып. 3. / отв. ред. В. С. Нечаева. – М. : Наука, 1964. – 308 с.
21. **Рогинская О. О.** Эпистолярный роман : поэтика жанра и его трансформация в русской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» / О. О. Рогинская. – М., 2002. – 16 с.
22. **Розенталь Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
23. **Руднева С. Ф.** Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста : автореф. дисс. ...канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / С. Ф. Руднева. – Сургут, 2010.
24. **Русский язык:** Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
25. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 3. – М., 1984. – 752 с.
26. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17 т. – Т. 9 / ред. колл.: А. М. Бабкин [и др.]. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – 1482 с.
27. **Сметанин В. А.** Эпистолография: Метод. разработка к спец. семинару для студентов-заочников исторического факультета / В. А. Сметанин. – Свердловск : Изд-во УрГУ им. А. М. Горького, 1970. – 182 с.
28. **Советский энциклопедический словарь** / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 2-е. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 1600 с.
29. **Столярова Л. П.** Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К. : Изд-во ГАРККИ, 2003. – 192 с.
30. **Суровцева Е. В.** Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 50-е годы) : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Е. В. Суровцева. – М., 2006. – 202 с.
31. **Телеки М. М.** Соціальні категорії модусу в текстах епістолярного жанру : монографія / М. М. Телеки, В. Д. Шинкарук. – К.–Миколаїв : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2007. – 172 с.

32. **Тынянов Ю. Н.** Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 255–269.
33. **Фесенко О. П.** Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. П. Фесенко. – Томск, 2009. – 38 с.

Надійшла до редколегії 29.03.11

УДК 811.161.1'367

Н. П. Курмакаева

Донецкий национальный университет

ПОЛЕ БЕЗЛИЧНОСТИ: МОДЕЛЬ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Розглянуто категорію безособовості як польову структуру. Досліджено закономірності заповнення позиції головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності. З'ясовано напрямки розвитку поля безособовості у сучасній російській мові.

Ключові слова: функціонально-граматичне поле, центр, периферія, спеціалізовані / неспеціалізовані репрезентанти.

Рассмотрена категория безличности как полевая структура. Прослежены закономерности заполнения позиции главного члена безличных предложений в связи с действием принципа функциональной эквивалентности. Выявлены направления развития поля безличности в современном русском языке.

Ключевые слова: функционально-грамматическое поле, центр, периферия, специализированные / неспециализированные репрезентанты.

The article deals with the analysis of the category of impersonality as the field structure. The regularities of the completion of the main part of the impersonal sentences position according to the action of functional equivalence have been traced. The directions of the impersonality field development in the modern Russian have been put up.

Keywords: functional-grammar field, centre, periphery, specialized and nonspecialized representations.

Последняя четверть века в русистике ознаменовалась не только продолжением дискуссии о том, есть ли в русском языке категория безличности (КБ) вообще (а если есть, то в чем ее специфика), но и активными поисками «конфигурации» данного феномена в языковом пространстве. С того времени, как в рамках функциональной грамматики началась интенсивная разработка функционально-семантических полей (ФСП), плодотворным стало осмысление безличности как фрагмента одного из лингвистических полей. Так, А. В. Бондарко ее формы относит «к крайней периферии персональности» [7, с. 23]. В. С. Храковский явления демиактивности предлагает рассматривать «как более частное подразделение внутри актива <...> а не между активом и пассивом» [там же, с. 139]. Е. В. Клобуков, анализируя характер соотношения центра и периферии ФСП персональности, выразил сомнение по поводу присутствия безличной формы глагола в сфере личного дейксиса и высказал предположение о том, что «безличные значения в рамках ономазиологически ориентированной грамматики могли бы рассматриваться как основание для выделения особого коммуникативно-прагматического поля» [1, с. 110].

Однако безличность по ряду важных критериев, бесспорно, принадлежит сфере функциональной грамматики и в этом плане небезынтересна как «катего-

рия грамматического мышления» (А. М. Пешковский), отражающая способность языковой личности осмысливать и репрезентировать фрагменты картины мира специфическими средствами – безличными предложениями (БП). БП отмечены абсолютизацией грамматического предиката, полной закрытостью позиции подлежащего, понижением синтаксического ранга субъектной словоформы вплоть до ее полной элиминации. Их характеризует обусловленное дистрибуцией категориальное значение ‘стихийность’, ‘самопроизвольность’, ‘инволютивность’. Существенные различия между личными и безличными образованиями, как известно, лежат в области грамматических различий в оформлении этих конструкций, чем обуславливаются и семантические расхождения. Это особенно заметно в художественной речи при наличии авторских окказиональных БП на фоне их личных коррелятов, например: *Куришь, конечно, бросил – само **бросилось*** (А. Солженицын). И, наоборот, – окказиональных личных на фоне узуальных БП как игру слов участников речевой ситуации: – *Что, **надумалось**? – уколол его Карамышев... – **Надумался**. Когда пожелаешь продолжать следствие, я к вашим услугам* (Н. Гейнце).

Многолетние наблюдения над феноменом безличности дают основание говорить о том, что КБ – объект функциональной грамматики, поскольку сущность категории системно выявляется на функционально-грамматическом уровне, только фокус внимания с триединства «форма – функция – значение» должен быть расширен до четырехмерного подхода: «позиция – форма – функция – значение» [2]. В соответствии с логикой наших рассуждений *целью* данного исследования является воспроизведение полевой модели категории безличности и выявление характера и направленности ее развития. Для этого за рабочее определение безличности принимаем: *безличность* – это грамматикализованное выражение в языковой картине мира явлений действительности как стихийно или самопроизвольно возникающих и протекающих, реализуемое в языке-функции через систему предикатных средств, имеющих дистрибутивную маркированность и неодинаковую степень приспособленности для выполнения функции главного члена БП. Это позволяет рассматривать КБ как самостоятельное поле, базу которого составляют безличные конструкции со всем репрезентационным потенциалом единственной в предложении предикатной позиции.

Для поля, в границах которого можно наиболее полно систематизировать КБ, а соответственно, и БП как способ ее существования в языке и речи, предлагаем рабочее название «функционально-грамматическое поле (ФГП) безличности». Под ним понимается структурированная в соответствии со степенью синтаксической специализации иерархия всех предикатосоставляющих компонентов БП.

В заполнении позиционного состава предложения действует ряд закономерностей. Один из важных – принцип функциональной эквивалентности (В. В. Луцкай [3, с. 23 и далее]), позволяющий разграничивать специализированные словоформы и неспециализированные словесные знаки, т. е. функциональные эквиваленты специализированных. Специализированными словоформами для позиции главного члена БП следует признать безличные формы глаголов, которые при передаче категорий предикативности не нуждаются во вспомогательных средствах. Это центр КБ. Неспециализированными формами (комплексами) для названной позиции являются все нефинитные единицы разной степени сложности, которые нуждаются в безличной форме связочного глагола для подтверждения своей «сказуемости», поскольку они занимают не всю позицию предиката, а присвязочную субпозицию. Они составляют периферию КБ. Такое разграничение дает основания утверждать, что КБ не просто имеет полевую структуру, а отличается специфическим устройством центра и периферии.

Центр включает компактную ядерную и обширную приядерную зону, которую покрывают специализированные для позиции главного члена БП словоформы – безличные формы глаголов (БФГ). Структурная схема представительства центра: $V_{\text{БП}}$. Это базовая модель русского безличного предложения (*Уж совсем рассветло; В окна сильно дует*).

Периферия тоже состоит из двух зон: ближней и дальней. Ближнюю занимают словоформы неполной синтаксической специализации, репрезентанты именной субпозиции: *Всюду (было/будет) насорено / пустынно*, которым не свойственно в современном языке выполнять специализированную функцию. На дальней периферии – формы слов, конструкты (в том числе фразеологизированные) и целые предикативные единицы, используемые узואльно или окказионально в качестве неспециализированных единиц (именной предикат в БП): *Ему не по себе; На войне как на войне; Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись* (М. Пришвин). Структурная схема представительства периферии: $\approx V_{\text{БП}}$, где знак $\approx$ обозначает функциональную эквивалентность неспециализированной словесной формы в специализированной словоформе (см. об этом: [3, с. 22–37]).

Ядро ФГП безличности формируют безличные глаголы с нулевой личной подпарадигмой, монофункциональные и моносемантические: (1) безвалентные (*светает; засентябрило*); (2) одновалентные (*нездоровится; грустится*); (3) двухвалентные (*нет; не хватает*). Развитие ядра маловыраженное: группа (3) статична и не развивается (экзистенциальный подтип): *Его дома не оказалось; Родителей зимой не стало*; группа (1) открыта для немногочисленных новообразований: *В конце января в Европе не на шутку размокропогодило* (ТВ, 2011); группа (2) достаточно активна в расширении за счет постфиксальных новообразований: – *Тё, – сказал он, – а вдруг тебе не заплачется?* (Ф. Искандер); *Надо бы сильнее благоговеть, а благоговется как-то слабо, что ли* (Т. Толстая), реже – беспостфиксных и окказиональных: *...чтобы воды не целлюлозило* (Е. Евтушенко).

Приядерную зону формируют безличные формы глаголов, имеющие личный коррелят. Способность глаголов к развитию наряду с личными безличных форм свидетельствует о подвижности границ приядерной зоны в сторону ее расширения и обогащения. Эти корреляции настолько активны и многочисленны, что вопрос о грамматической категории личности/безличности в русском языкознании ставился и решался чаще на материале глагольных слов, нежели всех остальных (Ф. И. Буслаев; В. И. Классовский; Т. П. Ломтев; А. А. Потебня; А. А. Шахматов и др.). Сформировавшаяся модель БП с соответствующей семантикой втягивает в сферу своего воздействия глаголы самых разных лексико-семантических разрядов, приспособляя их к своей схемной семантике: «(там-то, тогда-то у того-то) таково делается». Следовательно, у приядерной группы самый обширный конструктивно-семантический диапазон и потенциал развития: 1) impersonalia meteorologica: *К утру затучилось* (В. Белов); 2) стихийные явления и процессы в природе и среде, в том числе осмысленные метафорически: *...когда мокрый, чуткий его нос... засургучивало стужей, он [нес] деликатно царапался в дверь* (В. Астафьев); 3) самопроизвольные процессы в организме человека: *Аникеев взял в руки хлеба, хотел откусить, но не мог. Не кусалось и не глоталось* (В. Токарева); 4) неконтролируемые действия и эмоции: *Но я счастлив, как юный жених, И танцует мне и хохочется...* (Л. Филатов) и другие микрополя. Безличные формы глаголов, находясь в отношениях привативной оппозиции с личными, вместе создают ядро общей категории личности/безличности.

С понятием «грамматической периферии» связывают различные отклонения от «прототипической» грамматической категории [5, с. 131], куда вполне впи-

сываются неглагольные предикаты – репрезентанты присвязочной субпозиции, не способные без глагольной связки передавать категорию времени. Они представляют собой негомогенную группу.

На границе глагольных и именных предикатов располагаются причастные предикаты – краткие страдательные причастия среднего рода. Большинство из них категориальную семантику безличности «было/будет таково» приобретают в позиции главного члена БП, т. е. под воздействием схемной семантики. Структурная схема: $Cor_{3s}Part_{кратк.}$ или $\approx V_{f3s}$. В основном, они представляют собой разговорно-просторечные формы от непереходных (реже переходных) глаголов, которые, вероятнее всего, так и останутся за пределами литературного языка, как-то: *В трех водах **топлено**, в трех кровях **купано**, в трех щелоках **варено**. Чище мы чистого* (А. Н. Толстой); *О московских кухнях, где **накурено**, **наругано**, стихов **начитано**, слез **наплакано**, морд **набито** и губ **нацеловано**, – говорит бессмысленно* (Н. Маркина). Впрочем, подгруппа не замкнута и оставляет простор для речевого экспериментирования.

Второй массив ближней периферии – краткие адъективы, выдвинутые в присвязочную субпозицию составного именного главного члена БП со значением состояния природы, среды или человека как результат субъективного восприятия и отображения мира говорящим. Они обнаруживают чрезвычайную активность в структуре БП и легко вписываются в семантическую схему «там-то (тому-то) таково (было/будет)». Не представляет проблемы для узуса расширение границ массива за счет метафорических переносов, в том числе окказиональных: *Мне тихо и **осенне*** (Р. Казакова); *Слева, справа – сплошь **отрава**. Птичка Божия **беспечна**. Вот и люди – слева, справа. **Птично**, вечно, **человечно*** (О. Тарутин).

Границы подзон названного микрополя достаточно четки и зримы. Но они, как показывают примеры, имеют свойство расширяться и за счет действия закона свободного заполнения присвязочной субпозиции предикатного компонента: *Еще **водно**, **рыбно** и **лесно** на Руси* (Л. Леонов); *Было тихо, **месячно*** (В. Шишков); *Было в городе строго и **лыжно*** (Е. Евтушенко).

Наиболее разнородная, плохо структурированная и по-разному развивающаяся часть КБ – дальняя периферия. Ее можно рассматривать в пределах двух массивов: субстантивного и смешанного – наречного и комплексного.

1) Субстантивная подгруппа.

Внутреннее семантическое пространство присвязочной части предиката БП обнаруживает достаточную емкость и способность втягивать в выражение самопроизвольных состояний человека или среды субстантивные словоформы некоторых предложно-падежных образований. С точки зрения морфолого-синтаксического принципа представления структурных схем их можно символизировать следующим образом: *Ни N_2* (*Ни облачка на небе*); *Не до N_2* (*Не до шутки*); *Не без N_2* (*В семье не без урода*); *(Не) как у N_2* (*У него не как у всех*); *(Не) к N_3* (*Уж к полудню было*); *(Не) по N_3* (*Нам не по пути; Ей не по себе*) и др., а с точки зрения функционально-синтаксического принципа представления структурных схем их можно подвести под общую схему: $\approx V_{f3s}$, поскольку предикатный компонент, зафиксированный в приведенных моделях, является неспециализированным репрезентантом в позиции главного члена БП.

Структурная схема *Ни N_2* как модель эллиптического типа является дериватом схемы $V_{f3s} neg$ *ни N_2* через регулярный эллипсис отрицательного экзистенциального безличного предиката: *В доме нет ни соринки* → *В доме ни соринки*. Опускание экзистенциальной глагольной словоформы не только не меняет значения предложения, но и не создает смысловой неполноты. Предложения типа *Ни звука* продолжают квалифицировать по-разному: либо как разновидность БП

(В. В. Бабайцева, Н. С. Валгина, О. Б. Сиротинина и др.), либо как самостоятельную разновидность односоставных именных предложений – генитивные отрицательные предложения (П. А. Лекант, В. В. Лушай), либо рассматривают в качестве исходной структурной схемы (см. Русскую грамматику [т. 2, с. 342]). Ю. С. Степанов отвергает всякую связь между названными моделями и усматривает в ряду *Ни души*, *Не было ни души*, *Не будет ни души* «всего лишь межсхемные, т. е. с точки зрения структуры предиката – второстепенные, а подчас и случайные отношения (случайные оппозиции)» [6, с. 262]. Однако не видеть никакой связи между предложениями *Нет ни души* и *Ни души* нелогично: и синтаксически, и семантически они родственны. Регулярный эллипсис полнозначного глагола обусловил переходность на уровне ЧП: бывший второстепенный член предложения (*Ни + генитив*) выдвинулся в присвязочную позицию главного члена БП, объектная функция сменилась признаковой; генитивная словоформа с отрицанием стала обозначать состояние: *ни души* = пусто; *ни гроша* = безденежно; *ни соринки* = чисто и т. п. Модель достаточно активна в разговорной речи.

Структурная схема (*не*) до N_2 с точки зрения лексического наполнения компонента N_2 практически безгранична, а само наполнение диктуют экстралингвистические условия коммуникации: *Не до свержприбылей* было, когда давили налогами (из беседы); *А потом им будет уже не до электората* (ТВ, 2009).

Структурная схема Adv_{loc} (*не*) без N_2 менее емкая и включает исчислимое количество субстантивов в позиции N_2 : *В нашем овраге без перемен* (В. Некрасов). Вариант с отрицательной частицей *не* освоен языком активнее, на его базе сформировались пословично-поговорочные высказывания: *В семье не без урода*; *В мире не без добрых людей*; *У хлеба не без крох*; *В политике не без грязи* (М. Леонтьев).

Предложения типа *Уже к сумеркам было...* (А. Солженицын) модели (*Не*) к N_3 с общей семантикой наличия определенного темпорального состояния бытия позволяют в предикативный субстантивный компонент включать имена существительные в дательном падеже с предлогом *к* со значением временного отрезка суток: *к ночи*, *к вечеру*, *к утру*, *к рассвету*, *к полудню* и др., например: *А вот как будет к обеду, так и приступим* (ТВ); или со значением времен года: *к весне*, *к лету*, *к осени*, *к зиме* и др., например: *А уже к предлетью, когда выравниваются деньки...* (Е. Носов); или со значением приблизительного времени по часам: *Уже к двенадцати было, когда сошел в садик...* (И. Шмелев).

Структурная схема (*Не*) по N_3 практически закрыта: *не по себе*; (*не*) по пути и вариант: (*не*) по дороге.

Структурная схема Adv_{loc} (*У* N_2) как у N_2 (в N_6) имеет ряд речевых реализаций со сравнительным оборотом в присвязочной субпозиции: *Неужели между мужчиной и женщиной как на вечной войне* (А. Солженицын); *У них как у Христа за пазухой* (Ч. Абдуллаев); *В воре что в море, а в дураке что в пресном молоке* (погов.) (ср. синонимичную пословицу: *С вором опасно, а с дураком скучно*). Сравнительный союз может быть имплицитным: *Близ царя – близ смерти*.

Неразвивающуюся подгруппу составляют БП с предикатами-номинативами: *А теперь пора нам в море* (А. Пушкин); *Не время для ссор* (В. Астафьев); *Ей не сахар со мной* (А. Чехов); *В партизанах тоже не мед* (В. Быков).

2) Наречная и комплексная подгруппы.

В субпозицию присвязочной части главного члена БП свойственно встраиваться некоторым семантическим подтипам качественно-обстоятельствных групп наречий: *А меж тем сказке – далеко до развязки!* (Л. Филатов); *У них ведь не по-вашему, строго* (П. Бажов); *Здесь стало по-другому* (С. Довлатов). Иногда к ней приспосабливаются эквиваленты фразеологического типа: *Мне все равно*;

От господского дома до завода рукой подать (Д. Мамин-Сибиряк); *А чеченцам хоть бы что...* (Т. Толстая), значительно реже – целые предикативные единицы: *Среди звуков стога, рычання, ворчання, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребенок; Встал рано, вскоре после восхода солнца, но было, как будто кто-то заботливый и добрый встал еще раньше меня и перед самым восходом солнца полил всю землю и все цветы и листья теплым дождем; Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись...* Примеры предикативных единиц – функциональных эквивалентов специализированных словоформ для позиции главного члена БП нами обнаружены в прозе М. М. Пришвина, что, возможно, является одной из черт его идиостиля.

Таким образом, зона дальней периферии функционально-грамматического поля безличности занята словесными знаками разной природы и разной степени сложности. Их многообразие и разнохарактерность свидетельствуют о тенденции к расширению и развитию как репрезентационных возможностей присвязочной субпозиции главного члена БП, так и семантического пространства позиции в пределах общего значения безличности и единой структурной схемы.

В результате применения функционально-грамматического подхода к категории безличности удалось не только выявить ее полевою структуру с четко выраженным центром и разнородной, размытой периферией, но и зафиксировать тенденции и перспективы расширения и обогащения различных зон и микрополей данного поля. Наше исследование еще раз подтверждает мысли тех ученых, которые высказывались о безличности как о развивающемся в русском языке явлении, хотя развитие идет неоднородно и требует дальнейшего наблюдения.

Библиографические ссылки

1. **Клобуков Е. В.** О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е. В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М. : Индрик, 2001. – С. 107–118.
2. **Курмакаєва Н. П.** Закономірності заповнення позиції головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. П. Курмакаєва. – Д., 2010. – 20 с.
3. **Лушай В. В.** Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности : интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Лушай – Донецк : ДонНУ, 2010. – 255 с.
4. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 8-е. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
5. **Плунгян В. А.** Общая морфология : Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
6. **Степанов Ю. С.** Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
7. **Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость** / А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина и др. – СПб. : Наука, 1991. – 370 с.

Надійшла до редколегії 01.04.11

УДК 81.23

Е. Л. Ляпичева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОБ ОДНОМ МЕТОДЕ ОБУЧЕНИЯ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИИ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ЕЁ ИЗУЧЕНИЮ

На прикладі комунікативної ситуації з роману сучасного французького письменника Е.-Е. Шмітта «Євангеліє від Пилата» розглянуто ключові поняття теорії комунікації: закони спілкування; стратегії тих, хто спілкується; комунікативна компетенція мовців.

Ключові слова: закони, стратегії та тактики спілкування; комунікативна компетенція мовців.

На примере коммуникативной ситуации из романа современного французского писателя Э.-Э. Шмитта «Евангелие от Пилата» рассмотрены ключевые понятия теории коммуникации: законы общения; стратегии и коммуникативная компетенция говорящих.

Ключевые слова: законы, стратегии и тактики общения; коммуникативная компетенция говорящих.

In the article the key concepts of the theory of communication (the laws and strategies of communication, speakers' communicative knowledge) are considered by the examples of the communicative situation from the modern French writer E.-E. Schmitt's novel «The Gospel from Pilate».

Keywords: the laws, strategies and tactics of communication, speaker's communicative knowledge.

Относительно недавно в списке вузовских дисциплин, изучаемых будущими филологами, появился предмет «Основы теории речевой коммуникации». Его появление – свидетельство осознания обществом потребности в гармоничном общении. Специалисты в области создания и внедрения новой техники считают, что сама техническая идея только на 20 % обеспечивает успех новой разработки. 80 % успеха зависит от общения: следует довести новую идею до специалистов, убедить их, что она является новой и эффективной, получить разрешение на апробацию, найти желающих принять участие во внедрении, «протолкнуть» в реализацию, используя рекламу и т. д. [1, с. 27]. Ф. С. Бацевич отмечает, что во второй половине XX в. характер общения существенно изменился. Это произошло под влиянием научно-технического прогресса [1, с. 45]. Однако И. Стернин считает важнейшей причиной этих изменений персонификацию личности – осознание человеком своей индивидуальной неповторимости, непохожести на других людей [7; 8]. Персонификация личности влечёт за собой как положительные, так и отрицательные следствия. К последним относятся сокращение времени общения с родственниками и друзьями и соответственно увеличение времени работы; сокращение длительного глубокого общения, во время которого партнёры по речи могут использовать развёрнутые монологи; увеличение сугубо информационного общения, лишённого духовной составляющей; рост эмоциональности общения; снижение культуры письменного общения. В связи с этим всё более возрастает потребность в гармоничном общении как средстве решения разногласий, в возвращении к духовным истокам коммуникации.

К новым и актуальным проблемам теории коммуникации относятся изучение законов и стратегий общения, а также коммуникативной компетенции говорящих. Законы, правила и конвенции общения исследовали американские учёные М. Аргайл, А. Фэнхем, Дж.-А. Грэхем, Г.-П. Грайс, Дж. Лич, Д. Карнеги и др. [1].

Американским логиком Г.-П. Грайсом был выдвинут принцип кооперации в общении, реализующийся в правилах полноты, качества, релевантности информации, в правилах манеры, открытости, мотивированности и др. Американский прагматик Дж. Лич открыл принцип вежливости, заключающийся в выполнении правил тактичности, великодушия, похвалы, скромности, согласия, симпатии.

Серьёзный вклад в разработку вопроса о законах коммуникации внёс российский учёный И. А. Стернин [7, 8], выдвинувший около 20 законов коммуникации – наиболее общих нежёстких тенденций общения. Среди этих законов закон зеркального развития общения, закон зависимости эффективности общения от коммуникативных усилий, закон снижения уровня интеллекта аудитории с увеличением её численности, закон искажения информации, законы речевого усиления и поглощения эмоций, закон эмоционального угнетения логики и т. д.

Стратегии общения описывались И. Н. Гореловым, К. Ф. Седовым [3], М. Е. Литваком [5]. И. Н. Горелов, К. Ф. Седов выделяли коммуникативные стратегии языковых личностей в конфликтных ситуациях на основе особенностей аффективного их поведения, используемых для снятия фрустрации. К таким стратегиям относятся инвективная (разрядка в виде ругани, брани), куртуазная (этикетное поведение, плач) и рационально-эвристическая (использование здравого смысла и смеха).

Коммуникативную компетенцию говорящих исследовали Э. Берн [2], И. Н. Горелов, К. Ф. Седов [3], В. И. Карасик [4]. Э. Берн, описывая статусно-ролевое взаимодействие людей в терминах Я-состояний: РОДИТЕЛЬ, ВЗРОСЛЫЙ, ДИТЯ, затронул проблему языковой компетенции. Люди, для которых типичными являются ипостаси РОДИТЕЛЬ и ДИТЯ, не являются зрелыми коммуникативными личностями. Их компетенция должна расширяться за счёт перехода на позицию ВЗРОСЛОГО. И. Н. Горелов и К. Ф. Седов предлагают измерять уровни коммуникативной компетенции типом доминирующей установки по отношению к другому участнику общения. На этой основе выделяются конфликтный, центрированный и кооперативный уровни коммуникативной компетенции.

Как видим, накоплен богатый и интересный материал о законах и стратегиях общения, о коммуникативной компетенции говорящих. Вместе с тем важно донести эти сведения до будущих филологов в интересной для них форме и помочь им освоить их практически. Для этого необходимо разработать активные формы освоения новой информации. В связи с этим мы предлагаем такую форму работы со студентами, как наблюдение над новыми параметрами общения, отражаемыми в современных художественных текстах.

Цель нашей статьи – продемонстрировать методику анализа коммуникативной ситуации, отражённой в художественном тексте, с целью обучения студентов ключевым категориям коммуникации. В связи с этим мы решаем следующие задачи: 1) выявление ключевых понятий теории коммуникации, актуальных для нашего времени; 2) поиск отрывка из современных художественных текстов, содержащих примеры интересной эффективной и правдивой коммуникации; 3) описание законов общения, проявляющихся в исследуемом отрывке; 4) выявление стратегий общения говорящих, имеющих место в тексте; доказательство их наличия; 5) определение типа коммуникативной компетенции говорящих.

Как уже было сказано ранее, новыми и актуальными понятиями теории коммуникации, на наш взгляд, являются законы общения, стратегии и коммуникативная компетенция говорящих. Мы относим эти категории к ключевым, так как сегодня в обществе, особенно на постсоветском пространстве, существует острая необходимость в гармонизации общения. Это продиктовано, прежде всего, ломкой социально-экономических отношений, когда бывший советский человек

оказался в ситуации, когда он самостоятельно должен искать источники своего дохода. Потребность в гармонизации общения вызвана быстрым развитием бизнеса, процессами мировой интеграции и глобализации. В данных условиях понимание говорящими наиболее общих нежестких тенденций, характерных для любой сферы общения (законы); оптимальной реализации намерений говорящего по достижению конкретной цели за счёт контроля и выбора ходов общения, их гибкого видоизменения (стратегия); а также совокупности стратегий, тактик, правил, которыми владеет говорящий (коммуникативная компетенция), являются наиболее значимыми для гармонизации общения.

На лекционных и практических занятиях по теории коммуникации преподаватели и студенты нуждаются в ярких примерах, помогающих раскрыть эти ключевые понятия. К таким примерам можно отнести естественное общение либо моделирование такого общения в художественном тексте. Интересные примеры коммуникации можно найти в романе французского писателя Э.-Э. Шмитта «Евангелие от Пилата» [9]. В прологе к роману под названием «Исповедь приговорённого к смерти в вечер ареста» в художественной форме излагаются евангельские события, по сути, сделана попытка показать жизнь Иисуса Христа изнутри, с помощью его собственной исповеди. В данном прологе содержится интересная коммуникативная ситуация – разговор Иисуса с фарисеями, пытавшимися уличить его в несоблюдении Закона Израиля [9, с. 53–56].

Рассмотрим законы общения, отражённые в данном отрывке художественного текста. Фарисеи используют в общении закон речевого усиления эмоций. Он заключается в том, что эмоциональные выкрики усиливают переживаемую эмоцию. *«Шлюха! Потаскуха! Блудница!»* – кричали они, волоча к Иисусу женщину, совершившую прелюбодеяние. Позже они вместе с толпой вопили: *«Прикончим её! Побьём её камнями! Слышишь, назарянин! Мы прикончим её на твоих глазах!»*

Для фарисеев характерно и использование закона эмоционального заражения. Он состоит в том, что люди, находящиеся в одинаковом эмоциональном состоянии, стремятся объединиться в группу, возбуждённые люди создают толпу. Фарисеи организуют такую толпу, собираясь забить несчастную женщину камнями на глазах Иисуса.

Фарисеи также используют в корыстных целях закон снижения уровня интеллекта аудитории с увеличением её численности. Этот закон заключается в том, что в толпе человек хуже мыслит логически, снижается критичность его восприятия, усиливаются эмоциональные реакции, человек становится более доверчивым и легче поддаётся влиянию окружения. Фарисеям выгоден этот закон общения, потому что они могут сыграть на низких чувствах толпы, увлечённой расправой над блудницей. Это доказывают слова *«они тащили её для ярмарочного развлечения»*.

Иисус в общении с фарисеями использует законы эмоционального угнетения логики, речевого поглощения эмоций и зеркального развития общения. Закон эмоционального угнетения логики состоит в том, что в эмоциональном состоянии человек утрачивает логичность и аргументированность речи. Из-за доминирования роли правого полушария работа левого полушария, отвечающего за логику, понимание и порождение речи, угнетается. Поэтому возбуждённого человека бессмысленно переубеждать, с ним следует общаться спокойно, демонстративно соглашаться, снижая уровень возбуждения, чтобы потом задействовать логику. Иисус с самого начала конфликта избрал неожиданную для фарисеев тактику. Он *«присел на корточки и принялся рисовать на песке»*. Это обескуражило фарисеев и дало Иисусу несколько мгновений на размышления. В исповеди Иисус говорит об

этом: *«Я дал им выблевать свою ненависть, опустошит запасы злобы, я расчищал поле битвы».*

Закон речевого поглощения эмоций, используемый Иисусом, заключается в том, что в случае последовательного вдумчивого рассказа о переживаемой эмоции она постепенно поглощается речью и исчезает. Иисус мастерски использует этот закон, когда после выброса ими агрессии, адресует фарисеям неожиданное предложение: *«Кто из вас без греха, первый брось в неё камень».* Он переводит общение в русло самонаблюдения, в русло рационального осмысления происходящего.

Наконец, закон зеркального развития общения, заключающийся в том, что собеседники в процессе общения имитируют стиль друг друга, используется Иисусом, когда он обличает фарисеев в греховности, причем делает это, прямо заявляя о своей непримиримости. Он говорит о себе: *«Я в упор смотрел на каждого по очереди, во взгляде моём не было любви, мои глаза горели яростью, потрясшей их жестокие сердца».*

Рассмотрим стратегии говорящих, использованные в данной коммуникативной ситуации. По И. Н. Горелову и К. Ф. Седову, типичными стратегиями говорящих в условиях конфликта являются инвективная (прямое выражение агрессии в форме брани), куртуазная (изысканно-этикетное общение, крайним проявлением которого является плач) и рационально-эвристическая (поиск и использование здравого смысла в решении конфликтной ситуации, проявлением такого общения является использование юмора). В рассматриваемой конфликтной ситуации фарисеи представляют инвективную стратегию (брань фарисеев), в частности тактику угрозы (*«Странная сцена: они угрожали мне, а не ей. Они угрожали мне её смертью»*), а Иисус – рационально-эвристическую (перевод конфликтного общения с толпой фарисеев из эмоционального русла в рациональное, постановка озлоблённому юноше неожиданной фразы *«Ты уверен, что ни разу не согрешил? Я люблю тебя, даже если ты согрешил»*).

Конфликтный, центрированный и кооперативный уровни коммуникативной компетенции тоже могут быть практически рассмотрены на примере данной коммуникативной ситуации. Для фарисеев характерен конфликтный тип компетенции. Он демонстрирует установку говорящего против партнёра по коммуникации, стремление самоутвердиться за счёт собеседника. Данный тип имеет два подтипа: конфликтно-агрессивный и конфликтно-манипуляторский. Первый подтип характеризуется демонстрацией агрессии, враждебности. Представитель такого подтипа провоцирует собеседника к столкновению, доставляет ему моральный дискомфорт. Агрессия может проявляться и в тактике прямого оскорбления, и в виде намёка, и в виде коммуникативного саботажа, когда на поставленный вопрос отвечают вопросом. Конфликтно-манипуляторский подтип характеризуется тем, что говорящий видит в собеседнике объект манипуляции. Представитель такого подтипа не испытывает уважения к партнёру по речи, преувеличивает авторитетность своего жизненного опыта. Он поучает, советует, диктует, а также бесцеремонно перебивает собеседника. Оба подтипа характеризуют ущербную социально-психологическую личность. Фарисеи в начале рассматриваемой коммуникативной ситуации представляют конфликтно-агрессивный уровень коммуникативной компетенции. Об этом свидетельствуют приведённые ранее бранные восклицания в адрес согрешившей женщины. Во время развития конфликта они прибегают и к репликам манипулятивного характера: *«Прикончим её! Побьём её камнями! Слышишь, назареянин! Мы прикончим её на твоих глазах!»*. Здесь можно наблюдать стремление фарисеев вызвать эмоциональное возбуждение со стороны Иисуса самыми жестокими и грубыми способами.

Коммуникативное поведение Иисуса Христа в данной ситуации можно отнести к поведению представителя кооперативного уровня компетенции в общении. Кооперативный тип отличается доминирующей установкой в общении на партнёра по коммуникации. Кооперативно-конформный подтип характеризуется демонстрацией согласия с точкой зрения собеседника, которую говорящий на самом деле не разделяет. Это происходит вследствие боязни конфликта, конфронтации. Кооперативно-актуализаторский подтип речевого поведения характеризуется стремлением принять точку зрения собеседника, посмотреть на мир его глазами. При этом говорящий ориентируется не только на партнёра, но и на себя. Это высший уровень коммуникативной компетенции человека. Кооперативный актуализатор не обязательно должен во всём соглашаться с собеседником. Иногда его действия могут напоминать действия манипулятора или агрессора. Однако он уважает партнёра и сопереживает его проблемам. Именно такое поведение демонстрирует Иисус в анализируемой коммуникативной ситуации. Яростно обвиняя стариков и молодых в сексуальных грехах, Иисус способствует росту их самосознания. Поэтому старики первыми бросают камни на землю и отворачиваются. Позже молодые опускают глаза и отступают. Говоря о своей любви к самому ожесточённому юноше, Иисус не просто хочет обескуражить парня, он говорит правду, потому что только любовь, по его мнению, может повлиять на человека существенно. Он не осуждал и блудницу за её грех, говоря и ей, что любит её, и прося больше не грешить.

В результате нашего анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Ключевыми понятиями теории коммуникации являются законы и стратегии общения, а также коммуникативная компетенция говорящих.

2. Интересным примером эффективной и правдивой коммуникации является конфликтная ситуация, возникшая между фарисеями и Иисусом Христом и описанная в романе современного французского автора Э.-Э. Шмитта «Евангелие от Пилата».

3. В общении фарисеев прослеживаются законы речевого усиления эмоций, эмоционального заражения, снижения уровня интеллекта аудитории с увеличением её численности. В общении Иисуса проявляются законы эмоционального угнетения логики, речевого поглощения эмоций и зеркального развития общения.

4. В рассматриваемой конфликтной ситуации фарисеи представляют инвективную стратегию, в частности тактику угрозы, а Иисус – рационально-эвристическую (тактика перевода конфликтного общения из эмоционального русла в рациональное).

5. Для фарисеев характерен конфликтный тип компетенции, в двух его подтипах: конфликтно-агрессивном и конфликтно-манипуляторском. Иисус владеет кооперативным уровнем коммуникативной компетенции в его кооперативно-актуализаторской разновидности.

Перспективами изучения лингводидактических основ теории коммуникации является поиск новых интересных источников, содержащих коммуникативные ситуации. Это должны быть, главным образом, тексты современных авторов, передающие современный характер общения. К интересным направлениям изучения методики преподавания теории коммуникации можно отнести и текстовое рассмотрение других категорий коммуникации: пресуппозиций, условий общения, адресата и адресанта речи, коммуникативной и социальной ролей говорящих, гендерных аспектов общения; этнических стереотипов, символики, предубеждений, табу, этикета и других категорий межкультурной коммуникации.

Библиографические ссылки

1. **Бацевич Ф. С.** Основы коммуникативной лингвистики : підручник / Ф. С. Бацевич. – К. : Академія, 2004. – 344 с.
2. **Берн Э.** Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – СПб., 1994.
3. **Горелов И. Н.** Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.
4. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : «Гнозис», 2004. – 379 с.
5. **Литвак М. Е.** Психологическое айкидо : учеб. пособие / М. Е. Литвак. – Изд. 7. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007.
6. **Семенюк О.** Основы теорії мовної комунікації : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / О. А. Семенюк, В. М. Парашук. – К. : Ін Юре, 2009. – 276 с.
7. **Стернин И. А.** Анализ коммуникативных ситуаций / И. А. Стернин. – Воронеж, 1998.
8. **Стернин И. А.** Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001.
9. **Шмитт Э.-Э.** Евангелие от Пилата : роман / Э.-Э. Шмитт. – [пер. с франц. А. Григорьева]. – СПб. : «Азбука – классика», 2010. – 256 с.
10. **Яшенкова О. В.** Основы теорії мовної комунікації : навч. посіб. / О. В. Яшенкова. – К. : ВЦ «Академія», 2010. – 312 с.

Надійшла до редколегії 15.01.11

УДК 811. 161.1'373.611

А. В. Мамрак

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ИНТУИЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Визначено місце інтуїції та категоризації в пізнавальній словотвірній діяльності людини, їхні зв'язки з такими поняттями, як інтроспекція, свідомість, мислення.

Ключові слова: словотвірна методологічна парадигма, мова, перцепція, апперцепція, інтуїція, інтроспекція, свідомість, мислення.

Определено место интуиции и категоризации в познавательной словообразовательной деятельности человека, их связи с такими понятиями, как интроспекция, сознание, мышление.

Ключевые слова: словообразовательная методологическая парадигма, язык, перцепция, апперцепция, интуиция, интроспекция, сознание, мышление.

In the article the location of intuition and categorization is determined in cognitive activity of a person, their copulas with such concepts, as introspection, consciousness, thought.

Keywords: word-formation methodological paradigm, language, perception, apperception, intuition, introspection, consciousness, thought.

Когнитивное словообразование, будучи одним из разделов когнитивной лингвистики, изучает вопросы, связанные с состоянием знания, пониманием, интерпретацией словообразовательных явлений. В когнитивной лингвистике функционирование словообразования рассматривается как один из аспектов отображения когнитивной деятельности, а когнитивные структуры сознания исследуются в рамках словообразовательного пространства [15, с. 170–173].

Успешность познавательной способности человека зависит от глубины мыслительной деятельности, от адекватности восприятия мира в сознании через посредство языка – факторов, определяющих степень объективности познания, сужающих пределы субъективной ограниченности познавательной деятельности индивида – интроспекции: интеллектуальная деятельность может осуществляться только на основе логических законов. Интроспективное познание не может не учитывать, что является десигнатом, влияющим на него при сохранении языкового тождества.

Процесс восприятия – перцепции – сопряжен с процессом понимания в единстве познавательного акта, поэтому функционирование языка не ограничивается актом перцепции и интроспекции (см.: В. Дорошевский, А. Вежбицка и др.).

Значение термина «восприятие» (перцепция) обнаруживает делимитативные точки на стыке с термином «понятие», ср.: *восприятие* – «2. Отражение в человеческом сознании действующих в данное время на органы чувств предметов и явлений материального мира, включающих в себя понимание (!) и осмысление (!) их на основе предшествующего опыта» [12, с. 216]; *понятие* – «1. Логически расчлененная мысль, отображающая общие и существенные признаки предметов и явлений действительности. ...2. Представление о чем-либо, осведомленность в чем-либо...» [11, с. 397]. В то же время оба термина объединяются осознанным отношением к предметам и явлениям объективной действительности, т. е. к миру, внешнему относительно субъекта, который постигается путем понимания, осмысления. Такое соотношение восприятия и понятия отмечал уже Декарт, который определял перцепцию как «*operatio intellectus*», подчеркивая, что «чувствовать, воображать и понимать – это только различные способы перцепции». Это высказывание Декарта сопоставимо известному афоризму Этихарма: «Разум видит, и разум слышит» (Цит. по: [5, с. 81]).

Понимание элементов действительности заключается в установлении их отношений к другим элементам действительности с помощью языка, обладающего специфической функцией расчленения окружающего мира и объединения его объектов в категории. «Слово и понятие, вообще категории языка и категории мышления, формы мысли и содержание мысли, априорное и опытное знание, интуиция и опыт, «наблюдение» и «концепт», вообще психическое и логическое – все эти дихотомии, выдвинутые с разных точек зрения и в разные эпохи, пересекаются в проблеме категорий, составляя ее сложное современное содержание», – утверждает Ю. С. Степанов [14, с. 36].

Характер постановки проблемы находится в соответствии с пониманием категории как наивысшего уровня обобщения, которое осуществляется в трех аспектах – восприятия (перцепции), мышления и языка. Такое понимание категории не противоречит ее традиционной интерпретации, согласно которой сущность категории заключается в отражении и обобщении предметов и явлений объективной действительности. На разных этапах развития лингвистики приоритетность отдается одному из аспектов исследования, ср.: язык и мышление (структурализм), язык и сознание (когнитивная лингвистика), язык и перцепция, язык и апперцепция, язык и интродукция, язык и интуиция (психолингвистика) и т. п.

В последнее время интерес к проблемам перцепции, интроспекции (психологии) языка приобретает характер максимы, правила, нормы лингвистического поведения, когда логические принципы исследования языка считаются заслуживающими всяческого порицания на том основании, что они в силу абстракции слишком далеки от естественного состояния языка (см. В. А. Звегинцев, Г. Г. Почепцов и др.).

Между тем амплитуда семантического содержания имени зависит от опыта говорящих (!) людей, основанного на осознанном наблюдении – апперцепции. Апперцепция отражает зависимость восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания духовной жизни человека. В отличие от «бессознательных» перцепций (восприятий), апперцепция представляет осознанное восприятие [13, с. 50] (ср. действие апперцепции, обеспечивающее избирательный характер, обусловленный ассоциативными связями (ср.: *золотая цепочка* и *золотая осень*, где семантика прилагательного *золотая* ассоциируется с признаком «цвет»)).

Знания, основанные на апперцепции, обогащенные прежними интеллектуальными общечеловеческими достижениями, не следует отождествлять с интроспекцией – опытом, основанным на наблюдении внутреннего состояния сознания субъекта, которое имеет, следовательно, черты субъективизма. По определению, «интроспекция – изучение психических процессов (сознания, мышления) самим переживающим эти процессы» [13, с. 204].

Интроспективный анализ – метод, базирующийся на «самонаблюдении, изучении психических процессов на основании субъективного наблюдения собственного сознания, метод, требующий объективного контроля» [13, с. 204]. В работах А. Вежбицкой, вызвавших закономерный интерес широкой научной аудитории, интроспекция рассматривается как этап исследования, мало изученный, а потому требующий времени для обоснования места в современной научной парадигме. Однако цель метода – моделирование собственной лингвистической интуиции (!) представляется началом пути исследования, «исходным пунктом», а не завершающим этапом, «пунктом назначения», что подтверждается выдвинутыми аргументами в защиту интроспекции. Предвидя возможные возражения (почему лингвистическая интуиция отдельного лица должна представлять особый интерес или ценность? не лучше ли было бы изучать лингвистическую интуицию носителя языка вообще или «среднего» носителя языка?), А. Вежбицка пытается снять их следующими рассуждениями, воспринимаемыми далеко не однозначно, ср.: «Во-первых, исследователь имеет непосредственный доступ только к собственной интуиции, и лишь на этой основе он может изучать интуицию других людей. Во-вторых, я полагаю, что интуиции разных носителей языка практически совпадают. Таким образом, исследование и описание интуиции отдельного лица равносильно исследованию и описанию всех носителей языка» [3, с. 245].

Такое высказывание, на первый взгляд, не вызывает возражения. Однако возникают вопросы: у всех ли носителей данного языка одинаково развита интуиция? всем ли участникам определенной ситуации интуиция подсказывает выход из создавшегося положения? иначе говоря, все ли носители языка имеют нужную в данный момент интуицию?

В процессе речевой деятельности языковой материал может быть использован как стандарт не только для восприятия, хранения и передачи информации, но и для отображения и структурирования объективной действительности.

Ассоциируясь прежде всего с динамикой языка, познавательный речевой акт связан в то же время с представлением о статике, выступающей в качестве равнодействующей всех частных слагаемых, уравнивающих речевую деятельность в процессе познания окружающего мира. Элементами статическими являются системные принципы, «необходимые мысли в качестве опорных точек, как кораблю неподвижные створные знаки, соотношение которых указывает ему путь в порт» [5, с. 10]. Процесс познания в транспонировании на субъектно-объектное взаимодействие образно представлен в высказывании Декарта: «Пространством вселенная меня охватывает и поглощает как точку; мыслью я ее охва-

тываю» [18, с. 32]. По мнению Витольда Дорошевского, «размышление над вопросом, «познаваема ли действительность?», необходимо начать с его уточнения. Следует его дифференцировать, конкретизировать, определять правильные пропорции и посмотреть на него в свете тех размышлений, которые могут возникнуть у любого человека, когда он пытается понять, что такое «я», в чем отличие его «я» от того, что им не является, т. е. как складываются отношения между «я» и «не-я» [5, с. 12], между интроспекцией и сигнификацией.

Известная декартовская максима «*cogito ergo sum*» – «я мыслю, следовательно, я существую» включает в своем содержании и указание на субъект, и на возможность отождествления предикатов «мыслить» и «существовать»: *homo sapiens* – *homo loquens* (человек мыслящий – человек разумный).

Декарт наделял человека такими качествами, как умение отображать, вычленять, представлять, чувствовать, а также понимать (!) и утверждать.

О роли «языка как целого» в познавательной деятельности человека писал В. Гумбольдт: «Для того чтобы человек мог воспринять хотя бы одно слово не как чисто чувственный раздражитель, а как артикулированное звучание, обозначающее некоторое понятие, он должен уже носить в себе язык во всей его полноте и цельности. В языке нет ничего единичного, каждый из его элементов проявляется только как часть некоторого целого» [17; цит. по: 5, с. 53–54].

Дж. Лич, не отрицая возможности использования знаний о языке, полученных путем интроспекции, приходит к выводу о том, что достоверность их определяется не зависимыми от говорящего факторами. Подвергая критике взгляд Н. Хомского на интуицию как на высший показатель объективности семантического описания, он писал: «Доверять субъективным данным так же опасно, как доверять бумажным деньгам: пока надежность этих денег не подвергается сомнению, у нас нет причины обращаться к иным видам валюты. Точно так же и лингвист, если потребуется, должен представить доказательства справедливости сделанных выводов; в противном случае нет никакой гарантии того, что факты, которыми, по его заявлению, он располагает, действительно имеют место» [9, с. 131].

В то же время, хотя роль интуиции в современной лингвистической парадигме ослаблена, по-прежнему от интуиционистской теории остаются актуальными две константы, которые приобретают характер апостериористических доктрин: 1) наличие не содержащихся в опыте элементов восприятия, образующих с результатами опыта единый образ (ср.: «Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [7, с. 105]; 2) обусловленная свойствами ментальности возможность типизации этого образа.

Признание аксиоматических утверждений (ср. определение прямоугольника, прямой линии и т. п.) – один из аргументов апостериористической теории, поддерживаемый идеей возможности мыслительной деятельности в отрыве от языка [1, с. 10–11]. Так, И. Кант, противопоставляя термин «форма содержания» и «материя содержания» (ср.: субстанция содержания / субстанция выражения, форма содержания / форма выражения Л. Ельмслева), писал: «Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его» [7, с. 105].

Не разделяя позиций интуиционистов, Х. Карри предпринимает попытку обобщить черты изначальной интуиции: «(1) это мыслительная деятельность человеческого мозга; (2) она не зависит от языка; (3) интуиционистское построение не нужно связывать с каким-либо языковым выражением, и хотя язык необходим для сообщения результатов, этот язык может дать только несовершенное воспроизведение чистой мысли, которая одна лишь является точной; (4) она не может быть адекватно описана никакими заранее составленными правилами...; (5) она имеет априорный характер – в том смысле, что не зависит от опыта; (6) она имеет объективный характер и одинакова у всех мыслящих существ» [8, с. 30].

Таким образом, из когнитивной парадигмы не исключается возможность обращения к изначальной интуиции как базовой стадии процесса мышления: «Прямолинейное выведение всех свойств из внешнего объекта как раз и приводит зачастую к субъективизму и грубым заблуждениям» [6, с. 79] (ср. теории, отрицающие единство языка и мышления).

Однако трудно предположить, что человеческое наблюдение не ассоциируется с логическими правилами. Выступая против априоризма в языкознании, когда наблюдение (способ первичного отражения или его результат) воспринимается как условие, предшествующее опыту и стоящее вне его, А. Фулье в предисловии к книге А. Гюйо утверждал: «Свойства наших представлений в такой же мере нельзя признать априорными свойствами, априорными законами, априорными интуициями или априорными формами, в какой нельзя признать априорной ту форму, которую волна воды принимает в действительности» [4, с. 39]. Утверждение, что факт осознания категории меняет ее сущность, Ж. Пиаже сопровождает следующими разъяснениями: для ассоцианизма категории являлись бы «результатом повторных ассоциаций, ставших неразрывными» и, следовательно, приобретшими характер автоматизма, фразеологичности. Ж. Пиаже считал совершенно неприемлемой точку зрения на такие «неосознанные структуры», как на суммирование прошлого опыта [10, с. 605].

Взгляд на категорию как на итог многократных повторений опыта отражает этап исторического формирования категорий. Не случайно Фулье предостерегает от опасности принимать наблюдение или постоянный результат наблюдений за условие, которое стоит над опытом [4, с. 8].

Понимание элементов действительности заключается в установлении их отношений к другим элементам действительности с помощью языка, обладающего специфической функцией расчленения окружающего мира (ср. методику дескриптивистов, которые, отталкиваясь от звуковой стороны речи, акцентировали внимание на регулярных семантических признаках, определяемых тождеством смыслового восприятия информанта).

Кроме того, наряду со способностью делать выводы на основании наблюдений, человек может приходить к определенному умозаключению не основываясь на материале личного опыта. Так, в современном русском языке на производстве имен деятеля от глаголов с односложным корнем специализируются имена на =чик и =тель. Отглагольные имена на =чик образуются через посредствующее звено – имена на =к(а) или =ø. Наличие промежуточного имени определяет направление словопроизводственного процесса. Каждая ступень деривации – это деривационный шаг в направлении к образованию слова. Дериват *заемщик* имеет в качестве производящего глагол *занимать*. Словообразовательная цепочка – *занимать* – *занимать* – *заем* – *заемщик*. Потенциально возможное **заниматель* так и остается на уровне потенции, уступив деривату *заемщик*. Наличие посредствующего звена *заем-ø* определило направление словообразовательной валентности исходного глагола. Таким образом, человеку свойственны более сложные формы

получения и переработки информации, чем те, которые он приобретает путем наблюдений и восприятий.

Не только восприятие предметов и явлений материального мира, но и осознание их отношений и связей позволяет перейти от непосредственного чувственного опыта к отвлеченным понятиям, которые лежат в основе рационального, категориального мышления. Как справедливо утверждает Ю. С. Степанов, «слово и понятие, вообще категории языка и категории мышления, формы мысли и содержание мысли, априорное и опытное знание, интуиция и опыт, «наблюдение» и «концепт», вообще психическое и логическое – все эти противопоставления и дихотомии, выдвинутые с разных точек зрения и в разные эпохи, пересекаются в проблеме категорий, составляя ее сложное современное содержание» [14, с. 36].

Сущность категоризации окружающего мира предполагает зависимость процесса отображения от природы отображающей системы. По мнению Ф. Боаса, языки различаются «по группам идей», реализуемых с помощью фонетических единиц. Ограниченное количество фонетических групп, – по утверждению Ф. Боаса, – выражающих отдельные идеи, есть выражение того психологического факта, что множество различных индивидуальных опытов представляется нам в виде представителей одной и той же категории» [2, с. 114]. Предметом научного интереса, следовательно, является прежде всего система категорий отображения мира в языке. Посредствующим звеном перехода от наглядного опыта к отвлеченному выступает сознание. Высшим уровнем абстракции являются отвлеченные категории (апостериорные) – классы, полученные из опыта индивида (ср. аксиомы), и сущностные, обобщенно-рациональные категории.

Л. В. Щерба отмечал: «Нельзя забывать прежде всего о том, что все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции языковым материалом... Под этим аспектом я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [16, с. 114–115].

Таким образом, очевидно, что процедура анализа производного слова должна исходить из непротиворечивого представления диффузии интроспекции и сигнификации.

Библиографические ссылки

1. **Афанасьева-Еренфест Т. А.** Геометрическая интуиция и физический опыт / Т. А. Афанасьева-Еренфест // Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе. – Симферополь, 1928. – Т. 2, отд. 5. – С. 3–14.
2. **Боас Ф.** Введение к «Руководству по языкам американских индейцев» (Извлечения) / Ф. Боас // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 1. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва образования и науки РСФСР, 1960. – С. 114–125.
3. **А. Вежбицка.** Введение. Семантические примитивы / А. Вежбицка // Семиотика: [пер. с англ. В. З. Демьянкова]. – М.: Радуга, 1983. – С. 225–252.
4. **Гюйо М.** Происхождение идеи времени / М. Гюйо; [предисловие А. Фулье]; [пер. с франц.]. – М., 1899. – С. 5–28.
5. **Дорошевский Витольд.** Элементы лексикологии и семантики / Витольд Дорошевский. – М.: Прогресс, 1973. – 285 с.
6. **Дубровский Д. И.** Психические явления и мозг / Д. И. Дубровский. – М., 1971. – 386 с.
7. **Кант И.** Критика чистого разума / И. Кант: соч. в 6-ти т. – М., 1964. – Т. 3. – 544 с.
8. **Карри Х.** Основания математической логики: [пер. с англ.] / Х. Карри. – М., 1969. – 568 с.

9. Лич Дж. Н. К теории и практике семантического эксперимента : [пер. з англ. И. М. Кобозевой] / Дж. Н. Лич. – М. : Прогресс, 1983. – С. 131. – (Новое в лингвистике; вып. XIV. – С. 108–132).
10. Пиаже Ж. Логика и психология / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды; [пер. с франц.]. – М., 1969. – 605 с.
11. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под. ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 4. – 789 с.
12. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под. ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1. – 696 с.
13. Словарь иностранных слов. – 7-е изд. / [научн. ред. Г. С. Спиркин, И. А. Акчурина, Р. С. Карпинская]. – М. : Русский язык, 1979. – 621 с.
14. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
15. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний словник для фахівців з теоретичних гуманітарних дисциплін та гуманітарної інформатики / І. Б. Штерн. – К. : Артк, 1998. – 336 с.
16. Щерба Л. В. О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба. – Известия АН СРСР. Отделение общественных наук. – М., 1931. – 125 с.
17. Humboldt W. Uber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihrem Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. W. Von Humboldt's Gesammelte Werke, 6. Band. – Berlin, 1848. (Цит. по: [5, с. 53–54]).
18. Descartes. Discours de la methode. – Paris, 1960. (Цит. по: [5, с. 285]).

Надійшла до редколегії 14.01.11

УДК 811.112.2'38

Т. И. Манякина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПЕРЕНОСНО-ОБРАЗНЫЕ СУЖДЕНИЯ В АФОРИСТИКЕ М. ФОН ЭБНЕР-ЭШЕНБАХ

Розглянуто прагматистичну специфіку образних афоризмів австрійської письменниці Марії фон Ебнер-Ешенбах.

Ключові слова: переносна образність, засоби переносної образності, тропи, метафора, персоніфікація, прагматична інтенція, експресивний потенціал.

Рассмотрена прагматистическая специфика образных афоризмов австрийской писательницы Марии фон Эбнер-Эшенбах.

Ключевые слова: переносная образность, средства переносной образности, тропы, метафора, персонификация, прагматическая интенция, экспрессивный потенциал.

The pragmatic and stylistic specification of the imaginary aphorisms of the Austrian writer Mary von Ebner-Eschenbah is under consideration.

Keywords: figurative imagery, figurative imagery means, figures of speech, metaphor, personification, pragmathectic intention, expressive potential.

Индивидуально-авторская манера создания образных формулировок в афористике представляет для исследователя неодноплановый интерес, поскольку она не только манифестирует собой один из аспектов авторского стиля, но и одновременно апеллирует к образности как типологическому признаку жанра; кроме того, её рассмотрение предоставляет обширный и яркий материал для тематически ориентированного лингвистического тренинга студентов-филологов.

Исследование афористического творчества австрийской писательницы Марии фон Эбнер-Эшенбах (1830–1916), крупнейшей представительницы этого жанра в немецкоязычной литературе, далеко не исчерпано, в частности, в аспекте лингвостилистики [1; 2]. Этим обуславливается **актуальность** предлагаемого материала.

Предмет данного исследования – формулировки, в которых ведущим фактором реализации жанрово-релевантных признаков афоризма, т. е. краткости, информативной ёмкости и яркости, выступают тропы.

Цель исследования – рассмотреть семантический и функциональный аспекты образности в афористике М. фон Эбнер-Эшенбах.

К средствам переносной образности писательница обращается примерно в каждом десятом из более чем пятисот своих суждений [8]. При этом в большинстве случаев она использует метафоры. Главным образом на данном виде тропов в афористическом творчестве писательницы и будет сосредоточено наше внимание.

М. фон Эбнер-Эшенбах принадлежит к афористам просветительской, умеренно-дидактической направленности [9, с. 280; 11, с. 299].

Тема её суждений – человек в многообразии свойств его натуры. Писательница осмысливает эти свойства, выявляет их суть, оценивает достоинства и недостатки человека, размышляет над чувствами, которые дано ему испытывать, над мотивами его поступков в различных сферах жизни, в частности, в творчестве, открывая новые грани в его натуре, переоценивая общепринятые представления и отвергая многие ходячие истины. Все эти проявления человеческой натуры давно обозначены в языке абстрактными понятиями: добро, зло, сострадание, тщеславие, разум, презрение, добродетель, талант, скупость и многие другие. Поэтому писательница довольно часто обращается к средствам переносной образности для того, чтобы с их помощью приблизить абстрактное, сделать его для читателя зримым, а свои суждения – более яркими и убедительными.

При избранном нами лингвостилистическом ракурсе исследования приобретают определённую значимость теоретико-таксономические сведения о видах тропов, в частности, о видах метафоры. Мы опираемся на традицию, согласно которой различают два главных вида этого тропа: «собственно»-метафору (normale Metapher) и персонификацию (или олицетворение) [10, с. 212–223]. Логико-семантическую основу персонификации составляет, как известно, «наделение животных, предметов, явлений природы и отвлечённых понятий человеческими свойствами» [4, с. 383]. Метафоры, возникающие на всех других ассоциативных основаниях, как то овеществление, анимализация, обобщение и т. п., относятся к виду «собственно»-метафоры [5, с. 222–223].

Примерами афоризмов, содержащих «собственно»-метафоры, могут служить следующие суждения писательницы:

Das Mitleid des Schwächlings ist eine Flamme, die nicht wärmt [8, с. 9]. (Сочувствие слабого – это **пламя, которое не греет**).

Menschenverachtung – ein Panzer, der mit Stacheln gefüttert ist [8, с. 57]. (Презрение к людям – это **панцирь, подбитый шипами**).

In den meisten Fällen ist die Familie für ein junges Talent entweder ein Treibhaus oder ein Löschhorn [8, с. 23]. (В большинстве случаев семья является для юного таланта либо **теплицей, либо гасителем**).

Zwischen Können und Tun liegt ein Meer, und auf seinem Grunde gar oft die gescheiterte Willenskraft [8, с. 27]. (Между «мочь» и «делать» **простирается море, а на его дне весьма часто покоится потерпевшая крушение сила воли**).

Die Wunden, die unserer Eitelkeit geschlagen werden, sind halb geheilt, wenn es uns gelingt, sie zu verbergen [8, с. 48]. (*Раны, наносимые нашему тщеславию, наполовину излечиваются, когда нам удаётся скрыть их*).

Wer von Schaffensfreude spricht, hat höchstens Mücken geboren [8, с. 48]. (*Тот, кто твердит о радостях творчества, в лучшем случае родил комара*).

Wie teuer du deine schöne Illusion auch bezahltest, du hast doch einen guten Handel gemacht [8, с. 55]. (*Как бы дорого ты ни оплачивал свою прекрасную иллюзию, ты всё равно остался в выигрыше* (буквально: совершил хорошую сделку)).

Однако в значительно большем количестве образных суждений М. Эшенбах присутствует персонификация. Это обусловлено, как думается, не только авторской риторической интенцией, но и является также своеобразным отражением мировосприятия писательницы и активности её натуры: окружающий мир и космос человека она видит в постоянном движении, в живых связях. Писательница подсознательно тяготеет к динамичности образов, и персонификация наиболее отвечает этому её устремлению. Приведём несколько характерных примеров:

Der Verstand kann ein Held sein, die Klugheit ist meistens ein Feigling [8, с. 57]. (*Разум может быть героем, благоразумие чаще всего бывает трусом*).

Die Gewohnheit ist langlebiger als die Liebe und überwindet manchmal sogar die Verachtung [8, с. 56]. (*Привычка более живуча, чем любовь и иногда побеждает даже презрение*).

Ein Gedanke kann nicht erwachen, ohne andere zu wecken [8, с. 20]. (*Мысль не может проснуться, не разбудив других мыслей*).

Die Langeweile, die in manchem Buche herrscht, gereicht ihm zum Heil; die Kritik, die schon ihren Speer erhoben hatte, schläft ein, bevor sie ihn geschleudert hat [8, с. 30]. (*Скука, царящая в иной книге, идёт ей на пользу: критика, уже замахнувшаяся на неё мечом, засыпает, не успев нанести удара*).

Die Natur hat leicht verschwenden; auch das scheinbar ganz nutzlos Verstreute fällt zuletzt doch in ihren Schoß [8, с. 33]. (*Природе легко быть расточительной: ведь даже то, что кажется рассыпанным зря, падает, в конце концов, в её лоно*).

Сочетание обоих видов метафоры можно наблюдать в следующем афоризме: *Der Witzling ist der Bettler im Reich der Geister; er lebt von Almosen, die das Glück ihm zuwirft – von Einfällen* [8, с. 45]. (*Остряк – это нищий в царстве умов: он перебивается подачками, которые ему кидает случай – внезапными идеями*). «Собственно»-метафорами в этом афоризме являются понятия Bettler, Reich и Almosen, персонификация – [das Glück] zuwirft.

Рассмотрим ещё одно суждение: *Vorurteil stützt die Throne, Unwissenheit – die Altäre* [8, с. 44]. (*Предрассудок – опора тронов, невежество – опора алтарей*. (Буквально: Предрассудок поддерживает троны, невежество поддерживает алтари)). Здесь наряду с глагольной персонификацией stützen присутствует достаточно редкий в афористике троп – метонимия (требуемая обычно для своей реализации и декодирования более широкого контекста). Она представлена понятиями Throne и Altäre, которые перешли в разряд общеязыковых перифраз, но не утратили яркости (став как бы абсолютными «патетизмами»).

Приведём ещё одно, замечательное по глубине, наблюдение писательницы: *Der Schmerz ist der große Lehrer der Menschen. Unter seinem Hauche entfalten sich die Seelen* [8, с. 18]. (*Страдание – великий учитель. Под его сенью* (букв.: дыханием) *достигают полной зрелости души людей*). В этом суждении мы наблюдаем персонификацию (понятие Lehrer), «собственно»-метафору (глагол sich entfalten – развиваться, расцветать) и своеобразную общеязыковую метонимию (синецдоху:

Seele – душа), которая «анатомически» соотносится как бы с частью человека, но одновременно манифестирует его целиком.

Наряду с рассмотренными выше **частично-образными** формулировками, где образность охватывает часть фразы, у М. Эшенбах есть афоризмы, в которых всё суждение имеет переносный смысл, то есть является метафорой, приложимой, подобно пословице, к различным жизненным ситуациям. Мы называем их полностью образными, или «пословичными» афоризмами [2]. Таковы, например, следующие суждения писательницы:

Auch das kleinste Licht hat sein Atmosphärchen [8, с. 55]. (Даже у самого маленького огонька есть своя атмосфера).

Die Palme bäugt sich, aber nicht der Pfahl [8, с. 39]. (Гнётся пальма, а не столб).

Läufer sind schlechte Geher [8, с. 57]. (Бегуны – плохие ходоки).

Wenn die Nachtigallen aufhören zu schlagen, fangen die Grillen an zu zirpen [8, с. 45]. (Когда умолкают соловьи, начинают трещать цикады).

Во всех приведённых выше афоризмах, частично-образных и «пословичных», суть человеческих чувств и типичных поступков раскрывается писательницей через сопоставление с вполне представимыми предметами и явлениями природы, быта и общественной жизни.

Ощущение доступности образных ассоциаций писательницы подкрепляется ещё некоторыми штрихами её стиля. Так, она может использовать в своих афористических формулировках образную фразеологию разговорной речи. Рассмотрим несколько примеров:

*Unsere Fehler bleiben uns immer treu, unsere guten Eigenschaften **machen** alle Augenblicke **kleine Seitensprünge*** [8, с. 42]. (Наши ошибки верны нам всегда, наши хорошие качества ежеминутно **заводят интрижки на стороне**). Выражение *Seitensprünge machen* буквально означает «делать прыжки в сторону», его основной, т. е. переносный смысл – «заводить любовные шашни на стороне» [7, Bd. 2, S. 342].

*Kein Mensch weiß, was in ihm schlummert und zutage kommt, wenn sein Schicksal anfängt **über den Kopf zu wachsen*** [8, с. 46]. (Ни один человек не знает, что в нём дремлет и может проявиться, если судьба начнёт **выходить из-под его контроля**). Фразеологизм *über den Kopf wachsen* в буквальном переводе означает «вырастать выше головы», употреблён в данном случае в значении «выходить из-под контроля» [7, Bd. 2, S. 737].

*Jeder Mann **hat ein Brett vor dem Kopf** – es kommt auf die Entfernung an* [8, с. 54]. (У каждого есть **своя доска перед головой**, дело лишь в расстоянии до неё). Семантико-стилевое своеобразие этого афоризма состоит в том, что здесь использован фразеологизм *ein Brett vor dem Kopf haben* в его буквальном значении, а не в переносном (которое является основным). Таким образом, суждению была придана форма не прямой передачи мысли, а намёка: фразеологизм *ein Brett vor dem Kopf haben* означает «быть глупым», ср.: *er hat ein Brett vor dem Kopf* = он набитый дурак [7, Bd. 1, S. 289].

Писательница не отвергает порой и сниженную лексику, хотя это не частое явление в её афоризмах. Мы обнаружили два образных суждения, содержащих лексику сниженного стилового регистра: в афоризме «*Die öffentliche Meinung ist die **Dirne** unter den Meinungen*» [8, с. 58] (Общественное мнение – **девка** среди мнений) и в афоризме «*Geistlose Lustigkeit – **Fratze** der Heiterkeit*» [8, с. 48] (Бездуховное веселье – это **гримаса** весёлости; *Fratze* = рожа, гримаса).

С другой же стороны, среди образных афоризмов М. Эшенбах есть формулировки, тяготеющие к книжному, интеллектуальному стилю, когда в качестве

характеризуючого компонента використовуються отвлечённые понятия, абстрактные метафоры. Наприклад:

Liebe ist Qual, Lieblosigkeit ist Tod [8, с. 40]. (Любовь – мучение, нелюбовь – смерть).

Auch die Tugend ist eine Kunst, und auch ihre Anhänger teilen sich in Ausübende und bloße Liebhaber [8, с. 10]. (Добродетель – это тоже искусство, и её приверженцы также делятся на профессиональных исполнителей и просто любителей).

Der Zufall ist in die Schleier gehüllte Notwendigkeit [8, с. 5]. (Случайность – это закутанная в вуаль необходимость).

Wenn wir nur das sehen, was wir zu sehen wünschen, sind wir bei der geistigen Blindheit angelangt [8, с. 37]. (Если мы видим только то, что хотим видеть, значит, мы пришли к духовной слепоте).

Der Mittelmäßige fühlt sich dem Ausgezeichneten gegenüber immer im Zustande der Notwehr [8, с. 59]. (Заурядный человек по отношению к яркой личности всегда пребывает в состоянии необходимой обороны).

Кроме того, в поисках аналогий письменниця звертається к літературним, міфологічним і історическим архетипам, явленням і поняттям (що потребує в наші дні наявності у «широкого» читача певної загальнокультурної освідженості). Характерні в цьому відношенні наступні афоризми:

Die Ambrosia der früheren Jahrhunderte ist das tägliche Brot der späteren [8, с. 31]. (Амброзія більш ранніх віків являється насущним хлебом більш пізніх часів).

So mancher meint ein Don Juan zu sein und ist nur ein Faun [8, с. 43]. (Кое-хто вважає себе донжуаном, а являється всього лише фавном).

An der Manna der Anerkennung lassen wir es uns nicht genügen, uns verlangt nach dem Gifte der Schmeichelei [8, с. 53]. (Ми не додовольствуємося манною призначення, нам хочеться яда лестни).

Bei den Hottentoten ist nicht einmal Napoleon berühmt [8, с. 47]. (У готтентотів навіть Наполеон не знаменитість).

Доступність, в відомих рамках демократичність, афористического стилю М. Ешенбах не означає в те ж час нарочитого упрощення її формулювань, нарочитого обнаження мислі. Як ми могли вже переконатися, метафори в її афоризмах цілком оправдують свою роль засвідства, надаючого мислі яскравість і тим самим посилюючого її вплив. Порівняємо декілька формулювань (з уже процитованих вище) з прямим викладом їх змісту:

1. *Die Wunden, die unserer Eitelkeit geschlagen werden, sind halb geheilt, wenn es uns gelingt, sie zu verbergen* [8, с. 48]. (Рани, наносимые нашему тщеславию, наполовину излечиваются, когда нам удаётся скрыть их).

Трансформація: Старайся не показувати, що твоє самолюб'є уязвлено, – швидше заспокоїшся.

2. *Jeder Mann hat ein Brett vor dem Kopf – es kommt auf die Entfernung an* [8, с. 54]. (У кожного є своя дошка перед головою, справа лише в відстані до неї).

Трансформація: Кожен чоловік в більшій або меншій ступені глуп.

3. *Der Schmerz ist der große Lehrer der Menschen. Unter seinem Hauche entfalten sich die Seelen* [8, с. 18]. (Страдание – великий учитель. Под его сенью достигают полной зрелости души людей).

Трансформація: Страдание корисно: воно формує, розвиває людину.

4. *Menschenverachtung – ein Panzer, der mit Stacheln gefüttert ist* [8, с. 57]. (Презрение к людям – это панцирь, подбитый шипами).

Трансформація: Той, хто презирає інших, страждає сам.

Как видим, декларативно-понятийное изложение сути мыслей, лишённое образного облачения, выглядит плоско и тускло.

По нашему наблюдению, очарование «хороших», в данном случае образных, афоризмов часто заключается именно в том, что они своей непрямой, **описательной** формой изложения заставляют читателя потрудиться, дойти самому до глубинной сути суждения или же до механизма его яркости, что также доставляет интеллектуальное и эстетическое удовольствие. Кроме того, образная форма не только делает мысль ярче, но и затрагивает или вовлекает в свой содержательный ареал такие тонкие и сложные детали связей и отношений, которые не всегда и не сразу поддаются прямому обозначению, а их раскрытие вылилось бы в многословное рассуждение. Поэтому нельзя не согласиться со словами немецкого исследователя этой малой словесно-художественной формы Г. Асемиссена (H. Asemissen) о том, что афоризм говорит больше, чем непосредственно высказывает (Der Aphorismus sagt mehr als ausspricht [6, с. 149]).

Афоризмам присуща большая информативная и экспрессивная нагруженность на единицу текстового пространства по сравнению с произведениями более крупных жанров, поскольку здесь в формировании содержательного плана значительная роль принадлежит за-текстовому фону, а в реализации экспрессивного эффекта участвуют все компоненты вербально-семантического конструкта. Поэтому стилистическая конвергенция, т. е. скопление на небольшом текстовом пространстве нескольких стилистических средств [3, с. 89], является жанрово-релевантным признаком афоризма, и проникновение в глубинный механизм экспрессивности всякого конкретного микротекста связано с выявлением «пучка» факторов логико-семантического и вербального уровней.

Стилистическая конвергенция – неотъемлемый признак афоризмов М. фон Эбнер-Эшенбах, в том числе и рассматриваемых здесь образных формулировок. Проанализируем в этом аспекте несколько предложений писательницы.

Alte Diener sind kleine Tyrannen, an die die große Tyrannin Gewohnheit uns knüpft [8, с. 16]. (Старые слуги – это маленькие тираны, к которым нас привязывает большой тиран – привычка).

Как видим, понятие Tyrann выполняет в этом афоризме оценочную функцию и выступает в первой части суждения в качестве **«собственно»-метафоры**, а во второй – в качестве **персонификации**. Эта реализация в пределах одного тропа двух логико-семантических планов взаимодействует с **двойной антитезой** – здесь имеет место противопоставление по размеру (klein – groß) и по числу (Tyrannen – Tyrannin), – а также с элементом смысловой **парадоксальности**, присущей словосочетанию *kleine Tyrannen*. Таков довольно сложный механизм яркости этого компактного суждения.

Auch die Tugend ist eine Kunst, und auch ihre Anhänger teilen sich in Ausübende und bloße Liebhaber [8, с. 10]. (Добродетель – это тоже искусство, и её приверженцы также делятся на профессиональных исполнителей и просто любителей).

Первая часть этого афоризма представляет собой **дефиницию**, где в качестве «определителя» использована **абстрактная метафора Kunst**. Второй, уточняющей, части афоризма присуща **смысловая двуплановость**. При этом второй смысл можно истолковать также **двойко**: 1) люди делятся на тех, кто творит добро, и тех, кто им пользуется; 2) люди делятся на тех, у кого добродетель является их сущностью, и на тех, кто лицемерит.

Эта смысловая неоднозначность **ретроспективно иррадирует** на понятие «искусство», в котором, наряду с исходным значением «высокое мастерство», начинает просматриваться значение «ловкость, хитрость».

Определённая доля в формировании экспрессивного потенциала этого афоризма принадлежит также **контекстным антонимам** *Ausübende – Liebhaber*, приближенным друг к другу пространственно, но резко противопоставленным семантически.

Смысловая неодноплановость формулировки рождает ещё один семантико-эмоциональный эффект – возникновение лёгкого иронического флёра.

Таким образом, экспрессивный потенциал данного афоризма весьма ёмок и базируется на взаимодействии нескольких логико-семантических и структурных факторов.

И, наконец, ещё одно суждение:

Die Eitelkeit weist jede gesunde Nahrung von sich, lebt ausschließlich von dem Gifte der Schmeichelei und gedeiht dabei in üppiger Fülle [8, с. 18]. (*Тщеславие отклоняет любую здоровую пищу, питается исключительно ядом лести и при этом пышно разрастается*).

Здесь, помимо ведущего средства экспрессивности, **олицетворения**, намерен приём **градации** по возрастающей (перечисляются неразумные поступки тщеславия), которая, однако, завершается неожиданным поворотом мысли (**шлаг-зацем**), перечёркивающим мрачную посылку. Это добавляет в общий тон высказывания оттенок удивления, сочетающегося с иронией. Кроме того, в формулировке использована лексика с предельной семантикой (*jede, ausschließlich*), что придаёт высказыванию характерную для жанра аподиктичность, которая также вносит свою лепту в экспрессивность формулировки.

Подытоживая приведённый в данной статье анализ образных афоризмов М. фон Эбнер-Эшенбах, можно отметить следующее.

Мария фон Эбнер-Эшенбах обращается к образным формулировкам, стремясь к доступности, убедительности и яркости изложения своих взглядов на сущность человеческой натуры в её многообразных психологических, нравственных и акциональных проявлениях.

Ведущим средством переносной образности в афористике писательницы выступает метафора с преобладанием персонификации как её вида, что может отражать не только прагматорическую интенцию писательницы, но и специфику её мироощущения и ассоциативного мышления.

Наряду с традиционными для жанра частично-образными суждениями среди афоризмов М. Эшенбах имеются обобщённо-образные формулировки, свидетельствующие об определённом влиянии на малый литературно-художественный жанр пословичной традиции.

Особенностью большинства метафорических формулировок М. Эшенбах является конкретность, представимость образов, которые черпаются ею из ближайшего предметного окружения обычного человека.

В то же время М. Эшенбах чуждо вульгарное упрощение образного ряда афористических суждений. Она апеллирует к читателям, достаточно информированным в общекультурном аспекте. Поэтому среди её образных ассоциаций присутствуют мифологические, литературные и исторические архетипы и реалии, а также ассоциации отвлечённо-интеллектуального порядка в виде метафор – абстрактных понятий.

Средства переносной образности конвергируют в формулировках М. Эшенбах с разнообразными явлениями логико-семантического и словесно-структурного плана, что обуславливает высокую степень их (суждений) экспрессивной насыщенности.

Анализ текстообразующих и прагматилистических факторов как в содержательном, так и в вербальном аспекте этих словесно-художественных микротек-

стов способен обеспечить насыщенный и в то же время оперативный лингвистический тренинг студентов. Одновременно знакомство с творчеством ведущих афористов страны изучаемого языка дополняет культуроведческую компетенцию будущего специалиста по иностранному (в данном случае немецкому) языку.

Перспективы дальнейшего изучения афористики М. фон Эбнер-Эшенбах мы связываем с исследованием специфики функционирования здесь стилистических средств и фигур, основывающихся на алогизме.

Библиографические ссылки

1. **Манякина Т. И.** Игра слов в афористике Марии фон Эбнер-Эшенбах / Т. И. Манякина // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – Вип. 13. – Д. : ДНУ, 2007. – Т. 1. – С. 204–211.
2. **Манякина Т. И.** Пословичные афоризмы М. фон Эбнер-Эшенбах / Т. И. Манякина // Матеріали III Всеукр. науково-практ. конф. «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України», 20–21 травня 2010 р. – Д., 2010. – С. 43–49.
3. **Риффатер М.** Критерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1980. – С. 69–97.
4. **Словарь иностранных слов.** – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1989. – 624 с.
5. **Тимофеев Л. И.** Основы теории литературы : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – Изд. 5-е, испр. и доп. / Л. И. Тимофеев. – М. : Просвещение, 1976. – 548 с.
6. **Asemissen H. U.** Notizen über den Aphorismus / H. U. Asemissen // Trivium: Schweizerische Vierteljahresschrift. – Zürich, 1949. – Jrg. 7 – Heft 2. – S. 144–161.
7. **Das große deutsch-russische Wörterbuch** / Hrsg. von Prof. Dr. sc. phil. O. I. Moskalskaja. – In 2 Bd. – Moskau : Russische Sprache, 1980. – Bd. 1. – 760 S.; Bd. 2. – 656 S.
8. **Ebner-Eschenbach, M. von.** Aphorismen. / Marie von Ebner-Eschenbach. – München : Winkler-Verlag, 1956. – 62 S.
9. **Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart** / Hrsg. von Kurt Böttcher unter Mitarbeit von Fachwissenschaftlern. – In 2 Bd. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1967. – Bd. 1. – 820 S.
10. **Riesel E.** Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau : Verlag Hochschule, 1975. – S. 212–223.
11. **Simon, Dietrich.** Nachwort zu: Eine ganze Milchstraße von Einfällen. Aphorismen von Lichtenberg bis Raabe / Hrsg. von Dietrich Simon. – Rostock : Hinstorff, 1974. – S. 287–300.

Надійшла до редколегії 11.03.11

УДК 811.161.1'367

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проаналізовано правомірність кваліфікування як складеного дієслівного присудка синтаксичного предиката, до складу якого входять короткий прикметник та залежний від нього інфінітив.

Ключові слова: короткий прикметник, інфінітив, складений присудок, дієслівний присудок, іменний присудок.

Проанализирована правомерность квалификации синтаксического предиката, включающего в себя краткое прилагательное и зависимый от него инфинитив, в качестве составного глагольного сказуемого.

Ключевые слова: краткое прилагательное, инфинитив, составное сказуемое, глагольное сказуемое, именное сказуемое.

The rightfulness of the qualification of syntactic predicate which includes a short Adjective and an Infinitive as a compound verbal predicate is analyzed.

Keywords: short Adjective, Infinitive, compound predicate, verbal predicate, nominal predicate.

Составное сказуемое в большинстве справочных и учебных изданий по русскому языку подразделяется на два основных типа: глагольное составное и именное составное. Есть, правда, в некоторых из этих изданий указание на составное причастное сказуемое типа *Он был забыт* [1, с. 415–416] или, например, на сказуемое наречное: *Брат дома* [6, с. 293]; аналогично в украинском языке: *Ти збоку, ти зайвий* [2, с. 224–225], – что, надо думать, предполагает и наличие соответствующего составного сказуемого с глаголом-связкой: *Брат был/будет дома* и *Ти був/будеш збоку*. Но и в рамках только дихотомии **глагольное/именное** могут возникнуть свои проблемы, когда в состав сказуемого, наряду с собственно связкой или её аналогом, включаются ещё какие-то компоненты: глаголы, существительные, прилагательные – с однозначно не детерминированной их функциональной нагрузкой. Например: *Он был готов учиться* и *Он был готов к учёбе*; *Он был готов начать учиться* и *Он был готов начать учёбу*; *Он был в состоянии попытаться начать ходить учиться танцевать* и *Он был в состоянии попытаться начать ходить учиться танцам*. Во всех приведенных парах предложений в первом из них в качестве сказуемого квалифицируется конструкция с замыкающим её инфинитивом (*был готов учиться*, *был готов начать учиться* и т. д.), во втором – без этого инфинитива (*был готов*, *был готов начать* и т. д.).

Возможны и более сложные (может быть, правда, несколько искусственные) построения состава сказуемого, такие, скажем, как *Он был готов продолжать хотеть пытаться начать ходить учиться умению рассказывать басни*. Возможны и нормативные редукции таких конструкций, причём не только в их левой, но и в правой части: *Он был готов начать ходить* (речь идёт о самом процессе хождения, например, после болезни) или *Он был готов начать ходить учиться* (приступить к учёбе). Квалифицируются такого рода образования, т. е. сказуемые, состоящие из трёх и более компонентов, обычно в качестве сложных сказуемых [5; 6; 9 и др.], которые образуются, как правило, на базе либо составного глагольного, либо составного именного. Вот здесь-то и возникают проблемы, связанные, во-первых, с отнесением базовых моделей составного сказуемого к гла-

гольным или именным, и в частности с тем, какой компонент такого сказуемого следует принимать в качестве ведущего параметра и основного дифференциального признака при определении его типа: содержательный или формальный, – а во-вторых, с квалификацией самого сложного сказуемого в качестве глагольного или именного по последнему, как это обычно принято [9, с. 590], слову. Рассмотрим в указанном плане только одну, но, на наш взгляд, весьма показательную метаязыковую ситуацию, когда в составном, а затем и в образованном на его базе сложном сказуемом функционируют краткие прилагательные типа *рад, готов, намерен* или такие предложно-именные конструкции, как *в состоянии, не в силах* и т. п.

Сказуемое с указанными компонентами можно квалифицировать по-разному и с разной степенью категоричности. По О. Б. Сиротининой, например, – как речевое, включающее в себя весь предикативный признак подлежащего, т. е. всё сопутствующее ему словосочетание, образованное предикативной формой соответствующего глагола [7, с. 62], а в соответствии с концепцией авторов энциклопедии «Русский язык» – как составное, лишь принимающее в свой состав краткие прилагательные, причём независимо от того, глагольное оно или именное [6, с. 293–294]. Однако более, пожалуй, последовательно сказуемое в предложениях типа *Он готов учиться; Он был/будет готов учиться и Он не в состоянии работать; Он не в состоянии был/будет работать* толкуется многими лингвистами как составное глагольное [4; 5; 8; 9; 10 и др.]. Мотивируется такое толкование не только формально, характером последнего слова конструкции (это инфинитив), но и явной семантической недостаточностью предшествующих этому слову компонентов синтаксического предиката (*Он готов... Он не в состоянии ...*).

Формальный аргумент не представляется нам достаточно убедительным, поскольку конструкции рассматриваемого типа, как правило, свободно транспонируются (*Учиться он будет готов осенью и Работать он был не в состоянии из-за своей болезни*). Кроме того, и отнесение замыкающей такую конструкцию лексемы, будь она инфинитивом или каким-то иным парадигматическим классом слов, к собственно сказуемому далеко не всегда очевидно. Так, в предложении *Он был рад поехать учиться в Киев* в собственно сказуемое можно включать, но можно и не включать второй инфинитив, а для фразы *Он был рад поехать на учёбу в Киев* можно, по-видимому, то же самое утверждать относительно слов *на учёбу*, так как, с одной стороны, вполне нормативна и завершена семантически конструкция *Он был рад поехать в Киев*, с другой же стороны, не может функционировать в качестве самостоятельной коммуникативной единицы предложение *Он был рад поехать*.

Что касается второго аргумента, то такие понятия, как семантическая недостаточность и незамкнутая валентность, объективно связываются не только с составным сказуемым, но и с простым (*Он прочитал ...; Это зависит ...; Она увлекается ...* и т. п.), а равно и с другими членами предложения, в том числе и фразеологизированными. Например: *Со мной в номере жил /очень интересный/ человек; Мы не ожидали /такой/ погоды; Имеющие /академзадолженность / студенты к занятиям не допускаются; Нам нужен, как говорится, мастер на /все/ руки* и т. п. Без указанных в косых скобках распространителей самых разных членов предложения приведенные высказывания семантически недостаточны, однако сама по себе эта недостаточность на синтаксический статус распространяемых компонентов и их позиционную квалификацию существенного влияния не оказывает. Думается поэтому, что ведущими дифференциальными признаками, определяющими тип составного сказуемого, должны всё же быть прежде всего его формальные, субстанционально маркированные параметры. Соответствующие же параметры – это характер основной и вспомогательной, т. е. содержательной (лек-

сическое значение) и формальной (грамматическое значение) частей составного сказуемого в одной из двух его базовых моделей: 1) связка или её аналог + имя; 2) вспомогательный глагол + инфинитив.

К какому же типу составного сказуемого следует относить упомянутые выше (и квалифицированные многими лингвистами в качестве составного глагольного) конструкции с краткими прилагательными и существительными, т. е. конструкции типа *Он рад/готов работать* и *Он в состоянии/не в силах работать*, базовой моделью которых является – и это очевидно – модель составного именного сказуемого: *Он будет рад; Он был не в силах*? Думается, что к именному, как это в своё время предлагали авторы Грамматики русского языка [3, с. 446–447], несколько, правда, расширив рамки именного сказуемого включением в него модальных и фазовых глаголов (в том числе и с сопутствующими им инфинитивами: *Я хочу быть генералом; Он переставал стараться быть умником* [3, с. 433–434]). Если же и делать при этом какие-то исключения, то только для таких именных форм, как *вынужден, должен, обязан* и т. п., являющихся фактически субститутами отсутствующего в русском языке глагола долженствования.

Дело в том, что инфинитив, как показатель глагольности составного сказуемого, далеко не всегда призван восполнять семантическую недостаточность кратких прилагательных типа *готов, охоч, рад, склонен, согласен, способен* и т. д. Таким восполнителем может быть и субстантив (*готов к экзаменам, охоч до разговоров, рад всему, склонен к общению, согласен с вами, способен на подвиг*), которому, кстати, инфинитивы могут зачастую и предшествовать, не замыкая при этом валентности соответствующей конструкции: *Он был готов попытаться продолжить обучение*. Можно, разумеется, говорить о том, что какие-то прилагательные указанного ряда требуют для восполнения своей семантической недостаточности включения в состав сказуемого именно инфинитива (*Он был волен уйти*), а какие-то – только субстантива (*Он был знаком с президентом*), но характер соответствующего синтаксического предиката определяется, надо полагать, самым этим прилагательным, а не замыкающим валентность словом.

Аналогичная ситуация имеет место и при семантической недостаточности входящих в составное сказуемое существительных типа *в состоянии, в процессе, мастер, не в силах, под страхом* и т. п. Для некоторых из них приемлемо сочетание как с инфинитивом, так и с субстантивом (*Он был мастером рассказывать анекдоты* и *Он был мастером короткого рассказа*), какие-то функционируют только с инфинитивом (*Она будет не в силах отказаться от такого подарка*), но есть и такие, семантическая недостаточность которых восполняется только существительным (*Работа была в процессе завершения*). Синтаксическая же константа здесь – именная часть составного сказуемого. И если квалифицировать соответствующие многокомпонентные предикаты в качестве сложного сказуемого, то нужно прямо констатировать, что строится оно на базе составного именного и таким по сути своей является.

Библиографические ссылки

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. Ганич Д. І. Словник лінгвістичних термінів / Д. І. Ганич, І. С. Олійник. – К. : Вища шк., 1985. – 360 с.
3. Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – Ч. 1. – 703 с.
4. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П. А. Лекант. – М. : Высш. шк., 1976. – 144 с.

5. Розенталь Д. З. Словарь-справочник лингвистических терминов. – 2-е изд., исправ. и доп. / Д. З. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 544 с.
6. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
7. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М. : Высш. шк., 1980. – 142 с.
8. Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. – М. : Высш. шк., 1988. – 416 с.
9. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 811 с.
10. Українська мова. Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

Надійшла до редколегії 11.03.11

УДК 811.161.1'38

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ: ТЕНДЕНЦИИ КОДИФИКАЦИИ

На фонетичному та граматичному матеріалі, із застосуванням основних положень теорії аргументації, розглянуто логічно суперечний аспект варіантності мовних норм: перебільшення та применшення стилістичних характеристик варіантів як некоректні тенденції їх кодифікації.

Ключові слова: диспозитивні мовні норми, варіантність, стилістичні відмінності, аргументація.

На фонетическом и грамматическом материале, с применением основных положений теории аргументации, рассмотрен логически спорный аспект вариантности языковых норм: преувеличение и преуменьшение стилистических характеристик вариантов как некорректные тенденции их кодификации.

Ключевые слова: диспозитивные языковые нормы, вариантность, стилистические различия, аргументация.

In the article – on phonetic and grammatical material, using the basic points of the theory of argumentation – logically disputable aspect of the variance of linguistic norms is considered: exaggeration and underestimation of stylistic characteristics of variants as incorrect trends of their codification.

Keywords: dispositional language norms, variance, stylistic differences, argumentation.

Изучение вариантности языковых норм всегда актуально по причине происходящих в языке изменений. Такая непреходящая актуальность обуславливает постоянный интерес лингвистов к данной проблематике. Закономерно и то, что не все научные выводы оказываются бесспорными.

Вариантные, или диспозитивные, языковые нормы, как правило, дуалистичны: представляют собой коэкзистенцию только двух, как минимум однокоренных, вариантов, проявляющуюся почти на всех ярусах языка, не полностью охватывая лишь вариантность на имеющем свою специфику лексическом уровне. Данное сосуществование возможно благодаря непротиворечивости различительных признаков указанных вариантов (случаи конкуренции вариантов, не имею-

щих различий, мы не рассматриваем – см. об этом лингвопрогностические исследования, например [12]).

Признание того или иного языкового явления, в нашем случае – непротиворечивого сосуществования вариантов норм, в качестве нормативного осуществимо при наличии трех признаков:

- 1) соответствия языкового явления структуре языка;
- 2) массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в ходе коммуникации;
- 3) общественного одобрения и признания такого явления нормативным.

Главной формой такого одобрения является кодификация, носящая по отношению к норме ретроспективный характер, то есть фиксирующая явления, уже сложившиеся в процессе языковой практики [9, с. 338].

С общенаучной точки зрения, любая фиксация неизменно должна сопровождаться выявлением интегральных и дифференциальных признаков изучаемых явлений, необходимым для системного научного представления последних. В соответствии с данным принципом кодификация как ретроспективное фиксирование сложившихся в языке явлений осуществляется лингвистами не только поверхностно-статистически, но и с классифицированием всего массива таких явлений по выявляемым интегральным и дифференциальным признакам. Такой же подход применяют при изучении вариантных языковых явлений.

Оценивая языковую логичность употребления того или иного варианта, лингвист-кодификатор не может не опираться на определенные аргументы. Согласно теории аргументации существует целая система разных по силе воздействия аргументов, призванных убеждать людей [5, с. 22], с позиций лингвистики – адресатов, в правоте убеждающего, согласно лингвистической терминологии – говорящего (в данном случае – кодификатора). В то же время корректно, на наш взгляд, ставить вопрос о применении теории аргументации и к внутренней убежденности говорящего, ведь в отношении самого себя аргументы должны использоваться те же, что и при убеждении адресатов. Следовательно, в случаях применения к лингвистике теории аргументации имеет свою специфику: аргументированный выбор языкового явления, в частности варианта нормы, осуществляется любым говорящим (пишущим) – независимо от его социального (профессионального) статуса по отношению к другим носителям языка, – и далеко не в первую очередь призван кого-либо в чем-либо убедить; прежде всего такой выбор имеет целью коммуникативную целесообразность, главным аспектом которой является понятность (в том числе ситуативная уместность) языкового явления для всех носителей языка. Данный аспект пребывает в полном логическом соответствии с тремя указанными критериями признания языкового явления нормативным.

Однако в практике кодификации наблюдаются преувеличения и преуменьшения, при которых кодифицируются стилистические варианты нормы, к которым два последних из указанных признаков нормативности – массовая и регулярная воспроизводимость явления + общественное одобрение и признание такого явления нормативным – неприменимы в силу игнорирования их значимости кодификаторами. Игнорирование это, на первый взгляд, невелико: оно заключается в учете мнения не всех носителей языка. Однако в последствиях неполноты такого учета обнаруживается досадная для лингвистики как науки логическая некорректность кодификации.

Цель настоящей статьи – продемонстрировать преувеличения и преуменьшения при кодификации стилистических характеристик вариантов норм как научно некорректные тенденции.

Среди всех возможных универсальных аргументов наиболее убедительным считается прямое эмпирическое подтверждение, или прямая эмпирическая верификация [там же]. Поэтому естественно, что при выявлении закономерностей употребления каждого из сосуществующих вариантов кодификаторы прежде всего фиксируют различия эмпирически наиболее очевидные: семантические и стилистические. Семантические различия обусловлены, в основном, эмпирически достоверными денотатами, поэтому эмпирически такие различия вполне верифицируемы. Осознание же различий стилистических требует определенной языковой осведомленности, а следовательно – развитости, языковой личности (не случайно, например, при изучении иностранных языков стилистические особенности усваиваются гораздо труднее семантических). Поэтому стилистические характеристики можно считать эмпирически верифицируемыми в меньшей степени, нежели характеристики семантические. Правомочность стилистической характеристики – в соответствии с указанными признаками массовой и регулярной воспроизводимости, а также общественного одобрения и признания – должна поддерживаться всеми носителями языка хотя бы в форме молчаливого согласия, однако последнее наблюдается не всегда. Возражения некоторых носителей языка против кодифицированных стилистических характеристик могут быть весьма активными.

(1) Например, акцентологические варианты *договор* и *творог*, фиксируемые орфоэпическими словарями как «допустимые» [6, с. 129 и 575; 4, с. 88 и 335], то есть разговорные, многими носителями языка воспринимаются как просторечные, то есть просто неправильные. Такие носители ни при каких обстоятельствах – даже при весьма непринужденном (и с большим желанием понравиться) общении с самыми неграмотными носителями языка – не соглашаются их употреблять, «элитно» противопоставляя себя неграмотному узусу, на уступки которому идут ученые: «опускать норму (хоть в языке, хоть в морали) лишь потому, что «ТАК говорит (делает) большинство» – значит, идти навстречу Эллочке-людоедке» [11]. Возможно, убежденность такой «элиты» в неправильности употребления *договор* и *творог* поддерживается (пусть даже на уровне подсознания) влиянием ударения в производных словах: ср. «*договорный*... не рек. *договорной*» и *творожистый*, *творожник*, *творожный* (даже без nereкомендуемых вариантов) [6, с. 129 и 575; 4, с. 88 и 335] (рекомендуемые варианты сохраняют ударение мотивирующих существительных *договор*, а не *договор* и *творог*, а не *творог*). В таком случае указанное влияние можно рассматривать как слабый грамматический (в данном случае – деривационный) аргумент в пользу правильности употребления лишь *договор* и *творог*. В то же время очевидно и другое: осознать (или же не более чем подсознательно ощутить) такую словообразовательную закономерность дано не каждому носителю языка. Таких «не каждых носителей», – возможно, большинство, в силу чего их узус и преобладает, но вправе ли кодификаторы, преувеличивая разговорность вариантов, не учитывать мнение (к тому же нередко выраженное в СМИ) грамотного меньшинства – вопрос, очевидно, риторический.

На морфологическом уровне стилистические характеристики вариантов норм кодифицируются либо (как и в фонетике) на основании эмпирически достоверного прежде всего для исследователей «общепринятого употребления», либо – логически противоречиво – на фоне характеристик грамматических.

Так, при фиксировании стилистических особенностей родовых вариантов существительных встречаются характеристики, очевидные не для всех носителей языка (примеры – в именительном падеже единственного числа):

(2) Как употребляемые «реже» (то есть лишь в аспекте частотности) зафиксированы: *браслета*, *бутса*, *георгина*, *жирафа*, *заусеница*, *новая рояль* [3, с. 91–

92, 96] (в то время как для многих очевидна их более конкретная характеристика: разговорность).

(3) как финансовый термин зафиксирована форма *банкнота* [там же, с. 90] (хотя уже достаточно давно ее употребляют во всех сферах, не только в финансовой, и практически не встречается очевидно устаревшая форма м. р. *банкнот*; Ю. А. Бельчиков в своем справочнике 2008 года отмечает равноправие, то есть печально известную абсолютную синонимию, этих форм [1, с. 93]);

(4) как употребляемая «чаще» зафиксирована форма *мангуста* [3, с. 92] (сейчас уже невозможно установить, знал ли В. С. Высоцкий, которого трудно подозревать в плохом владении русским языком, при написании «Песни про мангустов», в которой есть слова «и позвал на подмогу мангуста», что употребляемый им вариант м. р. *мангуст* – редкое языковое явление; опять-таки Ю. А. Бельчиков в том же справочнике отмечает равноправие, то есть абсолютную синонимию, этих форм [1, с. 93]);

(5) как разговорные зафиксированы: *ботинка* (в то время как слово той же ЛСГ и такой же структуры *валенка* имеет помету «прост.») [3, с. 90–91]; *моя шампунь* [там же, с. 97] (вариант, просторечный для многих); *адвокатище ядовитое*, *было холодище*, *моя ведерка* [там же, с. 98] (фиксируется без разделения и разговорность, и просторечность таких вариантов, в то время как для грамотных носителей языка они только просторечны, как просторечно широко распространенное *мое деньрождение*); *Он такое чудило* [там же, с. 99] (фиксируется параллельность, не более, такого ср. р. разговорным формам общего рода на *-а* типа *плакса*, *задира*, *чудила*, в то время как «элита» такой «ср. р.» либо совсем не употребляет, либо, если и применяет вариант *чудило*, то избегает его согласования в роде: *Он (она) – просто чудило*); и наконец, имеющий большой резонанс средний род неизменяемого существительного *кофе* – этот случай, как весьма показательный, рассмотрим подробнее.

В традиции слово *кофе* – мужского рода, а не среднего потому, что с момента появления в русском языке оно по своей структуре было словом мужского рода: *кофей* или *кофий*. Такой грамматический аргумент можно квалифицировать как достойную уважения память о первоначальном роде этого слова (влияние м. р. обобщающего слова *напиток* сомнительно, например напитки *ситро* и *какао* – ср. р.). Тем не менее весьма распространенное употребление слова *кофе* в понятном (по аналогии со всеми существительными на *-е*) среднем роде вынудило исследователей констатировать нормативность его среднего рода в разговорной речи [7, с. 93; 3, с. 104; 1, с. 102]. Волна протеста, не так давно прокатившаяся в прессе по поводу якобы изменившихся норм русского языка, в первую очередь обрушилась на средний род слова *кофе*. Активные представители языковой «элиты» – журналисты с укоризной напоминали читателям и лингвистам о первоначальном виде и, соответственно, роде этого слова и блистали познанием бережного отношения к традициям родных языков в других странах. Случались и более сильные – ироничные и даже стилистически сниженные – сравнения: «Я просто не понимаю, почему те, кому не по нраву «черное кофе», не замечают того, насколько аргумент «Народ всегда прав» удобен для большинства в любой сфере. И коль уж создан «прецеНдент», почему бы не узаконить публичное ковыряние в носу, матюки, вонючие лужи в подъездах – ведь очевидно, что этого вокруг очень много? Давайте отменим Коперника и запишем, что Солнце вращается вокруг Земли, – и это «очевидно»! Если у политиков в фаворе популизм и желание потрафить массе, то чем лингвистика и астрономия хуже?» [11]. Нет сомнений, что для «грамотно-элитных» носителей языка средний род слова *кофе* не менее про-

сторечен, чем *деньрождение* или образование от косвеннопадежных форм личных местоимений *его* и *ее* прилагательных *евонный*, *евоновый* и *ейный*.

Итак, в (1), (4) и (5) наблюдается преувеличение стилистических характеристик, в (2) и (3) – их преуменьшение.

Эмпирически малоубедительная привязка к грамматическим показателям затрудняет кодификацию и других диспозитивных норм – тоже морфологических, а также синтаксических: за одним из двух вариантов (иногда без какой бы то ни было аргументации) закрепляется признак «грамматической правильности», в силу чего второй вариант автоматически становится неправильным. Такому грамматически неправильному варианту исследователи – неожиданно для грамотных носителей языка – присваивают разговорный статус. Основание то же – узус, не имеющий эмпирически верифицируемых семантических и стилистических аргументов и не замечающий эмпирически слабоверифицируемые грамматические аргументы. При этом мысль о том, что массовое употребление может быть ошибочным хотя бы в силу своей нелогичности, кодификаторами в расчет не принимается. Однако логическое противоречие налицо: некий вариант – со ссылкой на грамматические показатели – давно уже кодифицирован как неправильный, но сейчас употребляется настолько массово, что этот факт тоже кодифицируется. В подтверждение сказанного рассмотрим еще три примера.

(6) Вариант *обусловливать*, а не *обуславливать* является грамматически верным потому, что в корне глагола совершенного вида *обусловить* имеется ударное **о**, – следовательно, в корне глагола несовершенного вида это ударное **о** сохраняется. «Фонетико-грамматический» аргумент к звуковому составу парного по виду глагола лишает прав вариант, отличающийся от другого лишь одним звуком, но отправляет ли тот же аргумент такое «грамматически бесправное» явление в сферу разговорной речи – вопрос не праздный. Вариантам типа *обуславливать* – опять-таки под давлением узуса – исследователи присваивают разговорность [7, с. 166–167; 3, с. 264; 1, с. 218–219]. В то же время встречается немало грамотных носителей языка, рассуждающих примерно следующим образом: «Если я, в отличие от многих других, знаю грамматическое правило, почему я должен где бы то ни было его нарушать? Ведь даже в непринужденной обстановке мне совсем не хочется говорить *обуславливать* или *растамаживать*».

(7) Грамматически аргументируется употребление таких вариантов, как 2, 3, 4 *новые книги* (с существительными женского рода), но 2, 3, 4 *новых стола, окна* (с существительными мужского и среднего рода) [3, с. 40–41; 10, с. 201–202; 2, с. 382–383; 1, с. 259–261]. Безусловно, недостаточность эмпирической верификативности такой аргументации беспокоит исследователей, поэтому они стремятся зафиксировать более очевидные, по их мнению, но тоже грамматические условия различия этих вариантов. Так, Д. Э. Розенталь, критикуя своих в этом стремлении предшественников И. И. Давыдова и А. М. Пешковского, надуманно, по убеждению Д. Э. Розенталя, предлагавших связывать употребление таких вариантов соответственно с категорией одушевленности / неодушевленности или качественности / количественности, предложил свое – акцентологическое – различие [7, с. 215–216], которое тоже не было поддержано – на этот раз последователями самого Д. Э. Розенталя (видимо, тоже по причине умозрительности для них такого аргумента). В свою очередь, Ю. А. Бельчиков, признавая правильность именительного падежа прилагательного в сочетании *две новые книги*, но не видя в пользу этого новых грамматических аргументов, неожиданно фиксирует стилистическое различие между рассматриваемыми сочетаниями, относя варианты типа *две новых* (вместо *новые*) *книги* к разговорной речи [1, с. 259–260]. Однако «элита», знающая грамматическую закономерность – в данном случае падеж прилагатель-

ного зависит от рода существительного, – не может допустить употребление такой просторечной конструкции, как *две новых книги*.

(8) Практически все словари и справочники, вышедшие до 2008 года, фиксируют, что предлог *согласно* управляет только дательным падежом: *согласно чему* (лишь в [8, с. 181] дополнительно отмечаются устарелость конструкции *согласно чего* и теперь уже не бесспорная возможность конструкции *согласно с чем* в значении 'в соответствии с чем-либо'). В последние несколько десятилетий употребление падежа при предлоге *согласно* является для грамотных носителей языка той же «лакмусовой бумажкой», что и родовая принадлежность слова *кофе*: по этому признаку «элита» определяет «своих» и «чужих». В то же время параллельно – в речи неграмотных людей, в частности, к сожалению, чиновников и военных, – употребляется не отраженная как актуальная в современных (до 2008 года) словарях и справочниках, а потому просторечная конструкция *согласно чего* (например, *согласно закона*, *согласно приказа*). Очевидно, что нет никаких оснований считать эту конструкцию ни разговорной, ни (тем паче) стилистически еще более высокой. Тем не менее такое не имеющее оснований событие произошло: конструкция *согласно чего* признана «нормой официально-делового стиля» с примером из выступления некогда председательствовавшего в Госдуме РФ Г. Н. Селезнева [1, с. 301–302]. В данном случае трудно не быть солидарными с грамотной «элитой» в ее неприятии такой «логики». Ведь если считать нормативным любое явление в речи любого известного в какой-либо сфере человека, то придется кодифицировать и другие грамматически неправильные формы, употребляемые весьма известными людьми в их официально-деловых или научных текстах. Например, можно зафиксировать переходность (!) глагола *деградировать*: она следует из того факта, что в известном в своей области знаний словаре [13] – как термин – употребляется прилагательное причастного (глагольного) происхождения *деградированный* (*деградированные земли*). При этом глагол *деградировать* в этом словаре ни разу не употребляется как управляющий винительным падежом (например, **деградировать землю/почву*), – есть только «непереходное» его употребление (*земля/почва деградирует*), а также применение отглагольного существительного *деградация*, управляющего родительным падежом (*деградация земли/почвы*). Несложно догадаться, что создатель «термина» *деградированный* просто не знал слово *деградировавший*, то есть просто не умел образовать правильную форму причастия от непереходного глагола.

Итак, в последних трех примерах наблюдается нелогичное преувеличение стилистических характеристик: в (6) и (7) – разговорности, в (8) – официальности.

В то же время даже наиболее развитые языковые личности не против в ситуации непринужденного общения употреблять, – скажем, вместо стилистически не сниженных *бухгалтеры*, *почисти* или (в официальной обстановке и применительно к женщине) *заведующий кафедрой* – стилистически сниженные, разговорные, варианты *бухгалтера*, *почисть* или *заведующая кафедрой* [3, с. 164, 270, 148] (но, конечно, ни в коем случае не **заведующая кафедры*, ибо причастное по происхождению субстантивированное прилагательное *заведующий* сохраняет модель управления мотивирующего глагола *заведовать*: *чем*, а не *чего*; и это еще один пример логичного учитывания осведомленными носителями языка грамматического аргумента).

Указанная «элита», несомненно, представляет собой носителей-*sapientis*, носителей, пусть не постоянно, но рефлексирующих по поводу не только языка в целом, но и его нюансов (вариантов), носителей, логично ориентирующихся на языковые показатели, когда такие показатели имеются. Для этих языковых личностей «допущенные» кодификаторами в качестве «разговорных» явления – не ва-

рианты. Соответственно, для них в данном случае не существует и диспозитивных норм – имеются лишь нормы императивные, то есть безвариантные.

Не-«элита» же носителей языка, судя по всему, и вовсе не обращает внимания на нюансы (в том числе варианты) языка и даваемые в отношении последних рекомендации.

Логика системы языка свидетельствует: для того чтобы вариант считался разговорным, необходимо, чтобы носитель не только ощущал его разговорность, но и имел возможность осознанного выбора между совершенно не запрещенным системой вариантом разговорным и занимающим свое место в этой же системе вариантом стилистически более высоким, то есть необходимо, чтобы разговорный вариант являлся фактом не только речи с присущими ей случайностями узуса, но и самого языка как системы иерархически организованных элементов.

Употребляя в ситуации непринужденного общения рекомендуемые в качестве разговорных варианты *бухгалтера*, *почисть* и *заведующая кафедрой*, грамотные носители языка осознают их разговорность в сравнении со стилистически более высокими вариантами *бухгалтеры*, *почисти* и *заведующий кафедрой*, поскольку и те и другие закреплены в системе языка. Однако весьма сомнительно, чтобы некая языковая личность намеренно, то есть в результате осознанного выбора и не ставя перед собой задачу люмпенстилизации, в непринужденной обстановке употребляла nereкомендуемые варианты *договор*, *творог*, *обуславливать*, *моё кофе*, *две новых книги*, осознавая их разговорность, вряд ли возможно, чтобы некая языковая личность, зная нормативное *согласно закону*, намеренно в официальной обстановке говорила *согласно закона*, – скорее всего, эта личность, просто не зная рекомендации «так не говорить», употребляла бы данные формы неосознанно, по всей вероятности даже не ведая о существовании форм других – «литературно единственных».

Нелогичные уступки узусу – некорректная тенденция в сфере кодификации. Теоретически возможно, что в будущем такие варианты, как *договор*, *творог*, *обуславливать*, *моё кофе*, *две новых книги*, *согласно закона*, действительно обретут более высокий стилистический статус, но кодифицировать его будет логично только после того, как станут неактуальными рекомендации такие варианты не употреблять либо (если говорить об «официальности» употребления *согласно закону*) сами эти варианты по крайней мере отразятся в разных словарях или справочниках.

Представляется целесообразным дальнейшее изучение обоснованности стилистических характеристик при кодификации диспозитивных норм.

Библиографические ссылки

1. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 424 с.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 8-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
3. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – 2-е изд., испр. и доп. / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М. : Наука, 2001. – 557 с.
4. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка : Грамматические формы. Ударение. – 3-е изд., стереотип. / Н. А. Еськова. – М. : Рус. яз., 2000. – 448 с.
5. Ивин А. А. Теория аргументации : учеб. пособие / А. А. Ивин. – М. : Высш. шк., 2007. – 319 с.
6. Орфоэпический словарь русского языка : Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 704 с.

7. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1977. – 316 с.
8. Розенталь Д. Э. Управление в русском языке : Словарь-справочник. Для работников печати / Д. Э. Розенталь. – М. : Книга, 1981. – 207 с.
9. Семенюк Н. Н. Норма языковая / Н. Н. Семенюк // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева, – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 337–338.
10. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г. Я. Солганик. – 4-е изд., стереотип. – М. : Изд. центр «Академия», 2010. – 304 с.
11. Торпачев А. Ах, черное кофе – эмблема печали / А. Торпачев. – Режим доступа: <http://www.region.mogilev.by/ru/node/7842>.
12. Хруцкая Н. В. Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект) : монография / Н. В. Хруцкая. – К. : Освита України, 2008. – 372 с.
13. Экология. Юридический энциклопедический словарь / под ред. проф. С. А. Боголюбова. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.vslovar.ru/jur/3504.html>.

Надійшла до редколегії 03.02.11

УДК 811.161.1'373.43

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ ХАЙТЕК-ТОВАРОВ

Розглянуто узуальні та оказіональні новоутворення, що позначають різновиди мобільних телефонів; проаналізовано їхні функції й системотвірні можливості, визначено статус нових номінацій по відношенню один до одного.

Ключові слова: неологізм, оказіоналізм, мова реклами, система мови.

Рассмотрены узуальные и окказиональные новообразования, обозначающие разновидности сотовых телефонов; проанализированы их функции и системообразующие возможности, определен статус новых номинаций по отношению друг к другу.

Ключевые слова: неологизм, окказионализм, язык рекламы, система языка.

Usual and occasional new formations indicating the variety of cell phones are considered; their functions and system forming abilities are analyzed; the status of new nominations in relations to each other is defined.

Keywords: neologism, occasional word, advertisement language, language system.

Время, в которое мы живем, позиционируется как *эпоха хайтек*. Это новое модное слово и стоящую за ним смысловую нагрузку, как известно, подарили миру вездесущие американцы, которые решили, что с недавнего времени человечество стало жить в эпохе высоких технологий [<http://world-relis.net.ua/>].

Жизнь современного человека, действительно, невозможно представить без новейших наработок в области аудио- и видеотехники, компьютеров и Интернета, мобильной связи, фотографии, разнообразной техники для дома, развлечений и отдыха. Они представляют одну из сфер высоких потребительских технологий (сферу так называемого хайтека (англ. *high technology*, *high tech*, *hi-tech* – высокие технологии), непосредственно направленных на создание технических новинок, которые человек использует на работе и в быту.

Точно также невозможно представить современное информационное пространство без рекламы высокотехнологических артефактов, которой отводится значительное место в газетах и «глянцевых» журналах, в радио- и телерекламе, посвящаются многочисленные специализированные журналы и веб-сайты. Язык рекламы высоких технологий, также как и всей рекламы в целом, мгновенно реагирует на появление новых идей, событий, артефактов, и любые изменения в соответствующей сфере неизбежно отражаются в рекламных текстах, что делает язык рекламных сообщений постоянным объектом современных лингвистических исследований.

Среди многочисленных аспектов языка рекламы, интересующих лингвистов, одно из основных по значимости мест занимает создание новых слов, как узуальных, так и окказиональных. Естественно, что продуцирование новообразований в рекламном тексте подчинено основным функциям словообразования, к которым ученые относят: а) **номинативную**, когда цель производного слова – дать имя явлению или лицу; образно выражаясь, утолить аппетит «голодающей» действительности; б) **конструктивную**, связанную с облегчением процесса порождения высказывания; при этом нередко с помощью одного слова передается содержание целой синтаксической единицы; в) **компрессивную**, состоящую в образовании более краткой, чем первичная номинация, вторичной номинативной единицы; г) **экспрессивную**, когда окказиональное слово приобретает особую выразительность [3, с. 72].

«В ходе словообразовательного процесса, – подчеркивает Е. Б. Курганова, – наблюдается сотрудничество данных функций при бесспорном иерархическом доминировании экспрессивной и компрессивной функций, как наиболее значимых в современной рекламной практике» [3, с. 72]. Отмеченное в первую очередь относится к словообразованию, порождаемому языковой игрой. Однако в языке рекламы, и в частности рекламы хайтек-товаров, новые слова достаточно часто называют новые понятия и предметы, иногда становясь и образцами для языковой игры. Именно такой пласт представляют собой наименования разновидностей устройств для мобильной связи, объединяемых родовым названием **телефон** и включающих в состав своей структуры конечный компонент **-фон**. В **задачи** настоящего исследования входит проанализировать как сами новые обозначения устройств для связи, так и их игровой потенциал в языке русскоязычной рекламы.

Как известно, лексема **телефон** появилась в 1861 г. как название аппарата, придуманного немецким ученым Райсом и передающего звуки и музыку, но не человеческий голос. Начиная с этого слова, ставшего интернациональным, в русском языке складывается ряд номинаций с конечным компонентом **-фон**, связанных с обозначением устройств, передающих или фиксирующих звук. К середине прошлого столетия он насчитывал, по данным «Грамматического словаря русского языка», более 20 номинаций (**мегафон, патефон, саксофон, таксофон, диктофон, магнитофон** и др., а также производные от лексемы **телефон: видеотелефон, радиотелефон, микротелефон**) [1].

В конце XX столетия телефония переживает новый виток своего развития – появляется сотовая связь, сразу же получившая название мобильной. Соответственно телефоны для этого вида связи получают название сотовых, или мобильных. Примечательно, что составное наименование **мобильный телефон** в разговорной речи практически мгновенно «стягивается» в суффиксальный универбат **мобилку**, а в речи представителей «новых русских» – в **мобилу**.

Бурное развитие высоких технологий в области компьютерной техники и мобильной связи, характерное для последних десятилетий, послужило причиной появления в нашем быту новых устройств для дальней связи, для обозначения

которых оказалось недостаточно старого названия – телефон, дословно обозначающего дальнюю связь, связь на расстоянии (от гр. *tēle* – ‘вдаль, далеко’ + *pōhne* ‘звук’). Современные высокотехнологические телефонные аппараты позволяют не только разговаривать на расстоянии, но и фотографировать, снимать видео, выходить в Интернет и т. д. Закономерно, что на смену старой номинации, не способной в одном слове отразить все функциональное разнообразие нового устройства, приходят новые обозначения, сохраняющие прежнюю структуру с конечным компонентом **-фон**.

Создатели новых обозначений, безусловно, учитывают и психологический фактор. Согласно исследованиям психологов, непрерывное повторение чего-либо: предметов, звуков, любая монотонная среда вызывает у человека раздражение, дискомфорт, желание изменить ситуацию. Естественно, что люди предпочитают относительно новое уже знакомому. «Видимо, таким образом устроен человек, – отмечает Е. Б. Курганова, – что привлекают его все формы и виды нового: новшества, нововведения, технические новинки, новые мысли, учения и направления искусства. Его влекут перестройки, переустройства, переделывания и перемены. До конца еще не выяснено, связано ли стремление к новизне со скукой и однообразием, или просто все незнакомое привлекательно по своей природе. *Novarum rerum cupidus* – жаждущий новизны – так был назван человек уже в первые века нашей эры, и этому определению еще в большей степени отвечает наш с вами современник» [3, с. 71]. Также следует заметить: в организме человека постоянно происходит фильтрация и отбор информации, и в ходе этого процесса более новым стимулам отдается предпочтение. Этот момент очень важен для рекламы, так как напрямую связан с коэффициентом эффективности сообщения. Кроме того, новое связано прочными узами с современностью, новизной, движением вперед – прогрессом, что само по себе более приоритетно для сегодняшнего человека, чем старина, прошлое, прежнее и проходящее. Во всем новом и неологизмах, в частности, заложена какая-то магическая сила, придающая им эту самую привлекательность [там же].

Так, наряду со словом *телефон*, на страницах специализированных рекламных журналов и в электронной рекламе появляются неологизмы, первый компонент которых указывает на функциональные особенности устройств: *смартфон* (от англ. *smart* – толковый, умный + *-фон*, сотовый телефон, совмещающий функции органайзера и мультимедийного компьютера; термин введен компанией Ericsson в 2000 г.), *камерофон* (сотовый телефон, имеющий встроенную цифровую фотовидеокамеру; фототелефон), *тачфон* (телефон с сенсорным экраном, получивший название по способу управления (от англ. *touch* – касаться).

Стремление разработчиков современных сотовых телефонов к совмещению в одном аппарате самых разнообразных функций и возможностей отражается в появлении составных наименований, компоненты которых позиционируют эти функции и возможности, например *тачскрин-смартфон* (англ. *touchscreen* – сенсорный экран, реагирующий на прикосновение к нему). Следует сказать, что в силу компрессивной функции, непосредственно связанной с законом экономии языковых средств, сложение *тачскрин-смартфон* довольно быстро вытесняется однословным наименованием *тачфон*. При этом составители рекламных текстов четко соотносят стяженное название с полным аналогом как в тексте самой рекламы, так и в электронной ссылке, определяя в ней модель как *smartfon-s-tachskrinom*, ср.: *Компания Nokia представила очередной тацфон – модель 5230. ... это недорогой массовый смартфон со средней функциональностью* (<http://www.fmnokia.net/2009/08/25/nokia-5230-nedorogoj-smartfon-s-tachskrinom.html>).

Свое место в ряду обозначений разновидностей телефонов занимает лексема *айфон* (*iPhone*), являющаяся названием торговой марки (<http://ru.wikipedia.org/wiki/IPhone>) телефонов, совмещающих в себе функции обычного мобильного телефона, iPod и планшета.

К этому ряду примыкают наименования, производные от названий компаний-создателей той или иной модели мобильного телефона: *гуглофон*, *android-телефон*, *android-смартфон* и др. Наиболее примечательным в ряду отонимных образований является лексема *гуглофон*, появившаяся как неофициальная номинация нового продукта, созданного на основе операционной системы Google Android в 2008 г. Первоначально новое обозначение в силу своей неофициальности закавычивается и позиционируется как согипоним в ряду других названий с отонимным компонентом, ср.: «Ведущий аналитик iKS-Consulting Максим Савватин считает, что модель Highscreen от «Вобис Компьютер» заинтересует только любителей инноваций, массовыми **«гуглофоны»** могут стать только после того, как **Android-телефоны** выпустят ведущие производители. Следует отметить, что в 2009 году ожидается целая волна новых **Android-смартфонов**» (<http://www.gzt.ru/topnews/hitech/248844.html>); «Первый смартфон G1, использующий операционную систему Android от Google, появился считанные дни назад и доступен пока только абонентам немецкой T-Mobile. Мир больше года ждал появления **«гуглофона»** и только теперь можно сказать, в чем он превзошел конкурента из Apple, ставшего своеобразным эталоном в мире тачскрин-смартфонов» (<http://turist.rbc.ru>).

Довольно быстро лексема *гуглофон* занимает место в ряду других наименований «умных» телефонов и начинает употребляться без кавычек, ср.: «**Гуглофон** оснащен процессором Qualcomm с частотой 1 гигагерц, пятимегapixelной видео- и фотокамерой, стереосистемой Bluetooth и навигатором» (<http://korrespondent.net/tech/technews>).

Следует отметить, что сегодня лексемы *смартфон*, *айфон* и *гуглофон* по сути дела находятся в отношениях синонимии, обозначая торговые разновидности одного и того же устройства – мобильного телефона, в котором установлена операционная система открытого типа с возможностью установки дополнительных программ (<http://forum.interstar.ua/showthread.php?t=1134>). Конечно же, наиболее отвечает сути этих устройств термин *смартфон* («умный» телефон), неслучайно в рекламных и информационных текстах, посвященных современной телефонии, он, наряду с лексемой *телефон*, занимает позицию гиперонима по отношению к номинациям *айфон* и *гуглофон*, ср.: «Во вторник, 5 января, компания Google представила одну из самых ожидаемых технических новинок наступившего года – сенсорный **смартфон** Nexus One на платформе Android 2.1. ... **Гуглофон** оснащен процессором...» (<http://korrespondent.net/tech/technews>); «**iPhone (айфон)** – мультимедийный **смартфон**, разработанный корпорацией Apple» (<http://applemix.ru/catalog/iphone/>); «**ТС Desire HD: обзор флагманского гуглофона**. У нового **телефона** HTC на Android большой дисплей с диагональю 4,3 дюйма, 8-мегапиксельная камера, обновленный процессор и увеличенный объем памяти» (<http://www.computerra.ru>); «Это самый совершенный, быстрый в работе и наиболее удобный в использовании мобильный **телефон**. Если вы держали в руках **Айфон** – вы никогда его не забудете». (<http://applemix.ru/catalog/iphone/>).

В условиях рекламной коммуникации ряд номинаций, обозначающих виды мобильных телефонов, пополняется окказиональными образованиями, сохраняющими конечный компонент *-фон*. Первые же компоненты в одних случаях относятся к отонимным («*андроидфон*», «*яблофон*»), а в других выполняют характеризующую функцию (*суперфон*, *супертелефон*, *экстримфон*).

По аналогии с лексемой *гуглофон*, образованной путем соединения первой части названия операционной системы для смартфонов **Google Android** с компонентом *-фон*, автор рекламного материала создает окказионализм *андроидфон*, используя для этого вторую часть бренда, ср.: *«До Google Nexus One все "гуглофоны" несли на своих корпусах эмблемы компаний-производителей вместе с пометкой, что они "with Google"; "андроидфоны" же просто выходили без этой пометки, несмотря на появление новых прошивок с сервисами поискового гиганта»* ([http:// zoom.cnews.ru/publication/item/20000/3](http://zoom.cnews.ru/publication/item/20000/3)).

Окказионализм *«яблофон»* появляется в контексте материала о соперничестве между компаниями Google и Apple. Сначала под заголовком «Google ворует идеи Apple» говорится о том, что американские антимонопольные органы начали расследование по сговору Google и Apple: «Причина в том, что исполнительный директор поисковой компании Эрик Шмидт одновременно является членом совета директоров Apple. По мнению журнала Forbes, Google действительно копирует идеи "яблочной" компании. Например, анонс платформы Android произошел всего через несколько месяцев после выхода iPhone». В тексте появляется элемент языковой игры – дословный перевод названия компании Apple – «яблочная» компания. Этот элемент получает развитие в следующем подзаголовке *«Гуглофон» копирует «яблофон»*, за которым следует текст: «Таким образом, поисковый гигант сможет обеспечить Android интересными приложениями, которые заинтересуют покупателей. Аналогичной стратегии придерживается Apple, которая торгует программами для iPhone через iTunes App Store» (<http://www.gzt.ru/topnews/hitech/248844.html>). Нетрудно заметить параллелизм двух подзаголовков и намеренное столкновение слов, созданных по одной словообразовательной модели.

Окказиональное образование *суперфон* появляется в заголовке рекламного материала как элемент «броскости», как зацепка, привлекающая внимание читателя (броскость слова усиливается и тем, что буквы в заголовке окрашены в разные цвета). Смысловая и словообразовательная мотивировка окказионализма поддерживается последующим рекламным текстом: *«ПОБАЛУЙ СЕБЯ СУПЕР-ФОНОМ! «Умные» телефоны, сочетающие в себе черты непосредственно сотового, органайзера и мультимедийного компьютера, мы обычно называем смартфонами... С недавнего времени именно смартфоны постепенно, но неуклонно занимают лидерство в сфере так называемых high-end трубок. ... сегодня смартфон – это настолько компьютеризированный телефон, что может запросто заменить собой КПК и довольно неплохо развлечь в автомобильной пробке, деловой поездке или на отдыхе...»* (Технологии третьего тысячелетия (далее – ТЗ), авг., 2006, с. 46).

Компонент *супер-* в этом случае отражает тенденцию к повышенной экспрессивности и эмоциональности, особенно характерную для рекламной речи.

Еще в большей степени экспрессивность приставки *супер-* проявляется в материале, посвященном первому «гуглофону», ср.: *«Nexus One от Google стал сенсацией недавно прошедшей выставки... На сегодняшний день – это лучший телефон на Android. ... И это лишь первый представитель обещанной линейки «супертелефонов». Ждем продолжения»* (ТЗ.ком).

В свою очередь, окказионализм *экстримфон*, вынесенный в заглавие рекламы мобильного телефона Sonim XP3 Sentinel, призван актуализировать функциональные качества телефона, рассчитанного на использование в экстремальных условиях. Компонент *экстрим* получает дискурсивную развертку в тексте рекламы, в котором перечисляются возможные экстремальные условия: *«Любите опасность и преодоление трудностей? Тогда вам понравится этот внушительный аппарат. Мобильный телефон Sonim XP3 Sentinel заключён в укрепленный*

корпус, выдерживающий попадание воды, пыли, удары, падения, а также способен работать при высоких и низких температурах» (ТЗ, июль–авг., 2010, с. 18).

В то же время лексему *экстримофон* можно рассматривать и как результат стяжения составного наименования *экстремальный телефон*, отмеченного в заголовке электронной рекламы: «**Экстремальный телефон Casio G'zOne Type-X.** Всемирно известная японская компания Casio представила свой новый «внедорожный» телефон G'zOne Type-X, пока что только предназначенный для японского рынка. Кроме того, что телефон обладает такими качествами как влаго- и пыленепроницаемость, он будет незаменимым аппаратом для всех, кто собрался в долгий поход. В памяти телефона установлен ряд приложений: термометр, график отливов и приливов, шагомер, карта расположения звёзд, таблицы склонения солнца и луны и, конечно же, GPS-навигатор» (<http://www.hi-teh.net/mobilnye-technologii>).

Как видим, слово *телефон*, попавшее в русский язык более двухсот лет тому назад, обрывает в наш век высоких технологий новыми собратьями, созданными по той же модели*. И, очевидно, этот ряд будет и дальше пополняться новыми словами, возникающими как номинации новых устройств, с одной стороны, и как слова-оценки, слова-характеристики – с другой. Отражая в первом случае потребности номинации, а во втором – игровое начало в языке рекламы, и те, и другие создаются по аналогии с моделью, существующей в русском языке, поскольку «аналогия – это тот механизм, который позволяет понимать новое слово, создавая опору на существующее. Без аналогического сопоставления, аналогического фона новое слово не может быть понято и, следовательно, не может существовать» [2, с. 184].

Созданные благодаря аналогии неологизмы «активизируют определенные модели языка, показывают их в действии». По мнению М. Эпштейна, «по-новому членя слово, неологизм придает словообразовательную активность тем элементам языка, которые раньше оставались пассивными, разрозненными, внесистемными или слабосистемными, по крайней мере в плане словообразования. С каждым неологизмом усиливается регулярность тех или иных моделей... Если вдуматься, то даже самые смелые неологизмы окажутся проявлением системности языка, расширением его регулярных моделей, его щедрым даром нам, говорящим» [4]. Думается, что представленное нами исследование вполне может служить подтверждением этих слов.

Библиографические ссылки

1. **Зализняк А. А.** Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. – М. : Рус. яз., 1977. – 880 с.
2. **Земская Е. А.** Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
3. **Курганова Е. Б.** Игровой аспект в современном рекламном тексте / Е. Б. Курганова. – Воронеж, 2004. – Режим доступа : <http://www.evartist.narod.ru/text19/132.htm>.
4. **Эпштейн М.** Русский язык : система и свобода. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>

Надійшла до редколегії 25.01.11

* Естественно, что в ряду новых наименований телефона есть и обозначения-заимствования, созданные по другим словообразовательным моделям, например: *коммуникатор* (мобильный телефон, совмещенный с карманным компьютером), *слайдер* (от англ. *slide* – скользить; назван по типу корпуса мобильных телефонов, у которых крышка открывается вверх-вниз.).

УДК 811.112.2'23

В. В. Прутчикова

Дніпропетровська національна металургійна академія України

ДИСКУРСИВНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ІНТЕРПЕРСОНАЛЬНИХ ВІДНОСИН АДРЕСАНТ–АДРЕСАТ

Досліджено один із аспектів інтерперсональних відносин між адресантом та адресатом, а саме – ступінь їх близькості / віддаленості в процесі комунікативної взаємодії.

Ключові слова: дискурс, адресатність, інтенція, дискурсивні маркери, дистанціювання, інтимізація.

Исследован один из аспектов интерперсональных отношений между адресатом и адресантом, а именно – степень их близости / отдаленности в процессе коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: дискурс, адресатность, интенция, дискурсивные маркеры, дистанцирование, интимизация.

The article deals with one aspect of interpersonal relationships between the addressee and the addresser, the degree of closeness / distance in the process of communicative interaction namely.

Keywords: discourse, addressing, intention, discourse markers, distance, intimacy.

Останнім часом предметом активних дискусій в лінгвістиці стали семантико-прагматичні категорії дискурсу. У рамках цих досліджень однією з базових дискурсивних категорій визнано адресованість, або фактор адресата, оскільки конститутивною ознакою усякої комунікації є направленість на адресата, який є обов'язковим структурним компонентом комунікативного акту та одним із основних факторів мовленнєвої діяльності адресанта. Такий когнітивно-дискурсивний підхід характеризується антропоцентричною спрямованістю і дає можливість визначити лінгвоментальні основи діяльності суб'єктів дискурсу та їх репрезентації.

Свою концепцію адресата має кожен мовленнєвий жанр у будь-якій сфері спілкування. Основні характеристики адресата складаються під впливом цілої низки факторів: цільової установки комунікативного акту, умов та ситуації спілкування, соціального статусу комунікантів, специфіки «культурного контексту» [1, с. 12].

На думку М. М. Бахтіна [3, с. 305], будь-яке висловлювання завжди має адресата (різного характеру, різних ступенів близькості, конкретності, усвідомленості тощо), адекватно зрозуміти та передбачити якого завжди прагне автор мовленнєвого повідомлення. Тобто у будь-якому типі дискурсів адресованість не тільки значною мірою визначає структуру та зміст задуманого адресантом мовленнєвого утворення та засоби їх реалізації, а й детермінує певний ступінь інтерперсональної єдності адресанта і адресата.

Дану статтю присвячено дослідженню одного із аспектів таких інтерперсональних відносин між адресантом та адресатом, а саме – ступеня їх близькості / віддаленості в процесі комунікативної взаємодії, оскільки дискурс має інтерактивну природу, тобто комуніканти не тільки діють, але і взаємодіють [3, с. 5]. Декодування типу інтерперсональності дискурсивної категорії адресованості здійснюється в опорі на низку дискурсивних маркерів [6], які віддзеркалюють процес взаємодій між адресантом і адресатом, є сигналами авторської оцінки та задають певний вектор сприйняття висловлювання. Вони застосовуються для підсилення, виділення, підкреслення і є для слухача сигналами, які полегшують йому інтерпретацію висловлювання в опорі на різноманітні контекстуальні підказки, а

їх значення є вирішальним для мовленнєвої взаємодії. Такі дискурсивні одиниці виражають ставлення мовця до адресата або до ситуації, про яку йде мова, його наміри, припущення і емоції [4, с. 341].

Актуальність такого дослідження визначається необхідністю різнопланового аналізу особливостей комунікантів, оскільки завдяки цьому досліджується дискурс у цілому, як результат когнітивної діяльності, як комунікативна подія в певній соціальній інтеракції.

При визначенні характеру інтерперсональності дискурсивної категорії адресованості важливо враховувати перш за все вектор інформанта, а саме – від імені якої особи здійснюється інформування. У фокусі нашої уваги, передусім, є дискурс з інформуванням від першої особи.

З подібним вектором інформанта в художній літературі існують такі жанри як автобіографія, розповідь-нарис, розповідь-есе, в яких автор-оповідач позиціонується найближче до адресата (слухача, читача). Саме в цих типах дискурсу розповідь здійснюється від першої особи та характеризується довірливим тоном. Як приклад, можна навести розповіді широко відомого читаючому загалу Іраклія Андроннікова, які також і належать його перу. У цьому контексті є цікавою думка самого І. Андроннікова відносно тексту, який раніше існував як усна розповідь, а потім був записаний: «Понятно, что тембры голосов, интонации, произношение, «портретность» – все то, что в живом исполнении составляет столь существенный элемент – этого на бумаге не передать, тогда зачем же записывать?» [2, с. 271].

І все ж записують, записують для нащадків, для потенційних читачів, намагаючись зберегти дещо від живого діалогічного характеру тексту, напевно суб'єктивованого, але саме завдяки цьому і відмінного від об'єктивованого авторського мовлення (розповідь від третьої особи). І саме у випадку інформування від першої особи може проявлятися, на нашу думку, особливий характер дистанціювання, яке має місце по інтерперсональній лінії адресант–адресат.

Якщо у розповіді від третьої особи автор ніби витісняється на «обочину», він спостерігає і розповідає про події і персонажі зі свого «пункту спостереження» і саме роллю адресанта-спостерігача детерміновано тип дистанціювання по лінії адресант – адресат у такому акті комунікації, то зовсім інший тип інтерперсональних відносин складається у випадку розповіді від першої особи, коли оповідач знаходиться у «гущі подій», він є їх безпосереднім учасником, він бачить події «зсередини», стикається, входить у контакт з персонажами, взаємодіє з ними. Так, наприклад, ініціальне речення роману «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова: «Я ехал на перекладных из Тифлиса» – відразу експлікує роль оповідача як очевидця усіх наступних подій, про які він має намір розповісти читачам.

В оповіданні від третьої особи автор опирається на цілу систему лінгвістичних засобів, які формують «образ автора» і сприяють передачі авторської ідеї, його кредо, системи оцінок. Як правило, сигнали авторської модальності розподілено по всьому тексту. Але найбільш виразно авторська позиція проявляється в авторських відступах. Саме вони допомагають адресату виявити систему цінностей, життєве та філософське кредо автора.

В оповіданні ж від першої особи він (автор) передоручає оповідачу донести до читача свої думки, емоції, оцінки, погляди, свою життєву позицію, яка і відкриває суть ідеї, концепт твору в цілому.

Передоручаючи виклад подій та їх оцінку оповідачу, задля певного контакту з адресатом автор використовує такі функції мови, як адресованість, контактність, емоційність, спонтанність, ситуативність тощо. Так, наприклад, експлікація емоційності в інтерперсональних відносинах адресант–адресат можлива в опорі на так

звані маркери-коментарі, які стосуються усього дискурсу та коментують певним чином «базове висловлювання». Як правило, емоційність тісно пов'язана з оцінкою, наприклад позитивною (маркер оцінювання, оцінки): *Слава богу, день солнечный – я опять увижу Ая-Софию в солнечное, весеннее утро* (Бунин, с. 14); або негативною (обурення): *Во имя бога милостивого, хоть бы, здесь-то, по улице, ведущей в европейскую Перу, не пускали верблюдов!...* (Бунин, с. 22).

Персоніфікований оповідач, будучи, по суті, рупором авторської інтенції, намагається творити свої висловлювання довірливими, запрошуючи адресата до певних сумісних роздумів та оцінки подій і персонажів. Наприклад, така довірливість есплікується в інтерперсональних відносинах адресант – адресат, в опорі на маркери-коментарі солідарності: *Он приветствовал меня как-то особенно торжественно, но с оттенком грусти. Что-то в театре совершалось, и что-то, я чувствовал, как чувствует, вероятно, бык, которого ведут на заклание, важное, в чем я, вообразите, играю главную роль* (Булгаков, с. 33).

Оповідач ділиться тим, що так неясно, тривожно і печально вплинуло на нього при відвідуванні театру. При цьому він звертається (контакто-установлююча функція) до адресатів – «вообразите», запрошуючи їх таким чином бути співучасниками події, включаючи їх в єдиний часовий і просторовий світ (хронотоп) та спонукаючи їх розділити його тривоги і відчуття, і тим самим намагається вплинути на їх емоції і оцінку описаних подій.

Контактність, емоційність, оцінювання – усі ці характеристики тексту від першої особи виступають, як правило, сукупно і нероздільно, хоча у кожній конкретній ситуації можна визначити певну комунікативну домінанту. Так, у наступному прикладі такою комунікативною домінантою є емоційність, яка зчитується завдяки дискурсивному маркеру підсилення: *Чего стоило ему произнести свои реплики вовремя, поддерживая живой диалог, делая вид, что он слышит партнеров! Забудь он свой текст – ни один суфлер мира не помог бы ему, как кривое колесо, шел бы такой спектакль до конца акта. Любовь к театру превозмогла все!* (Андронніков, с. 251).

У наведеному прикладі виражено захоплення оповідача подвигом артиста Малого театру Остужева, який, як відомо, раптом оглух у розквіті творчих сил і таланту, але, незважаючи на це, продовжував грати на сцені Отелло і Уріеля Акосту, переборюючи свій недуг.

Оповідач ділиться своїми особистими спостереженнями, – адже він був свідком життя за кулісами у ті часи, коли там готувались до виходу на сцену та виступали такі корифеї і таланти, як Шаляпін.

Скорочення дистанції між адресантом та адресатом декодується завдяки дискурсивним евіденціальним маркерам (*Вообще говоря*) та маркерам солідарності (*Попробуйте! Не выходит?*): *Вообще говоря, каждый актер должен был бы гримироваться. Рассчитывать на руку гримера – все равно, что надеяться на то, будто вы можете выразить на моем лице волнующие меня чувства. Попробуйте! Не выходит? То-то!... Ну, а уж лучше Шаляпина никто не мог знать, как поведет себя его физиономия на предстоящем спектакле* (Андронніков, с. 257).

Або, наприклад, оцінка і моралізація домінує в репліці героя Лєскова: *Ну что ж, мол, делать: если ты, презрев закон и религию, свой образ изменила, то должна и пострадать* (Лєсков, с. 76).

Або оцінка-характеристика, яка визначається в опорі на маркери солідарності: *Я, как несомненно можете по мне видеть, человек совсем незначительный, я более ничего, как мужик, и воспитание свое получил по состоянию, самое деревенское* (Лєсков, с. 5).

Ліричний герой в поезії, за деякими винятками, – той же персоніфікований оповідач, особа, якій передоручили викласти певну версію подій. Окрім тих випадків, коли поет говорить саме про себе самого, як, наприклад, у вірші Б. Ахмадуліної «Это я ...», де мають місце маркери авторської ідентифікації:

*Это я – в два часа пополудни
повитухой добытый трофей....
Это я – человек – невеличка
всем, кто есть, прихожусь близнецом
сплю, куда идет электричка
нав на сумку невзрачным лицом*
(Ахмадуліна, с. 39).

Як у прозі, так і в поезії використання прямих звертань інтимізує смисл висловлювання. Наприклад, в опорі на маркери солідарності:

*Ах, если мученик любви
Страдает страстно, безнадежно, –
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить, еще возможно.*
(Пушкін, с. 53).

*Очнись, читатель любопытный.
Вскричи: – как, намертво убитый
И прочный, точно лунный свет,
Тебя он любит?!*
(Ахмадуліна, с. 48).

Слід зазначити, що довірливий тон, інтимізація висловлювання нерідко буває пов'язана з вираженням натяків, підтексту:

*Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.*
(Пушкін, ФЭБ).

Або жарту, іронії тощо:

*Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем.
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умилением
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.*
(Пушкін, ФЭБ).
*Читатель мой, прости. И где ты, милый друг?
Что наших мест тебе печали и потехи?
Но утешенье в том, что волен твой досуг.
Ты детектив другой возьмешь в библиотеке.*
(Ахмадуліна, с. 41).

Стильові помітки зниження пафосу зближують прямі висловлювання з розмовною мовою і інтимізують текст, написаний від першої особи. Інтимізація висловлювання у кожному випадку призводить до скорочення дистанції по лінії комунікантів: адресант – адресат. Якщо в авторському мовленні, в оповіданні від

третьої особи, має місце певне відсторонення оповідача від лінії оповідання і його дистанціювання, то в оповіданні від першої особи, навпаки, адресант намагається підкреслити контакт з адресатом, актуалізувати ситуацію, наблизити її до нього, включити в хронотоп (час і місце подій), заохотити адресата / адресатів до аналізу та оцінки подій, дійових осіб, а також вплинути на них з метою досягнення певного посткомунікативного ефекту. Інтимізація при цьому є основною складовою фактора дистанціювання, а точніше – скорочення дистанції.

Таким чином, залежно від авторської позиції, проявляються дві тенденції, які пов'язані зі способом розгортання оповідання. Авторське мовлення характеризується «відстороненням», дистанціюванням, віддаленістю адресанта від адресата. Дистанціювання такого роду порушується у випадку вставок у текст авторських (ліричних) відступів.

А у текстах, які написані від першої особи, де автор, по суті, передоручив оповідь даній особі, спостерігається протилежна тенденція: намагання адресанта зблизитись з адресатом. При цьому, задля збереження інтерперсональної єдності по лінії адресант–адресат, авторське дистанціювання компенсується за рахунок інтимізації оповіді адресанта. Отже, основним проявом феномена дистанціювання автора в таких текстах виступає інтимізація, яку можна по праву віднести до основних функцій мови.

Виходячи з аналізу текстів художніх творів, написаних від першої особи, слід указати на такі особливості, або їх інтегральні ознаки, пов'язані з прагматикою такого типу дискурсу:

- інтерперсональна лінія адресант (автор) – адресат (читач), як соціально-комунікативна даність, зазнає у таких текстах модифікації, а саме: автор – оповідач – читач;

- дистанціювання по інтеперсональній лінії комунікантів має парадоксальний вигляд, оскільки декларується дистанціювання (передоручення вести розповідь оповідачу), а на ділі виявляється прагнення подолати це дистанціювання за допомогою прийомів інтимізації тексту адресантом;

- функціонально інтимізація займає своє місце в ряду таких мовних функцій, як контактність, емоційність, ситуативність (ситуація хронотопа), оцінювання, адресованість тощо.

З точки зору когнітивно-дискурсивного аналізу, роль інтимізації інтерперсональних відносин, як їх дистанціювання, є досить комунікативно вагомою, зважаючи на ступінь їх участі в актуалізації прагматичного потенціалу висловлювання, його іллокутивної сили та у досягненні посткомунікативного (перлокутивного) ефекту, який ставить за мету та прогнозує автор усякого художнього твору. Виходячи з цього, у подальших дослідженнях доцільно було б проаналізувати взаємодію та взаємовплив таких протилежностей, як інтимізація та дистанціювання залежно від особистісних та ситуативних характеристик учасників дискурсу.

Бібліографічні посилання

1. **Азнаурова Э. С.** Прагматика текстов различных функциональных стилей / Э. С. Азнаурова // Общественно-политический и научный текст как предмет обучения иностранным языкам. – М. : Наука, 1987. – 200 с.
2. **Андронников И.** К музыке / И. Андронников. – К. : Музична Україна, 1985. – 293 с.
3. **Бахтин М. М.** К эстетике слова / М. М. Бахтин. – М. : Наука, 1974. – 539 с.
4. **Wierzbicka A.** Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction / A. Wierzbicka. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1991. – P. 341.

5. **Dijk, T. A. van.** The study of discourse // Discourse studies: A multidisciplinary introduction : In 2 vol. / Ed. by T. A. van Dijk. – London etc. : Sage, 1997. Vol. 1. : Discourse as structure and process. – P. 1–34.
6. **Кибрик А. А.** Дискурс. Дискурсивные маркеры / А. А. Кибрик. – М. : МГУ, 2010.

Джерела ілюстративного матеріалу

- Ахмадулина Б.** Влечет меня старинный слог. – М. : Эксмо, 2004. – 255 с.
- Булгаков М. А.** Театральный роман. По изданию: Михаил Афанасьевич Булгаков. Избранная проза. – М. : ИХЛ, 1966.
- Бунин И.** Собрание сочинений в 4 т. – Т. 2. – Библиотека журнала «Огонек». – М. : Правда, 1988. – 592 с.
- Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 4. – М. : Правда, 1969.
- Лесков Н. С.** Повести и рассказы / Н. С. Лесков. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. – 285 с.
- Пушкин А. С.** Осень (1833). – ФЭБ : Русская литература и фольклор / А. С. Пушкин. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol03/y03-318-.htm>.

Надійшла до редколегії 13.01.11.

УДК 811.161.1'367.626

О. Э. Руденко

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

ЯВЛЕНИЕ КОНТАМИНАЦИИ В СФЕРЕ МЕСТОИМЕННИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале лексем *самый*, *сам*, *весь*)

Проаналізовано міжкласові гібридні слова (контамінанти) *самий*, *сам*, що об'єднують ознаки займенників і часток, а також міжкатегоріальний контамінант *весь*, який має властивості займенників, категоріально співвідносних з прикметниками і прислівниками.

Ключові слова: гібридні слова, контамінант, *самий*, *сам*, *весь*.

Проанализированы межклассовые гибридные слова (контаминанты) *самый*, *сам*, объединяющие признаки местоимений и частиц, а также межкатегориальный контаминант *весь*, имеющий свойства местоимений, категориально соотносимых с именами прилагательными и наречиями.

Ключевые слова: гибридные слова, контаминант, *самый*, *сам*, *весь*.

Hybrid words (contaminants) *same*, *self*, that unite the signs of pronouns and particles, and also contaminant *all*, which is characteristics of pronouns, category correlative with adjectives and dialects are analyzed.

Keywords: hybrid words, contaminant, *same*, *self*, *all*.

Русский язык обладает богатейшим арсеналом средств выражения тончайших оттенков мысли. Одни из этих средств изучены лингвистикой более полно, другие не исследованы или находятся в начальной стадии изучения. К числу последних необходимо отнести контаминированные единицы морфологического уровня.

Следует отметить, что анализ подобных явлений представляет особые трудности для лингвистов. Исследования в данной области проводили такие ученые, как Г. Пауль [12], В. В. Виноградов [2], В. Н. Немченко [10], В. М. Никитевич [11], Е. Н. Сидоренко [15], Е. А. Федорченко [20; 21] и некоторые другие. Оп-

ределяя сущность контаминации, мы будем придерживаться традиционного толкования данного явления, отраженного в «Словаре лингвистических терминов»: «Контаминация – это взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или образованию новой (третьей) языковой единицы» [17, с. 206]. Иными словами, **контаминацию** следует понимать как совмещение признаков двух смежных единиц в третьей, приобретающей некоторые свойства предыдущих. Термин **контаминант** является производным от **контаминация** и обозначает единицу третьего порядка, совмещающую в себе в любой пропорции отдельные признаки двух смежных единиц.

Устанавливая основные принципы классификации контаминированных единиц, обратимся к теоретическим положениям, разработанным Е. Н. Сидоренко [15, с. 101–116]. С учетом принадлежности контаминанта к явлениям промежуточного характера (совмещение признаков разных частей речи) или периферийного характера (когда контаминант входит в какую-либо часть речи, но объединяет в себе некоторые свойства двух разрядов) автор разграничивает **межклассовую** и **внутриклассовую контаминацию**. **Внутриклассовые контаминанты** в сфере местоимений делятся на два подвида: **межклассовые** и **межкатегориальные**. К **межклассовым контаминантам** Е. Н. Сидоренко относит следующие единицы: 1) прономинально-предикативные контаминанты (*негде* и *под.*), совмещающие признаки местоимений и безлично-предикативных слов; 2) прономинально-конъюнкциональные (так называемые относительные местоимения, или союзные слова), совмещающие свойства местоимений и союзов; 3) прономинально-партикулянтные контаминанты (например, так называемые восклицательные местоимения, по другой терминологии – восклицательные частицы местоименного происхождения: *Какой* день!; *Сам* учитель задумался над решением этой трудной задачи), совмещающие признаки местоимений и частиц. К **межкатегориальным контаминантам** Е. Н. Сидоренко причисляет прономинативы, которые объединяют лексико-грамматические свойства двух групп по категориальной соотносительности (с именами существительными; с именами прилагательными; с именами числительными; с наречиями; с безлично-предикативными словами). Это наиболее часто наблюдается у указательных местоимений. Некоторые местоимения представляют собой результат межклассовой и межкатегориальной контаминации одновременно (прономинативы *который*, *какой*, *каковой*).

Целью настоящей статьи является анализ межклассовых контаминированных единиц *самый*, *сам*, а также межкатегориального контаминанта *весь*.

Вопрос частеречной принадлежности слова *самый* в лингвистической литературе представляется весьма спорным. Традиционные грамматики относят данное слово к местоимениям, однако ряд ученых имеют иное мнение (см.: [15; 18; 20; 16; 19 и др.]). Е. Н. Сидоренко предлагает назвать исследуемую единицу гибридным словом, совмещающим свойства местоимений и частиц, то есть прономинально-партикулянтным контаминантом, и в дальнейшем мы будем пользоваться предложенной терминологией автора.

В современном русском языке слово *самый* является полисемичным, и особенности его употребления зависят от того, какое именно значение данного слова реализуется в контексте.

При имени существительном в сочетании с указательными местоимениями *тот*, *этот*, *такой* контаминант *самый* употребляется для уточнения, усиления указания, имея значение ‘как раз’, ‘именно’, например: ... *оказалось, что этот самый русский Тяньзин* (то есть ‘как раз, именно этот русский Тяньзин, о котором идет речь’) более чем наполовину заселен моими земляками из села Мона-

стырского [1, с. 19]). В разговорном стиле *самый* в значении 'так и есть', 'именно' может присоединяться к предметно-личным местоимениям, внося в предложение семантику несомненности, например: – *Неужто и тут Воронин? – Он самый!..* [1, с. 254].

Следующий случай словоупотребления *самый* – использование его (в соответствующем роде, числе и падеже) в сочетании с именами существительными для выделения и подчеркивания сопровождаемого имени существительного. В этом случае М. М. Михайлов видит в слове *самый* «простое определение» [9, с. 22], А. А. Силантьева приписывает ему «роль выделительной частицы (= *даже*)» [16, с. 163]. Мы рассматриваем *самый* в указанном случае функционирования как прономинально-партикулянтный контаминант, имеющий значение 'взятый сам по себе, как таковой', например: *Самая тоскливость этих мест, куда я попал, показала мне довольно верным доказательством, что нефть здесь должна быть в большом количестве* [13, с. 44]. Функция выделения, в которой выступает слово *самый* в данном случае, допускает его синонимическую соотносительность с выделительной частицей *даже*, *даже и*, однако более точной, по нашему мнению, будет синонимическая замена контаминанта *самый* на *сам*. Последний здесь также примет значение 'взятый сам по себе, как таковой', например: *Он [Шацкий] как будто забыл об этом, но самое (// само) имя (то есть 'само по себе имя') Кара-Ада приводит его в беспокойное состояние* [13, с. 457]. Следует отметить, что данное словоупотребление *самый* уже стало устаревшим, в подавляющем большинстве случаев в современном языке вместо контаминанта *самый* здесь используется слово *сам*.

При именах существительных со значением места, пространства и времени *самый* создает семантику сосредоточенности, точности, то есть обозначает определенное и данное место или время, вычленяемое из пределов общего пространства. При этом исследуемый контаминант имеет несколько смысловых оттенков:

1) принимает значение 'именно', 'как раз', 'непосредственно', например: *На самой горе возвышалось что-то серое...* [1, с. 39–40]. Пространственные объекты, обладающие высотой, могут характеризоваться словом *самый* по признаку предельного проявления этого качества (то есть *самый* указывает на наивысшую точку определяемого объекта), например: *Поставив колышек в метре от воды, мы через каких-нибудь часа два-три видели, как он, будто бы украдкой от нас, уходил в воду, ... а на самой макушке обязательно сидела стрекоза...* [1, с. 137]. То же самое относится и к пространственным объектам, обладающим длиной. Здесь *самый* указывает на одну из крайних точек их протяженности, например: *В самом конце торговой узкой улочки ты можешь в конце концов натолкнуться ... на то, ради чего и приехал на ярмарку* [1, с. 161];

2) указывает на временной и пространственный предел (такое значение зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка» (п. 3), однако «фактически *самый* не обладает собственным временным или пространственным значением, а лишь воздействует на лексическое значение сопровождаемых существительных, представляя его как указание на некое средоточие или крайний предел» [18, с. 438–439]. Таким образом, слово *самый* обозначает границу, крайний предел и функционирует в предложении не само по себе, а вместе с именем существительным, к которому относится, например: *Я знал, что не уйду со двора до самой ночи* [1, с. 35];

3) обозначает наибольшую приближенность к указанному месту, времени или событию, например: *Ниже заката, над самым морем, проносились из края в край голубыми снарядами зарницы* [13, с. 450]. Данное значение контаминанта

самый зафиксировано в п. 2 «Словаря современного русского литературного языка», его нельзя игнорировать, однако следует отметить, что значение приближенности в предложении, на наш взгляд, формируется не столько словом *самый*, сколько общим смыслом контекста (в частности, предложениями с пространственным и временным значением (*над*, *у*, *под*, *перед* и т. д., наречием *почти*), а контаминант *самый* указывает лишь на высшую степень этой приближенности, устанавливая синонимическую соотношенность с частицами *именно*, *как раз*.

При именах существительных, обозначающих явление или некие предметы, имеющие неопределенные границы, контаминант *самый* обозначает центр этого явления или предмета, например: *Это будет первая линия, которая прорежет самое сердце пустыни* [13, с. 460].

В сочетании с именами существительными, имеющими значение отвлеченного качества или количества, слово *самый* обозначает предел проявления количества или качества (то есть крайнюю, предельно высокую или малую степень последнего), например: *По мере того как наполнялось русло Баланды, выложенное по **самой** глубине и по крутым берегам тугой и вязкой глиной, ... река наполнилась все новой и разнообразной жизнью* [1, с. 137].

Семантической разновидностью данного значения слова *самый* можно признать указание на наивысший момент развития какого-либо явления или процесса, на их кульминационную точку, например: *Скачки были в **самом** разгаре, когда два слегка охмелевших друга подъехали на верблюде к ипподрому* [1, с. 164].

Контаминант *самый* используется в сочетании с качественными именами прилагательными как компонент их аналитической превосходной степени, например: *Экспедиция предложила **самый** совершенный, как ей казалось, способ добычи мирабилита со дна залива...* [13, с. 471]. *Кара-Бугаз известен как **самое** бурное место на Каспийском море* [13, с. 462]. Лингвисты по-разному определяют *самый* в данном случае функционирования (см.: [15; 16; 18 и др.]). Однако мнения ученых сходятся в том, что прономинальная семантика здесь у слова *самый* отсутствует и оно выполняет служебную, формообразующую функцию.

Слово *сам*, как и *самый*, исследовалось в ряде специальных работ (см. [3–8; 14; 18; 22; 23; 24; 25 и др.]), однако до сих пор ученые не пришли к единому мнению по поводу его частеречной принадлежности. Традиционно слово *сам* причисляется к определительным местоимениям, но есть основания не согласиться с такой точкой зрения. Вслед за Е. Н. Сидоренко [15, с. 131] мы разграничиваем прономинатив *сам* со значением ‘хозяин, глава (дома, семьи, предприятия и т. п.)’, например: *Эту проблему может решить только **сам** (руководитель, хозяин и т. п.)*, и местоименно-партикулярный контаминант с выделительным значением. Рассматривая контаминант *сам*, отметим в нем свойства и признаки как прономинативов (наличие падежной, числовой и родовой парадигм, отсутствие постоянной закреплённости звукового комплекса *сам* за определенным явлением объективной действительности), так и частиц (функция обозначения усиления, противопоставления, отождествления и др.). Таким образом, намечаются два основных момента в семантике исследуемого слова: *сам* либо характеризует лицо или предмет, являющийся субъектом или объектом действия (в этом случае мы говорим о приименных или приместоименных связях *сам*); либо выражает различные способы и условия совершения действия (тогда имеют место приглагольные семантические связи данного контаминанта). Однако и в том и в другом вариантах словоупотребления *сам* согласуется с именем существительным или местоимением в роде, числе и падеже (но в первом случае эта соотношенность носит и формальный, и семантический характер, а во втором – только формальный).

Сам употребляется с одушевленными и неодушевленными именами существительными, а также с замещающими их личными местоимениями, выполняя подчеркивающую, выделяющую функцию, например: *Не станут сидеть молча и сами торговцы и продавцы* [1, с. 161]. *Да и само путешествие в намеченные места без Ваньки лишалось своей привлекательности...* [1, с. 59].

Располагаясь непосредственно между подлежащим и сказуемым, исследуемый контаминант обычно в какой-то мере распределяет свою семантику между главными членами предложения, например: *Этим-то пугачом я и прибью Ваньку насмерть – не в буквальном, разумеется, смысле, а просто Ванька сам умрет от зависти* [1, с. 159]. Располагаясь контактно по отношению к сказуемому, сам нередко объединяется с ним под одним словесным ударением или хотя бы выделяется сильным логическим ударением, вызывая ослабление словесного ударения соседних слов. Семантическое тяготение слова сам к сказуемому усиливается, если оно занимает дистантную позицию по отношению к имени, с которым сохраняет формальную связь, например: *Отец, однако, сам догадался сходиться к будущим сватам* [1, с. 41].

Примыкая к группе сказуемого, контаминант сам выражает различные способы и условия совершения действия, то есть может иметь разные значения: 1) 'самостоятельно, без посторонней помощи', например: *Лес как бы сам шел к людям в гости* [1, с. 46]; 2) 'по личной инициативе, по своему желанию, без вмешательства и принуждения со стороны других', например: *Может, дядя Яков сам спалил свою ригу* [1, с. 214]; 3) 'лично, не замещая себя другим человеком', например: *Открыв траурный митинг, Михаил Федотович сам же и произнес на нем единственную речь...* [1, с. 274]; 4) 'непроизвольно', например: *Приблизясь вплотную, останавливаясь, снимаю кепку – рука сделала это сама, я даже не заметил как* [1, с. 284]. В рассмотренных случаях слово сам становится самостоятельным членом предложения – обстоятельством образа действия.

Специфика контаминанта *весь* заключается прежде всего в том, что он относится не к межклассовым, а к межкатегориальным гибридным классам слов. Это значит, что в нем сочетаются свойства не двух частей речи (например, местоимения и частицы, как у слова *самый*), а некоторые свойства двух групп местоимений: категориально соотносительных с именами прилагательными и наречиями, например: *Дом весь был освещен лучами весеннего солнца*.

Слово *весь*, согласуясь с определяемым именем существительным, легко может утрачивать смысловую связь с этим именем существительным и, тяготея к глаголу-сказуемому, выражать обстоятельственные оттенки. Обстоятельственное значение слова *весь*, слабо осязаемое в препозитивном положении, отчетливо проявляется в том случае, если рассматриваемое слово употреблено после имени существительного, с которым оно грамматически связано, например: *Отец за эти дни весь как-то почернел, постарел и осунулся. ... и люди не заметили, как жеребенок почти весь оказался на полу* [1, с. 33]. В приведенных примерах слово *весь*, сохраняя грамматическую связь с именем существительным, указывает на меру и степень действия, принимая значение 'целиком, полностью'.

Обстоятельственное значение слова *весь* еще более усиливается, если оно употреблено после глагола-сказуемого, например: *Петр Михайлович как-то обмяк весь, бессильно опустился на лавку...* [1, с. 103]. В рассматриваемом случае словоупотребления контаминант *весь* может стоять в одном ряду с другими обстоятельствами, которые уточняют и раскрывают его значение, например: *Катер весь, сверху донизу, был покрыт толстым слоем блестящей краски*.

Таким образом, слово *весь* в им. падеже ед. числа, употребленное после определяемого им имени существительного, указывает на меру и степень действия

или качества, выполняет функцию обстоятельства, особенностью которого является то, что оно во всех формах согласуется с именем существительным.

Реализуя свое обстоятельственное значение меры и степени качества, контаминант *весь* может характеризовать дополнительное действие, названное деепричастным оборотом, например: *Большой и сильный, он [Муратов] ... приседал передо мною на корточки, мягко брал за уши, подтягивал мою голову поближе к своей и, **весь** светясь и сияя, долго разглядывал меня черными выпуклыми беркутиными глазами...* [1, с. 204–205]. Имея данную семантику, слово *весь* способно также характеризовать признак и относиться как к глаголу, так и к имени прилагательному и причастию, например: *Больной лежал неподвижно, **весь** бледный и худой. Ребенок вернулся с прогулки **весь** измазанный песком.*

Немаловажно отметить роль прономинально-партикулянтных контаминантов *самый* и *сам* как усилителей перлокутивного эффекта в структуре речевого акта. Перлокуция – результат речевого воздействия на слушающего – это то, ради чего происходит общение между людьми. Без этого воздействия оно было бы лишено смысла. До сих пор, однако, лингвисты не могут сформулировать правила, которые бы во всех случаях предсказывали и объясняли перлокутивный эффект. Но средства повышения вероятности того, что перлокуция будет соответствовать ожидаемой, давно определены прагматикой. К ним относятся способы усиления искренности (*Я искренне признателен вам за помощь*), глаголы с высокой интенсивностью иллокуции (*клясться*), выбор обстоятельства, усиливающего воздействующий эффект (*торжественно обещаю*) и т. д.

Способность прономинально-партикулянтных контаминантов *самый* и *сам* повышать перлокутивный эффект связана с их смысловой спецификой. Именно семантика частицы (как правило, усилительной), наблюдаемая у гибридной единицы *самый*, а также значение указания на лицо или другое живое (или неживое при олицетворении) существо, являющееся субъектом действия, присущее контаминанту *сам*, позволяют использовать слова *самый* и *сам* как средства повышения перлокутивного эффекта. Так, контаминант *сам* характеризует способы и условия совершения действия, акцентируя внимание на роли субъекта как инициатора или производителя действия, например: *Кто-то догадался, что надо сначала спровадить Ласточку, тогда Карюха **сама** выйдет* [1, с. 12].

Контаминант *самый* со значением ‘как раз’, ‘именно’ употребляется для уточнения, усиления указания, например: *Ненавистна была эта **самая** просеянка потому, что принимала личину злака...* [1, с. 118]. Относясь к имени существительному с семантикой пространства или времени, *самый* передает смысл сосредоточенности, точечности, вычлечения определенное место или время из пределов общего пространства или темпорального континуума, например: *А на печке, забившись в **самый** угол, плакала Катька* [1, с. 196]. *Они [птенцы] опушились, сделались похожими на мягкие шары из ваты – **самое** время взять одного, принести в сад...* [1, с. 145]. При именах существительных, обозначающих явления или предметы, рассматриваемый контаминант акцентирует внимание слушающего на центре этого явления или предмета, например: *Вот это ты в **самую** точку попал, Соловей!* [1, с. 202].

Функция усиления перлокутивного эффекта имеет место в случае использования слова *самый* в составе аналитической превосходной степени качественного имени прилагательного, например: *Карюху вывели на **самое** светлое, солнечное место двора* [1, с. 34].

Гибридное слово *весь* усиливает семантику меры и степени действия, называемого, как правило, глаголом-сказуемым, например: *... Гринька осветился, просиял **весь** от собственной решимости* [1, с. 196].

Бибблиографические ссылки

1. **Алексеев М. Н.** Карюха ; Драчуны : Дилогия / Михаил Алексеев. – М. : Худож. лит., 1985. – 287 с.
2. **Виноградов В. В.** Русский язык : (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие [для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.»] / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
3. **Горбачевич К. С.** *Саму или самоё?* / К. С. Горбачевич // Русский язык в национальной школе. – 1966. – № 2. – С. 35–40.
4. **Кибрик А. Е.** Дискурсивные слова как маркеры нетривиальных операций над значениями : (Наблюдения над лексемой «сам») / А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова // Труды Международного семинара «Диалог'95 по компьютерной лингвистике и ее приложениям», Казань, 31 мая – 4 июня 1995 г. – Казань, 1995. – С. 133–139.
5. **Кибрик А. Е.** Связанные употребления лексемы *сам* : (Системно-когнитивный анализ) / А. Е. Кибрик // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М. : Индрик, 1996. – С. 494–509.
6. **Коробчинская П. А.** Местоимение *самъ* в древнерусском языке / П. А. Коробчинская // Доповіді та повіді Львівського університету. – 1955. – Вып. 6, ч. 1. – С. 143–148.
7. **Костомаров В. Г.** Особенности изучения местоимений *сам* и *самый* / В. Г. Костомаров // Из опыта преподавания русского языка нерусским. – М. : Мысль, 1961. – С. 38–49.
8. **Кузнецов А. М.** К истории форм *сам* и *самый* в русском языке / А. М. Кузнецов // Вестник Москов. ун-та. – М., 1997. – № 4. – С. 49–67. – (Серия 9 «Филология»).
9. **Михайлов М. М.** Значение и употребление местоимений *самый* и *сам* / М. М. Михайлов // Русский язык в школе. – 1957. – № 2. – С. 22–26.
10. **Немченко В. Н.** О разграничении частей речи в русском языке : (Имена прилагательные в их отношении к другим частям речи) : Из лекций по спецкурсу / В. Н. Немченко. – Горький : Горьк. ун-т, 1975. – 79 с.
11. **Никитевич В. М.** Переход, конверсия, транспозиция / В. М. Никитевич // Русское языкознание : сб. ст. – Алма-Ата : КГУ, 1971. – Вып. 1. – С. 102–108.
12. **Пауль Г.** Принципы истории языка / Г. Пауль ; пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. – М. : Наука, 1960. – 500 с.
13. **Паустовский К.** Собрание сочинений : в 9-ти т. / Константин Паустовский. – М. : Худож. лит., 1981. Т. 1 : Романы и повести. – 1981. – 623 с.
14. **Přemysl A.** Рефлексивность и местоимение *сам* / A. Přemysl // Rev. des études slaves. – P., 1994. – Т. 66, fasc. 3. – С. 437–440.
15. **Сидоренко Е. Н.** Очерки по теории местоимений современного русского языка / Е. Н. Сидоренко. – К.–Одесса : Лыбидь, 1990. – 148 с.
16. **Силантьева А. А.** Лексико-семантические свойства *самый* в современном русском языке / А. А. Силантьева // Ученые записки Москов. обл. педагог. ин-та. – 1970. – Т. 278, вып. 17. – С. 161–167.
17. **Словарь** лингвистических терминов / [сост. : О. С. Ахманова]. – [2-е изд.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 605 с.
18. **Тагамлицкая Г.** О грамматической природе слов *сам* и *самый* / Г. Тагамлицкая // Известия АН СССР. – 1969. – Т. 28, вып. 5. – С. 437–444.
19. **Ушакова Л. И.** Местоимения и их аналоги / Л. И. Ушакова // Русский язык в школе. – 1998. – № 1. – С. 85–90.
20. **Федорченко Е. А.** Местоименные контаминанты в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. А. Федорченко. – М., 1995. – 20 с.
21. **Федорченко Е. А.** Местоименные контаминанты в художественном тексте / Е. А. Федорченко // Семантика лексических и грамматических единиц. – М. : МПУ, 1995. – С. 46–51.
22. **Шапиро А. Б.** Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке (лексико-синтаксические заметки) / А. Б. Шапиро // Труды Института русского языка – М. : ИАН, 1950. – Т. 2. – С. 3–37.

23. Шварцкопф Б. С. «Сам идет, самоё ведет» / Б. С. Шварцкопф // Русская речь. – 1967. – № 6. – С. 60–64.
24. Шварцкопф Б. С. Еще раз о местоимении *самоё* / Б. С. Шварцкопф // Русские местоимения : семантика и грамматика. – Владимир : ВГПИ, 1989. – С. 68–82.
25. Шведова Н. Ю. Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Исследования по грамматике русского литературного языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 247–341.

Надійшла до редколегії 14.07.10

УДК 811.111

Yu. V. Serdechny

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

SELF-CORRECTION SKILLS AS PART OF EFL STUDENTS' AUTONOMY

Розглянуто поняття автономії учнів при навчанні іноземним мовам та шляхи її створення. Особливу увагу приділено методиці самоконтролю як важливому засобу досягнення автономії. Запропоновано завдання для розвитку у учнів навичок самоконтролю.

Ключові слова: навчання англійській мові як іноземній, автономія учнів, оцінювання, виправлення помилок, самоконтроль.

Рассмотрено понятие автономии обучаемых при изучении иностранных языков и пути ее создания. Особое внимание уделено методике самоконтроля как важному средству достижения автономии. Предложены задания на развитие у обучаемых навыков самоконтроля.

Ключевые слова: обучение английскому языку как иностранному, автономия обучаемых, оценивание, исправление ошибок, самоконтроль.

The article deals with the notion of learner autonomy in a foreign language class and ways of achieving it. Special attention is given to self-correction methodology as a major means of promoting autonomy. Activities to develop students' self-correction skills and habits are suggested.

Keywords: EFL teaching and learning, learner autonomy, evaluation, error correction, self-correction.

In present-day methodology of teaching foreign languages the problem of learner autonomy arouses mixed feelings and lot of debates. While some educators hail it as a logical way forward, others regard it with deep suspicion, fearing it will put teachers out of job or cause unmanageable chaos in the classroom.

But, as Jon Taylor points out, learner autonomy «might best be described as a road along which teachers guide learners so that they can make the most of the journey» [7, p. 8]. He adds that there may not be the final destination at all, in the shape of complete autonomy, as most students will probably always remain teacher-reliant to some degree.

Given the current relevance of the problem, we may find a whole number of research works dedicated to different approaches to and aspects of learner autonomy. Its general issues as well as questions of self-correction in the English as a foreign language (EFL) teaching and learning have been addressed by such researchers as M.A. Antunes (2002), K. Jackson (2003), J. McDonough & C. Shaw (1983), E. Salter (2006), J. Taylor (2002). Let us make a brief overview of their theoretical theses and practical recommendations for foreign language (FL) teachers and learners.

All of the authors are unanimous about the increasing role of the learner in modern FL classroom. Implicit in many of their ideas is the point that the role of the teacher and

students may and must change over time. The traditional perceptions of teacher as expert, instigator and administrator, and student as passive recipient, are being remodeled, and sometimes profoundly shaken, to make way for other approaches. If the student is being persuaded to take on more responsibility for learning, then the teacher needs to facilitate this responsibility transfer, becoming a guide, counselor, resource manager and negotiator. The change need not be sudden or even complete: traditional roles may still be appropriate and desirable. Delicacy and sensitivity are essential, and resistance on both parts should be expected and tolerated. Learner autonomy should have nothing to do with teachers telling students what to think and how to learn.

There are different definitions of learner autonomy suggested by different authors. One of the most comprehensive ones has been given by J. Taylor, who defines it as «the readiness and ability to take charge of one's own learning» [7, p. 8]. In his view, this readiness involves skills and attitudes which are not necessarily automatic, and which, therefore, need developing. A certain degree of autonomy is always worth encouraging because it raises motivation and speeds up progress. It involves students reflecting on what makes an efficient learner and gives them the skills to become one, using the vast range of resources available to them as efficiently as possible.

The author suggests several steps aimed at promoting, analyzing and evaluating students' learning autonomy [7].

First of all, the teacher is supposed to raise self-awareness of his/her students. They can be encouraged to consider and discover the factors which are influential in language learning, while teachers can assess what their most effective role is. Needs analysis can be conducted so that the students wants and needs have a chance of shaping the syllabus. Teachers can expose learners to study skills and learning strategies, such as how to keep useful notes and how to deal with unknown vocabulary when it arises.

Activities in class can focus on the topic of learning as well as on any other subject. Students can reflect after class and evaluate activities and information, make comments, give opinions, complete forms or learner diaries, assess the extent to which their needs have been met and map out an action plan for future learning. The possibilities are extensive, but all along, the teacher needs to resist the temptation to do everything for them: students will never learn to use a dictionary if the teacher looks up all the words.

Suggested by the author are several practical activities, that can be done in class and steer students a few steps in the direction of their own self-help capability. One of them is so-called «needs analysis», meant to find out what students need or want before a course gets underway. This analysis is not supposed to be complicated and could be done in a form of a discussion or a checklist, such as the one below:

NEEDS ANALYSIS

1 How often do you use English in your everyday life?

all day ☐ once/twice a day ☐
once a week ☐ once a month ☐
rarely ☐ never ☐

2 In what media do you use English?

Reading: newspapers ☐ faxes ☐
emails ☐ letters ☐ novels ☐ other ☐
Writing: memos ☐ faxes ☐ emails ☐
letters ☐ articles ☐ prose ☐ other ☐
Talking: on the phone ☐ socially ☐
in meetings ☐ giving presentations ☐
other ☐

Attending: conferences ☐ dinners ☐
meetings ☐ lectures ☐ films ☐ other ☐

3 What functions do you frequently need to perform in English?

socializing ☐ negotiating ☐ inviting ☐
greeting ☐ presenting ☐ agreeing ☐
enquiring ☐ requesting ☐ interrupting ☐
promoting ☐ describing ☐ explaining ☐
complaining ☐ other ☐

4 Which do you feel you need to improve?

grammar ☐ vocabulary ☐ speaking/
pronunciation ☐ reading ☐ listening ☐
writing ☐ other ☐

5 Which activities do you find useful?

grammar exercises ☐ drills ☐ reading texts ☐
tests ☐ games ☐ songs ☐ drama ☐
discussions ☐ dictations ☐ compositions ☐
listening to cassettes ☐ other ☐

Another activity is evaluating learners' progress. Reviews of what has been going on in class can keep students' attention on the direction to be followed in the future. They can be encouraged to express their opinions and feelings about activities and work done, progress made, and whether the problems are evaporating or clogging the system. This can be done by means of discussion, reflection, learner diaries or by completing a self-evaluation form. In this way students may be able to see more clearly what needs to be done in future.

STUDENT SELF-EVALUATION FORM

1 I give myself the following grades for the progress on this course. (Score 1–10)

Speaking ☐
Listening ☐
Reading ☐
Writing ☐
Grammar ☐
Vocabulary ☐

2 My notes are:

well-organized ☐ complete ☐ clear ☐ OK ☐ messy ☐ non-existent ☐

3 I review my notes:

regularly ☐ sometimes ☐ only before tests ☐ never ☐

4 I do my homework:

always ☐ often ☐ sometimes ☐ rarely ☐ never ☐

5 I speak English in class:

as much as possible ☐ a lot ☐ often ☐ little ☐

6 I speak my own language in class:

only when necessary ☐ often ☐ a lot ☐ too much ☐

7 My favorite class activities are:

.....

8 I don't enjoy:

.....

9. In my free time I practice English using:

videos ☐ TV ☐ radio ☐ cinema ☐ theater ☐ novels ☐ other books ☐ magazines ☐ computers ☐

10 The main difficulties I have with studying English are:

.....

.....

One of the main purposes of FL teaching is to make the oral and written output of the FL learners accurate and correct enough to correspond to the adopted standards and levels of the mastery of a foreign language. It has always been a major task of the teacher to free students of their speech of mistakes, at least those that hamper natural intercourse and create communication problems. Up to the present this task has been solved mainly through the correction of the students' speech output and feedback on the part of the teacher.

Today, when a transition is being made from the teacher-centered to the learner-centered language learning, a question arises about how to shift the emphasis from correction to self-correction and thus to increase the autonomy of the language learners.

All human activities create error. Natural speech often contains repetition, mistakes, hesitation, pauses and filler sounds and words. Language production which aims at greater accuracy and elegance requires care. For non-native speakers there is a special additional difficulty in attempting to express oneself in a foreign language. Often one feels more stupid and liable to make embarrassing mistakes: it is harder to think properly and be oneself.

In a FL class teachers have to pursue a dual goal – they aim both at production and correctness, though which of these two strategies they emphasize varies greatly. Natural speech is learned mainly by production, but most classroom teaching focuses on correctness. Without appropriate feedback some errors can become habitual, yet excessive intervention inhibits. What balance of encouragement and acceptance on the one hand and of critical scrutiny and correction on the other is desirable?

All around the world teachers spend time marking students' work. This should be very helpful and may be insisted on by the school or university administration as well as by the ministry of education authorities, but it is often inefficient in terms of resources and ineffective in terms of progress. Students may well have had enough of schooling already, and too many corrections merely discourage them from trying, from setting and achieving personal academic goals. Even motivated students will be frustrated if the marking seems merely to be for assessment or if they have not been taught good routines for learning from the teacher's corrections.

As stressed by Edwin Salter, «correctness may indeed be a pale virtue compared to vivid language and lively thought, but it is important and sometimes vital» [5, p. 28]. The author distinguishes two sources of error.

The first is language interaction (sometimes also called «language interference»), the particular relationship of the two languages, native and foreign, and difficulties can often be anticipated. Thus, for example, European inflections are generally a problem for Chinese speakers. The second source is individual, a combination of experience and personal factors which influences the quantity and type of error. The researcher terms these two factors the Language Interaction Error (LIE) and the Personal Ideosyncratic Error (PIE). Their combination gives the Profile of Error in Total:

$$LIE + PIE = PET$$

However, simply counting errors is of limited use and a few gross blunders are more serious than a large number of trivial mistakes which do not seriously affect communication. Native production itself contains errors – indeed, natural speech is characterized by what might be called formal irregularities, especially if examined without regard to the gestures and other interpersonal behavior which accompany it.

To sort out the problem of effective error correction, it necessary to tackle it in wider terms of the learner autonomy and look at how this activity, especially guided self- and peer-correction, can form part of a learner's progress towards this autonomy, as well as come up with the techniques that can be used to facilitate it.

In her article «Parallel journey» [2] a British researcher Katherine Jackson considers some of the reasons why students and teachers might want to include self-correction of written work among their long-term goals. Firstly, self-corrections fosters autonomous learning. It does this by helping students develop sensitivity to three areas: their own strengths and weaknesses, differences between their mother tongue and the target language, and the necessity for constant testing out and adjustment of their assumption about how the target language works in the face of new information.

A second reason lies in the nature of the medium itself and the current shift away from seeing writing simply as a *product* and towards teaching writing as a series of skills which make up *process*. Students need to know that teachers do not expect perfectly formed, grammatically correct sentences to flow from their pens and that, for all but the most informal writing, some degree of drafting, re-writing, revision is necessary, even when using one's mother tongue. This implies that there is a need of what Jane McDonough and Carol Shaw refer to as «formative» and «summative» feedback [3], that is a feedback and correction at different stages in the writing process, not only at the end.

There exist a number of techniques and tools for teachers to deal with students' written errors. One of the widely used is mentioned by a Brazilian author Maria Alice Antunes, who suggests using a system of symbols to mark written work [1, p. 31]. She says that some of the symbols used, such as *T* (wrong verb tense), *Sp* (wrong spelling) and *P* (wrong punctuation) are regarded to be more helpful than *Gr* (wrong grammar) and *V* (vocabulary), the symbols covering the broadest areas.

Others, like K. Jackson, are in favor of breaking down the large category of «grammar» into subcategories, e.g. *grammar-concord*, *verb pattern*, *word order* etc. [2, p. 19]. She also thinks it helpful to provide a clear indication for students of where they could find the information necessary to correct the error – referring them to the relevant section of their course book or some other reference or grammar book, using the margin or a blank line between each line of writing.

Once the students have seen the list of error categories, they may be given photocopied examples of marked work from other classes at the same level to provide them with as many examples as possible of mistakes which fall into the different categories. Class discussion of why a particular error fall into a particular category and how it might have been corrected may be a follow-up activity.

«Vocabulary» is another huge area which also can be usefully divided into smaller units, such *collocations* and *not appropriate*. Using the term *wrong word* rather than *vocabulary* may also be less intimidating for the students. Nevertheless, they will continue to have difficulty in correcting in this area unless some time is spent on familiarizing them with monolingual dictionaries and how to extract the information they need from them. Here learner training activities and dictionary quizzes designed to show students the range of information they can find in an entry can be very useful. However, students also need to be made aware of *how* the information is expressed, often through abbreviations and example sentences provided in the dictionary.

Different authors [2, 6, 7] stress students' confidence in their ability to correct mistakes without the teacher as a vital factor of self-correction. One way to build this is to get students to work in pairs on sentences put on the board or OHP. These can include those registered by the teacher during students' oral production in group and pair work. Flexibility and judgement are necessary in order not to discourage students by expecting too much too soon. For example, when they make errors attempting to use grammatical forms and lexis they are not familiar with, it is unlikely that referring them to their text- or grammar book will be enough. The teacher can choose to correct this type of error for the student, making a note to include it in future class work, if appropriate.

This type of guided self-correction is a long-term and complicated task. It takes class time and teacher commitment to implement, and the students' reaction to it will vary according to their individual learning styles and educational backgrounds. In the long-term perspective students can be shown how it can be used to analyze and record the mistakes they make and how these may vary according to the type of text involved (letter, essay, report, etc.); it will also allow them to evaluate progress. If the teacher is lucky enough to teach the same class for more than one academic year or to have several lessons a week with them, the technique lends itself to becoming progressively less guided as the students' confidence and competence grow. Peer correction, using the same system of codes/abbreviations, can be introduced as soon as the students are used to having work marked this way. Teachers can decide to focus on one type of error only when marking a piece of work, e.g. use of articles, and then simply indicate in their marking which line contains an error, leaving the student to identify where the error is and correct it. Finally, the teacher can take the stress out of the least guided forms of correction by just indicating the number of errors without specifying their place and type. Mario Rinvulcri suggests turning this type of correction into a team game or dictation [4].

The most advanced stage of student self-correction seeks to develop their independent «error-identifying» skills and may take the following eight forms:

1. All students are given a copy of the same text, which contains several errors. As the teacher reads through the text at a carefully chosen pace, students raise their hands to indicate errors. At its simplest the focus may be on one error category only, with the teacher gradually increasing the pace, but this basic strategy offers many variants. For example, differently colored cards may be held up to indicate different error categories. A class may be divided into competing teams. Teams of students can prepare texts to be used with other teams, using unobvious mistakes trying to catch out their opponents.

2. A faulty text is provided and the total number of errors is announced (as further help, the errors categories may also be given). Students work together in teams to discover all the errors as quickly as possible.

3. Students sit in circle and each makes as many corrections as possible to the same faulty text. The copies are then passed on to the next person in the circle and again corrected, and so on. The winner is the last student still able to find errors to correct.

4. Each student corrects their own work and produces an error count. Working with a partner on both their pieces of work will increase this. Finally, working in fours, they should be able to identify even more errors in each piece as skills are shared.

5. A text with corrections is given out and students have to discuss the errors and suggest ways of categorizing them.

6. Each student has a fully corrected piece of their own work and identifies the error categories. Sharing the task with others should clarify the chief language interaction errors.

7. Students correct their own work and prioritize the errors which they will then target in their future work. Each has a partner for help in checking for the target errors in future.

8. A record of progress is shared by teacher and student. This may include quantitative measures such as marks, but should also show qualitative change as some problems are overcome, new issues arise and new contexts for language use are explored, e.g. «real-life» communication.

Summing up all the above said, we may state that corrections should be well judged in quantity for motivation, and well designed in quality for understanding. Knowing one has made errors is of very limited use compared to having explanations which will help avoid them in future.

Greater use can often be made of peer teaching, and the skills of self-correction and of active response need to be taught rather than assumed. Teacher and student can progress more rapidly and pleasantly as a team with a common purpose. This empowers the learner and provides a model for continuing to learn through life.

The trends of further work in the area of self-correction techniques and activities might deal with greater specialization in correcting concrete types of mistakes (lexis, grammar, style, pragmatics, spelling, punctuation), differentiating those techniques and activities depending on the level of language proficiency of learners, starting with the elementary one, as well as designing self-correction methodologies meant specifically for written and oral output.

As Jon Taylor puts it, «complete autonomy will not be the final destination for the majority of students and may remain a mirage on the horizon forever» [7, p. 10], nor will achieving native-like fluency and accuracy ever be their objective. However, self-correction techniques can help student make progress on both these parallel journeys, on the one hand preparing them to take some responsibility for what they learnt and on the other by giving them means to analyze, understand and learn from their mistakes. Increasing learner autonomy requires corresponding changes in teachers, too, the most difficult of which may be letting students do their speaking or writing without jumping in with the correct answer.

References

1. **Antunes M. A.** Correction techniques / M. A. Antunes // English Teaching professional. – 2002. – № 24. – P. 30–31.
2. **Jackson K.** Parallel journey / K. Jackson // English Teaching professional. – 2003. – № 29. – P. 18–20.
3. **McDonough J.** and **Shaw C.** Materials and methods in ELT: a Teacher Guide / J. McDonough, C. Shaw. – London : Blackwell, 1983. – 214 p.
4. **Rinvoluncri M.** Grammar games / M. Rinvoluncri. – Cambridge : CUP, 1984. – 196 p.
5. **Salter E.** Hunting for howlers 1 / E. Salter // English Teaching professional. – 2006. – № 47. – P. 27–29.
6. **Salter E.** Hunting for howlers 2 / E. Salter // English Teaching professional. – 2006. – № 48. – P. 26–27.
7. **Taylor J.** The road to autonomy / J. Taylor // English Teaching professional. – 2002. – № 24. – P. 8–10.

Надійшла до редколегії 22.02.11

УДК 811.161.1'373.611

Л. С. Сухобрус

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков

ВОПРОС ОБ УТВЕРЖДЕНИИ В ЯЗЫКЕ КОМПОЗИТОВ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Проаналізовано процес трансформації композитів у лексичні деривати; дано визначення поняття лексикалізації, вибрано єдиний правильний шлях його аналізу; запропоновано функціональні схеми досліджуваного процесу; описано роль явища лексикалізації у процесі збагачення лексичної системи мови; зроблено висновки про особливості лексикалізації композитів.

Ключові слова: номіна тема, композит, лексикалізація.

Проанализирован процесс трансформации композитов в лексические дериваты; дано определение понятия лексикализации, избран единственный в данном случае верный путь его анализа; предложены функциональные схемы исследуемого процесса; описана роль явления лексикализации в процессе обогащения лексической системы языка; сделаны выводы об особенностях лексикализации композитов.

Ключевые слова: номинатема, композит, лексикализация.

The article is about analysis of composites' transformation process into lexical derivatives. The definition of lexicalization is given, the right way of its analysis is changed. The functional schemes of this process are proposed. Role of lexicalization in enlarging process of lexical language system is described. The conclusions about composites' lexicalization peculiarities are done.

Keywords: nominateme, composite, lexicalization.

Целью данной статьи является анализ процесса становления аппозитивных композитов, имеющих своим источником речевые реализации номинатем со словесной доминантой.

Такие образования, как *интернет-кафе*, *данс-клуб*, *данс-холл*, *гей-парад*, *бизнес-план*, *бизнес-ланч*, *бизнес-тур*, *шоу-балет*, *блиц-гейм*, *ток-шоу* и т. п., изначально являясь заимствованиями, традиционно представляются дериватами, возникшими в языке-источнике или в русском языке посредством сложения основ. Мы считаем, что целесообразно предложить иной путь исследования подобных единиц.

Довольно часто говорится о том, что «при рассмотрении аппозитивных словосочетаний возникает проблема отличия словосочетания от сложного слова» [6, с. 36]. Что же такое *бал-маскарад*, *жар-птица*, *Москва-река*, *альфа-лучи*, а также вышеуказанные образования – слова или словосочетания?

Е. А. Земская отмечает, что «состояние современного русского языка в конце XX столетия, изменения, которые в нем происходят, нуждаются во внимательном изучении и освещении с целью выработки оценок и рекомендаций с позиций объективности и исторической целесообразности» [3, с. 5].

В 90-е годы XX века одним из наиболее активных и социально значимых языковых процессов оказался процесс заимствования иноязычных слов. Иноязычное слово, чаще всего английское, в современном русском контексте является одной из примет языкового вкуса времени. Русский язык всегда был открыт для заимствований, в его лексике большой процент составляют иноязычные слова разного происхождения.

Именно заимствования определенного типа и послужили материалом данной статьи. Они настолько плотно вошли в русский язык, что их словообразова-

тельные, грамматические, семантические особенности необходимо рассматривать в контексте первоначально новой для них системы.

Обычно тип образования подобных лексических единиц называется словосложением. Сущность его состоит в «морфологическом соединении двух или более корней (основ)» [5, с. 469]. В результате подобного словообразовательного акта образуется сложное слово, или композит. Словосложение занимает промежуточное положение между морфологическим и синтаксическим способами словообразования, обладая чертами того и другого.

Исследуемому типу композитов присущи признаки цельнооформленности, а именно:

1. Стирание грамматического значения компонентов (*кафе с услугами интернета – интернет-кафе*);
2. Фиксированный порядок компонентов исходного словосочетания (прилагательное + существительное) и производного композита (основа прилагательного + основа существительного), изменение которого могло бы повести к изменению значения слова (*интернет-кафе*, но не *кафе-интернет*);
3. Наличие одного главного ударения (*бизнес-центр, шоу-бизнес*);
4. Особый графический облик сложного слова – слитное (или дефисное) написание (*шеф-повар, данс-холл*);
5. Особый вид синтаксических отношений, заимствованный у исходного словосочетания, и тип синтаксической связи, также заимствованный у исходного словосочетания, соответственно – подчинение и согласование.

Н. В. Дьячок замечает, что «все ученые, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные» [2, с. 56], например: *кафе – интернет-кафе, холл – данс-холл* и т. п. Однако Е. А. Земская справедливо считает, что, «обсуждая состояние русского языка сегодняшнего дня, надо разграничить вопросы собственно языковые и вопросы речевой практики...» [3, с. 5]. А данные образования являются продуктом именно сегодняшнего дня.

Альтернативное решение проблемы определения статуса так называемых композитов исследуемого типа было предложено В. И. Теркуловым. Лингвист рассматривает каждый такой «дериват» как единицу, которая входит в разряд структурных разновидностей номинатемы со словесной доминантой, то есть является семантически тождественной единицей, отождествляющейся на уровне слова. Данная единица относится к структурной разновидности номинатемы с доминантой-словом, квалифицирующейся как «слово, распространенное зависимой полнозначной лексемой, выполняющей функцию семного конкретизатора» [7, с. 133], а сама она является – согласно теории В. И. Теркулова – атрибутивным словосочетанием. Так, например, в словосочетании *интернет-кафе* существительное (а – традиционно – первая основа композита) *интернет* является семным конкретизатором потенциальной семы «разновидность» существительного *кафе*.

Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах, причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически не отличающееся от эквивалентного словосочетания какими-либо чертами разговорности или сленговости, например *интернет-кафе, данс-клуб, данс-холл, бизнес-ланч* и т. п. Предложенная В. И. Теркуловым концепция «не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоре-

чия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой, языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности – номинатемой» [7, с. 135].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, исследуемые композиты являются альтернативными формами номинатом исследуемого типа и, во-вторых, являются их речевыми реализациями. В связи с этим также было бы некорректным считать данные композиты результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения – деривационным. Ведь они уже квалифицируются нами как словосочетания.

Например, Е. А. Земская, присоединяясь к мнению большинства ученых, считает все композиты предложенной структуры исключительно продуктом словообразования. Но в пользу выдвинутой нами вслед за В. И. Теркуловым теории о равнозначности вариантов (словосочетание – слово) номинатемы красноречиво свидетельствуют ее тезисы относительно данной проблемы.

«Вариантность обычно рассматривается в отношении к нормативности (нормативное – ненормативное), а также к временной отнесенности (устаревшее – новое). Кроме того вариантность обнаруживается и в функциональном плане (общеупотребительное и специальное, функционально закрепленное)» [3, с. 23]. А также вариантность можно рассматривать как конкуренцию средств выражения. В результате этой конкуренции побеждают варианты наиболее удобные и целесообразные для конкретных условий общения, т. е. конкуренция – это закономерное явление, продиктованное коммуникативной целесообразностью» [3, с. 23]. Вариантность, по мнению ученой, активно используется при создании социально-профессиональных различий языковых средств, их возрастной и функционально-стилевой дифференциации.

Вариантные языковые знаки (слова, их формы и реже – словосочетания) должны обладать определенным набором признаков: общим лексическим значением, единым грамматическим значением и тождеством морфологической структуры. Такое единство признаков наблюдается в соотношении *слово – сочетание слов* исследуемого типа.

Процесс появления исследуемых единиц в речи, а потом и в языке, очень активен и – более того – закономерен. Лингвисты отмечают возникновение большого количества подобных композитов или же, согласно принятой нами терминологии, слов, тождественных исходному словосочетанию (эквивалентов слов, моно- и бивербальных реализаций номинатом типа «слово, распространенное зависимой полнозначной лексемой, выполняющей функцию семного конкретизатора») в XX веке, особенно в последние его десятилетия. Существует три основные причины «изготовления» новых имен, слов и выражений. Во-первых, компрессия в словообразовании объясняется действием закона экономии речевых средств, особенно сильно проявляющегося в разговорной речи. Во-вторых, спонтанно возникают новые явления, нуждающиеся в назывании. В-третьих, могут иметься причины для изменения имени уже существующего явления. За такими изменениями имен могут стоять факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т. п.

Так или иначе, исследуемые нами реализации номинатом функционируют в языке благодаря процессу лексикализации.

Термин *лексикализация* в языкознании стал применяться для обозначения процесса превращения свободных словосочетаний или группы слов в устойчивые фразеологические словосочетания: *бить баклуши – бездельничать*.

Уже на раннем этапе изучения устойчивых фразеологических сочетаний были отмечены такие их признаки, как цельность значения, его невыделимость из значений компонентов. Эту особенность имел в виду Ш. Балли, когда писал о «забвении смысла составных частей» фразеологического сочетания. По наблюдению Я. Розвадовского, устойчивые словосочетания семантически воспринимаются как единства. Было отмечено также, что в предложении фразеологические сочетания функционируют как один член предложения. Именно эти особенности (семантическая целостность, функционирование в речи в качестве отдельных слов), сближающие их со словами, и дали основание исследователям назвать процесс превращения свободных словосочетаний в устойчивые. О. Д. Кузнецова отмечает, что «этот процесс понимался как появление языковых единиц, схожих со словами, подобных словам» [4, с. 114].

Вместе с распространением термина **лексикализация** само понятие, обозначаемое им, начинает расширяться. Термин получает разные значения. О. С. Ахманова **лексикализацией** называет превращение отдельной формы слова (если последняя начинает употребляться в особом значении) в самостоятельное слово. Например, древняя форма повелительного наклонения глагола *речи* – *рцы* (*рьци*) получает новое значение, отличное от значения слова *речи* (*рцы* – название буквы кириллицы). Признание лексической отдельности за формой слова, имеющей особое значение, в данном случае опирается на соответствующее понимание дублетизации как способа образования новых слов.

Лексикализация, по мнению Д. Н. Шмелева, – это также «образование нового слова из его отдельных форм вследствие изменения лексического значения грамматико-синтаксической функции» [8, с. 46].

Новое, необычное, по мнению О. Д. Кузнецовой, понимание термина **лексикализация** сложилось в польской науке. На формирование его большое влияние оказали взгляды крупнейшего польского лексиколога и лексикографа В. Дорошевского. Под лексикализацией он понимал утрату словом понятийной структуры, процесс «забвения» связей с родственными словами, выпадение слова из группы родственных ему слов. В самом понятии о предмете (явлении) исчезают представления о связи его с другими словами, так как эти связи исчезают. Представления о предмете (явлении) концентрируются только в нем одном. «В тех случаях, когда существительное является не только прилагательным «в субстантивном употреблении», но и отличается от производящего слова своей структурой, то есть его показателем является словообразовательный формант, в определении заглавного слова будут преобладать структурные или предметно-семантические элементы в зависимости от степени лексикализации определяемого слова» [1, с. 236].

Эта своеобразная трактовка термина нашла отражение и в словаре польского языка: «Лексикализация. Преобразование слова с четким словообразовательным строением в слово, осознаваемое как целостное, выполняющее свою функцию независимо от своих этимологических составных» [9, с. 86]. Например: *крыло* – *крыльцо*, *начало* – *конец*, *обречь* – *оброк*, *плести* – *плот*, *влечь* – *волк* и т. п.

Мнение, высказанное В. Дорошевским, очень интересно, но оно отнюдь не опирается на понимание фразеологических сочетаний Ш. Балли, как считает О. Д. Кузнецова. Базой для теории В. Дорошевского являются, на наш взгляд, морфонологические изменения слова (точнее – морфонологическое словообразование). И именно они, эти изменения, придают особый характер пониманию термина: просто лексикализацией подобное явление назвать нельзя, так как отношения между производящим и производным словами меняются, что отступает от

типичной, традиционной трактовки термина **лексикализации** (утверждение в языке конкретной грамматической или лексической единицы).

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966) как бы подводится итог сделанному в изучении лексикализации и следующим образом толкуется значение слова **лексикализация**: «Процесс превращения некоторого элемента (морфемы, фонемы; формы слова, варианта слова) или сочетание элементов (словосочетания) в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова», причем отношения между «производящей» и «производной» единицами не изменяются. Например, словосочетание *альфа-луч*, альтернативное слову *луч*, утвердилось как самостоятельное в языке благодаря лексикализации формы номинатемы со словесной доминантой *луч*; при этом отношения между производящим и производным элементами не изменились: оба сложных слова в традиционном понимании осознаются как родственные».

Из данного определения видно, какое значение было присвоено термину русскими лингвистами, что является вполне оправданным, так как в любом случае лексикализированный элемент служит «обогабителем» лексической системы языка.

В нашем случае процесс лексикализации может быть представлен следующим образом:

$$\begin{array}{ccc} & \mathbf{WCom} \rightarrow & \mathbf{D} \\ \mathbf{Nom} & & \mathbf{W}, \end{array}$$

где **Nom** – номинатема, **WCom** – ее вариант-словосочетание, **W** – ее вариант-слово, **D** – новое слово (дериват) – результат лексикализации словосочетания-композиата. Например,

$$\begin{array}{ccc} \begin{array}{l} \text{альфа-луч} \\ \text{номинатема} \\ \text{(луч)} \end{array} & \rightarrow & \text{альфа-луч} \\ \begin{array}{l} \text{луч;} \\ \text{интернет-кафе} \\ \text{номинатема} \\ \text{(кафе)} \end{array} & \rightarrow & \text{интернет-кафе} \\ & & \text{кафе.} \end{array}$$

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) композиты в традиционном понимании являются альтернативными формами номинатем исследуемого типа и являются их речевыми реализациями – словосочетаниями; 2) в связи с этим было бы некорректным считать исследуемые единицы результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения – деривационным; 3) омонимичные соответствующим атрибутивным словосочетаниям дериваты появляются в языке посредством лексикализации – процесса превращения варианта конкретной номинатемы в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова; 4) в результате лексикализации отношения между производящей и производной единицами не изменяются.

Библиографические ссылки

1. Дорошевский В. Элементы лексикализации и семиотики / В. Дорошевский. – М. : Наука, 1973. – 288 с.
2. Дьячок Н. В. О трансформации универбов в лексические дериваты / Н. В. Дьячок // Східнослов'янська філологія. – Горлівка : ГДПШМ, 2009.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия. – М. : Наука, 1996. – 240 с.

4. Кузнецова О. Д. О понятии лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах / О. Д. Кузнецова // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 113–118.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
6. Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках / Т. Н. Молошная. – М., 1975.
7. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луган. нац. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.
8. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1964. – 260 с.
9. Słownik języka polskiego / red. naczelny W. Doroszewski. – Warszawa, 1963. – 464 p.

Надійшла до редколегії 10.03.11

УДК 811.161.1'373.2

И. И. Турута

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ КОМПОНЕНТОВ СОВРЕМЕННЫХ СОСТАВНЫХ ЭРГОНИМОВ

На прикладі слів просторової семантики та семантики множини, які виступають стрижневими компонентами в сучасних складених ергонімах, розглянуто особливості лексичної сполучуваності структурних елементів даної групи онімів в російській та українській мовах.

Ключові слова: ономастика, онім, ергонім, семантика, валентність.

На примере слов пространственной семантики и семантики множества, выступающих стержневыми компонентами в современных составных эргонимах, рассмотрены особенности лексической сочетаемости структурных элементов данной группы онимов в русском и украинском языках.

Ключевые слова: ономастика, оним, эргоним, семантика, валентность.

On the example of words of semantics of dimension and semantics of plurality, acting as head components in modern compound ergonyms, there are examined peculiarities of lexical combinatory of structural elements of mentioned homonyms group in Russian and Ukrainian languages.

Keywords: onomastics, onym, ergonym, semantics, valency.

Одним из законов развития языка, как известно, является закон экономии языковых средств или принцип «экономии усилий» (А. Мартине), который в разных языках и в разные исторические периоды действует с большей или меньшей интенсивностью. В русском языке результаты данного закона наиболее активно начали проявляться с середины XX в. как реакция на постоянное увеличение получаемой человеком различного рода информации. Об этом свидетельствует большое число слов, созданных на базе словосочетаний, среди которых и аббревиатуры, и универбы, как давно освоенные разговорной или профессиональной речью (*коммунка*, *маршрутка*, *электричка*), так и новые: *генералка* (генеральная доверенность), *наружка* (наружная реклама), *социалка* (социальная сеть) и др.

Однако на фоне этого процесса все возрастает и противоположный, направленный на увеличение компонентов того или иного наименования, на создание составных наименований, выполняющих не только функцию номинации, но и характеристики и оценки.

К таким наименованиям относятся современные эргонимы, в первую очередь названия магазинов и различных торговых и производственных фирм, которые в структурном плане при наличии однословных («Вернисаж», «Класс!», «Мамзель», «Смотри», «Твое») все же чаще являются составными, представляющими собой различного типа словосочетания.

В современной ономастике проблеме изучения эргонимов как особого класса онимов, их семантике, структуре, функциональным характеристикам, отражению в них национальной картины мира уделяется пристальное внимание ученых, о чем свидетельствуют диссертационные исследования последнего десятилетия, в частности О. Е. Белея [2], А. М. Емельяновой [5], Н. В. Кузузы [7], Н. Н. Лесовец [9], М. Н. Цылыны [13], С. А. Шестаковой [14], Н. В. Шимкевич [15] и других. Что же касается составных эргонимов, то они рассматриваются или в общей системе данного класса онимов, или в определенном, достаточно узком аспекте, например, с точки зрения их орфографии, чему посвящена диссертация М. Я. Крюковой [6], при этом характеристика их компонентного состава практически не учитывается.

Недостаточная изученность составных эргонимов в целом и лексико-семантических характеристик их компонентов в частности стала причиной обращения к данному языковому материалу в настоящей статье, целью которой является установление особенностей лексической сочетаемости структурных элементов составных эргонимов, а также стремление проследить на их примере отражение основных процессов в классе современных эргонимов и шире – основных языковых процессов, характерных для конца XX – начала XXI веков.

К самым распространенным структурным типам составных эргонимов следует отнести субстантивно-субстантивные («Зодчие комфорта»*, «Крик души», «Мебель века», «Щастя життя») и атрибутивные словосочетания («Вся мебель», «Ваша пара», «Маленькая леди», «Счастливый взгляд»), хотя используются и другие модели, число которых постоянно возрастает («Буду мамой», «Все для вашего малыша», «Галопом по Европам», «Диваны тут», «Для душа и души», «Крепких снов», «Мебель из дворянского гнезда», «Праздник для всех», «Пузики и карапузики», «С легким паром», «Только шелк», «Шаг навстречу», «Шкафы от Федора», «Як Барбі» и др.).

Понятно, что название магазина, производственной фирмы «Двери» или «Окна» вполне информативно, но лишено прагматической и рекламной функций, которые могут реализовываться за счет использования образных средств («Ветер моды», «Золото азарта», «Смерть мужьям», «Тюфельки для авто», «Шальная леди»), в том числе прецедентных текстов («Барышня и хулиган», «Боярыня Морозова», «Клуб кинопутешествий», «По семейным обстоятельствам», «38 попугаев»), игры слов («Братья Дивановы», «Твій додир» – магазин бытовой химии, «Ваша светлость» – магазин осветительных приборов) и т. д. Поэтому большая часть современных торговых предприятий имеет развернутые названия, содержащие различные характеристики продаваемых, рекламируемых предметов или оказываемых услуг, чаще всего выраженные атрибутивными словами («Взрослые праздники», «Европейский посуд», «Дела семейные», «Ділова мода», «Идеальный размер», «Зручні авіакаси», «Новый интерьер», «Стильные кухни»).

С конца XX в., который можно охарактеризовать как эргонимный бум, создаются самые разные в структурном, смысловом и стилистическом плане наименования торговых, производственных, развлекательных предприятий, соответствующие (магазин часов «Формула времени», магазин подарков и сувениров «Знаки

* Все эргонимы отобраны из различных информационных источников России и Украины и являются реальными наименованиями.

внимания») или не соответствующие профилю их деятельности (СТО «Дионис», дом мебели «Миф»), но при этом вполне отвечающие требованиям осуществления рекламной и воздействующей функций.

Однако среди этого многообразия подчас самых необычных и неожиданных наименований, нередко основанных на, казалось бы, несоединимых понятиях, можно установить некоторые закономерности. Так, в качестве стержневых компонентов составных субстантивно-субстантивных наименований стали активно использоваться слова, содержащие в своей семантике пространственную сему, такие как «дом», «галерея», «квартира», «территория» и некоторые другие.

Слово «дом/будинок (дім)» является одним из самых распространенных из данной группы, характерным еще для эргонимии советского периода («Дом торговли», «Дом книги», «Дом обуви», «Будинок тканей»), новые же наименования этого типа включают самые разные зависимые компоненты, указывающие на специализацию торговых предприятий: «Дом дверей», «Дом керамики», «Дом кухни», «Дом моды», «Дом техники», «Дом хлеба», «Дом цветов», «Дом для твоего компьютера» и т. д.

Это же слово как пример расширения значения за счет расширения сферы его употребления приводит Н. С. Валгина при характеристике семантических преобразований в лексике русского языка в конце XX в. [4, с. 83].

Ближе всего к слову «дом» в названной группе находится слово «галерея», которое, помимо пространственного значения («1. Длинное и узкое помещение...»), имеет и значение «4. Специальное помещение, в котором размещены для обозрения предметы искусства» [3, с. 192], синонимичное слову «выставка», поэтому эргонимы «Галерея встраиваемой техники», «Галерея диванов», «Галерея мебели», «Галерея подарков», «Галерея старинных книг», по сути, называют выставки-продажи указанных предметов быта и мебели.

Особое место в рассматриваемой группе занимает слово «территория», которое выражает самую обобщенную характеристику пространственного значения («Земельное пространство в определенных границах» [3, с. 1320]). Употребление этого слова в составе эргонима для обозначения торгового предприятия (например, «Территория твоей техники», «Територія ноутбуків», «Територія низьких цін») является показателем расширения его синтагматики, что позволяет говорить о появлении значения «место продажи», следовательно – о расширении значения слова «территория», обогащении его новыми смысловыми нюансами. Ведь, как отмечает Н. Ф. Алефиренко, «в конкретном речевом употреблении слова лексическое значение... как бы вбирает в себя и коммуникативные намерения говорящего, и взаимоотношения его с конкретными или воображаемыми адресатами, и речеситуативные обстоятельства, и стилистический климат эпохи...» [1, с. 68].

На рубеже XX–XXI вв. вместо привычных магазинов и универсамов появились супермаркеты, гипермаркеты, торговые и торгово-развлекательные центры, которые призваны привлекать покупателей не только многообразием товаров, но и большими, подчас огромными торговыми площадями. Это и стремятся подчеркнуть владельцы данных предприятий в их названиях, в частности за счет слов с пространственной семантикой.

Именно наличие пространственного значения у слова «долина» («Ровное пространство...» [12, с. 424]) позволяет ему в составе эргонима «Долина мебели» выступать показателем большой территории магазина.

Пространственным значением характеризуются и слова, относящиеся к группе административно-территориальных наименований, таких как «страна» («2. Местность, территория» [3, с. 1276]), «город» (этимологическое значение: «Огражденное место» [11, с. 52]), «квартал» («2. Часть города» [3, с. 424]), которые до-

вольно часто входят в состав современных эргонимов-словосочетаний, совмещая указание на место продажи конкретных товаров («Город книг», «Серебряный город» – магазин ювелирных изделий, «Мебельная страна», «Меблевий квартал») или товаров определенной направленности («Маленькая страна» – магазин товаров для детей) и на их разнообразие.

Слово «царство», также обладая пространственной семантикой («3. Место, область, сфера...»), имеет еще сему, указывающую на преобладание кого-, чего-л. (где «...господствуют те или иные явления...» [3, с. 1457]), что позволяет ему формировать составные эргонимы («Царство дверей», «Царство сумок»), которые по своему значению эквивалентны фразе «здесь продается только данный товар».

Наличие у слова «линия» оттенка значения «3. // Название некоторых улиц или их сторон, торговых рядов и т. п.» [3, с. 497] дает право и его включить в группу слов с пространственной семантикой. Данное слово в составе атрибутивных конструкций давно употребляется для наименования торговых рядов (например, *желтая линия* на «Славянском рынке» г. Днепропетровска, *Невская линия* в универмаге «Гостиный двор» Санкт-Петербурга), указанное значение позволило использовать его и в составных названиях магазинов («Золотая линия», «Модная линия»). Однако употребление слова «линия» в составе собственных имен, представляющих собой субстантивно-субстантивные сочетания, например, «*Лінія меблів*», является новым и подтверждает отражение в эргонимах современных тенденций в изменении синтагматики некоторых слов.

Уже названный эргоним «Гостиный двор» является результатом онимизации устойчивого сочетания «гостиный двор» («Торговые ряды в специально выстроенном здании» [3, с. 223]) со стержневым компонентом пространственной семантики «двор» («3. Помещение...» [3, с. 242]). По аналогии с данным сочетанием и другими историзмами типа «заезжий двор», «постоялый двор», а также наименованием государственного учреждения «монетный двор» в настоящее время создаются составные эргонимы «*М'ясний двір*», «*Печатный двор*», «*Столярный двір*» и др., выполняющие не только функцию номинации, но и стилизации под старину.

Общее пространственное значение представлено и в словах «материк» («Обширное пространство суши...» [3, с. 525]), «континент» («Одна из основных крупных частей суши...» [3, с. 451]), объединенных указанием на огромную («мега») территорию, к которым примыкает и название одного из космических объектов – «планета» («1. Большое небесное тело...» [3, с. 837]). Первые два слова чаще всего используются в однословных названиях крупных магазинов – мегамаркетов, гипермаркетов, действительно, занимающих большие площади («*Материк*», «*Континент*»), хотя вовлекаются и в атрибутивные конструкции («*Детский континент*», «*Новый континент*»), а вот слово «планета» в большинстве случаев является стержневым компонентом эргонимов-словосочетаний: «*Планета воды*», «*Планета дверей*», «*Планета подарков*», «*Планета сумок*», «*Планета суши*», «*Планета фруктов*» и т. д.

Следует отметить, что в приведенных выше примерах зависимые компоненты, называющие товары, продаваемые в данных магазинах или создаваемые торгово-производственными предприятиями, являются конкретными существительными. Но в указанных конструкциях могут употребляться и абстрактные субстантивы, связь которых с названиями конкретных товаров отражает родовидовые отношения между нарицательным и собственным названием («*Территория красоты*» – косметологический центр, «*Планета здоровья*» – аптека) или осуществляется в результате метонимического переноса: «*Галерея мобильной связи*» (мобильная связь ← мобильные телефоны), «*Галерея света*» (свет ← осветительные приборы), «*Галерея уюта*» (уют ← предметы быта, способствующие созданию уюта в доме).

Возвращаясь к характеристике самого частотного компонента в данной группе эргонимов слова «дом/дім», необходимо отметить, что с пространственным значением оно широко используется и в эргонимах-атрибутивных словосочетаниях, которые прямо характеризуют вид товара или род деятельности предприятия («*Гитарный дом*», «*Ковровый дом*», «*Оконный дом*», «*Паркетный дом*»), опосредованно («*Кошкин дом*», «*Махровый дом*», «*Музыкальный дом*», «*Сталевий дім*») или через различные и не всегда однозначно воспринимаемые ассоциации («*Воздушный дом*» – магазин фейерверков, «*Дім фараона*» – магазин сувениров из стран Востока).

Помимо пространственного значения, слово «дом/дім» в составных эргонимах реализует и значение '2. Жилое помещение, квартира; жилье' [3, с. 272]: «*Теплый дім*» – магазин по продаже окон и дверей, «*Уютный дом*» – продажа товаров для дома, «*Чистый дом*» – фирма по чистке ковров, мягкой мебели.

Еще одной особенностью современных эргонимов-словосочетаний является употребление в их составе слов, прямо или косвенно характеризующих большой объем товаров или предлагаемых услуг, их многообразие.

Первое место по частоте употребления в этой группе занимает слово «мир/світ», которое благодаря наличию в его семантической структуре оттенка значения '4. / ...о совокупности каких-л. явлений, предметов, окружающих человека' [3, с. 544] используется в эргонимах субстантивно-субстантивной модели «мир чего-то». Под этим «что-то» скрываются наименования любых товаров, услуг, которые может предложить покупателю (или пользователю) торговая сеть или сфера обслуживания: «*Мир автошин*», «*Мир Барби*», «*Мир клеенки и пластмассы*», «*Мир клея*», «*Мир колбас*», «*Мир колготок*», «*Мир лодок*», «*Мир массажа*», «*Мир ножей*», «*Мир пультов и микросхем*», «*Мир сумок*», «*Мир удивительных подарков*», «*Мир УЗИ*», «*Мир халатов*», «*Мир шашлыка*»; «*Світ вітрин*», «*Світ вбудованої техніки*», «*Світ гардин*», «*Світ доступних цін*», «*Світ жіночої білизни*», «*Світ канцелярії*», «*Світ саун*» и многие другие.

Аналогично слову «дом/дім» слово «мир/світ» также широко употребляется в атрибутивных составных эргонимах, в которых именно атрибутивный компонент указывает на вид товара или род деятельности предприятия: «*Брючный мир*», «*Кукурузный мир*», «*Лыжный мир*», «*Метизный мир*», «*Мясной мир*», «*Швейный мир*», «*Флористический мир*», «*Паркетный світ*», «*Шкіряний світ*» и т. д.

Такое многообразие товаров, заявленных в данных эргонимах, свидетельствует о детальной специализации современной торговли, о ее направленности на выполнение любых запросов потребителей.

Структурные модели составных эргонимов с компонентом «мир/світ» можно считать самыми востребованными в современном нейминге, о чем свидетельствует, например, далеко не полный список названий российских магазинов со словом «мир», составленный пользователями Интернет и насчитывающий 110 неповторяющихся примеров [8].

Для наименования изобилия товаров в составных эргонимах используются также слова, вторичные значения которых служат для характеристики какого-то множества. Чаще всего это слова «водной» семантики «море» ('5. Огромное количество, чрезвычайное обилие кого-, чего-л.' [3, с.556]) и «океан» ('3. Книжн. Обилие, необъятная, неизмеримая масса чего-л.' [3, с.707]), а также новое для эргонимии слово «гора» в его разговорном значении '4. Разг. Множество...' [3, с.218]. Например: «*Море мебели*», «*Море подарков*», «*Океан дверей*», «*Океан обуви*», «*Океан пива*», «*Гора матрасов*» и др.

Образное обозначение обилия товаров, предлагаемых покупателю конкретным торговым предприятием, часто создается на основе слов, которые называют

предметы, характеризующиеся определенной вместимостью, например, «*варежка*», «*копилка*», «*ларец*», «*ложка*», «*лукошко*», «*кишеня*», «*рукавичка*». Часть из них используется в качестве однословных эргонимов («*Варежка*», «*Копилка*», «*Лукошко*», «*Рукавичка*»), а в составных собственных именах адъектив обычно выполняет функцию конкретизатора объема: «*Большая ложка*», «*Велика кишеня*».

В ряде случаев составные эргонимы не только называют множество товаров, но и подчеркивают их высокое качество, что достигается употреблением слова «созвездие», одним из значений которого является указание на '2. ...соединение знаменитостей...' [3, с. 1230]. Но если традиционно это слово употребляется в сочетаниях типа «созвездие имен», «созвездие талантов», то в современной эргонимии становится возможным не только сочетание «*Сузір'я меблів*», которое можно рассматривать как синонимичное выражению «коллекция лучших образцов», но и соединение слова «созвездие» с абстрактным существительным, например, в названии магазина косметики и подарков «*Созвездие красоты*», где, по-видимому, представлены лучшие образцы косметики, создающие красоту.

Торговые предприятия постоянно находятся в условиях конкурентной борьбы за покупателя, поэтому именно его названием, с одной стороны, стараются привлечь внимание покупателей, а с другой – продемонстрировать конкурентам свое господство на соответствующем рынке товаров. В качестве такой «тяжелой артиллерии» в последние годы в составе эргонимов широкое распространение получило слово «империя» благодаря наличию у него значения '3. Крупная монополия, осуществляемая контроль над целой отраслью промышленности, над какой-л. деятельностью' [3, с. 390]. Но если в общеязыковом значении оно, в основном, используется в атрибутивных конструкциях (например, кофейная империя), то в составе эргонимов – в субстантивно-субстантивных («*Империя меха*», «*Империя мебели*», «*Империя паркета*»).

Рассмотренные стержневые компоненты составных эргонимов, как и оставшиеся еще вне детального анализа, такие как «салон», «студия», «ателье», «лавка» и некоторые другие, исследователь Е. Н. Сидоренко называет эргонимными терминами [10, с. 51], подчеркивая их понятийный характер. В современной эргонимии они отражают один из активных процессов в русском и украинском языках – изменение семантической валентности слов, что способствует расширению их значения, а значит – расширению возможностей их стилистического использования и в целом обогащению словарного фонда.

Эргонимы, являясь частью лексико-грамматической системы конкретного языка, в то же время выступают своеобразными «визитными карточками» определенной эпохи, ее социальным портретом.

В дальнейшем представленная характеристика специфики лексической сочетаемости современных составных эргонимов может стать частью комплексного описания данной группы эргонимов, включающего семантический, структурный и функционально-прагматический аспекты, а также сопоставительный, с помощью которого можно будет выявить отличительные черты русских и украинских эргонимов не только, например, начала и конца XX века, но и зафиксировать только намечающиеся особенности в формировании эргонимов второго десятилетия XXI века.

Библиографические ссылки

1. **Алефиренко Н.** Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

2. **Белей О. О.** Сучасна українська ергонімія (на матеріалі власних назв підприємств Закарпатської області) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. О. Белей. – Львів, 2000. – 17 с.
3. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2003.
4. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : «Логос», 2001.
5. **Емельянова А. М.** Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007. – 22 с.
6. **Крючкова М. Я.** Многокомпонентные эргонимы в аспекте орфографии : проблема совершенствования нормы правописания : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / М. Я. Крючкова. – Волгоград, 2003. – 24 с.
7. **Кутуза Н. В.** Структурно-семантичні моделі ергонімів (на матеріалі ергонімікону м. Одеси) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. В. Кутуза. – Одеса, 2003. – 18 с.
8. **Лебедев А.** Мир дурацких названий / А. Лебедев. – Режим доступа: <http://www.adme.ru/nejming/mir-durackih-nazvaniy-71011/>
9. **Лесовець Н. М.** Ергонімія м. Луганська : структурно-семантичний і соціально-функціональний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. М. Лесовець. – Луганськ, 2007. – 19 с.
10. **Сидоренко Е. Н.** Исторические предпосылки формирования эргонимикона города Мариуполя / Е. Н. Сидоренко // Логос ономастики. – 2009. – № 1(3). – С. 48–52.
11. **Ситникова А.** Этимологический словарь русского языка / А. Ситникова. – Ростов-на-Дону : «Феникс», 2005.
12. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Рус. яз, 1985. – Т. 1.
13. **Цілина М. М.** Ергоніми м. Києва : структура, семантика, функціонування : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / М. М. Цілина. – К., 2006. – 24 с.
14. **Шестакова С. О.** Лексико-семантичні інновації у системі сучасної української номінації (на матеріалі ергонімів і прагмонімів) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Шестакова С. О. – Харків, 2002. – 17 с.
15. **Шимкевич Н. В.** Русская коммерческая эргонимия : прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.

Надійшла до редколегії 20.03.11

УДК:811.161.1'38

Н. А. Хабарова

Днепропетровский университет экономики и права имени Альфреда Нобеля

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АННОТАЦИЯХ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ (на материале русского языка)

На матеріалі анотацій до художніх творів розглянуто оцінну лексику (прикметники, іменники, прислівники та дієслова), що співвідноситься з аксіологічною шкалою «добре» – «погано»; проаналізовано загальнооцінні та частковооцінні лексичні одиниці у якості основного показника рекомендаційного характеру таких анотацій.

Ключові слова: анотація, вторинний текст, оцінні одиниці, загально оцінні прикметники, частково оцінні прикметники, дескриптивна лексика.

На материале аннотаций к художественным текстам рассмотрена оценочная лексика (прилагательные, существительные, наречия и глаголы), соотносимая с аксиологической шкалой «хорошо – плохо»; проанализированы общеоценочные и частнооценочные лексические единицы как основной компонент рекомендательного характера таких аннотаций.

Ключевые слова: аннотация, вторичный текст, оценочные единицы, общеоценочные прилагательные, частнооценочные прилагательные, дескриптивная лексика.

The article deals with evaluative lexical units (adjectives, nouns, adverbs and verbs). The common and partial evaluative units as a core recommending component of fiction annotations have been analyzed.

Keywords: annotations, secondary text, evaluative units, common and partial evaluative adjectives, descriptive words.

Мы все являемся потребителями рекламы и, независимо от возраста, профессионального образования, социального статуса и уровня материального благополучия, способны оценить ее, пусть даже на уровне эмоций: нравится – не нравится. Аннотации к художественным произведениям, исследуемые нами как интеллектуальные рекламные тексты с позиции рекламирования, воздействия и манипулирования, порой вызывают у нас улыбку, симпатию и желание купить рекламируемую книгу, а иные – разочарование и раздражение. Те аннотации, которые с первого взгляда привлекают читателей, написаны профессионально и грамотно с точки зрения структурного построения, лексического насыщения и с учетом психологии адресата. Второй тип является любительским подражанием аннотации.

Аннотации к художественным произведениям периода с 2008 года по настоящее время, размещённые в журналах и на сайтах Интернет, составляются по заказу издательства определёнными копирайтерами либо коллективом авторов с целью информирования, рекламирования и продвижения книжной продукции на рынке; так называемые «прикнижные аннотации» могут составляться непосредственно самим авторами, и, как отмечает Э. Барякина, важно не только написать, но и успешно издать книги [2].

Тексты аннотаций рассматриваются исследователями как вторичный текст, возникший в результате аналитико-синтетической переработки первоисточника и представляющий собой сжатую характеристику содержания произведения с элементами оценивания, воздействия и манипулирования [5; 9; 16; 17].

Прагматический, речевоздействующий потенциал информирования и манипулирования аннотаций как вторичного текста, созданного на базе художествен-

ных произведений (ТАкХП), проявляется в специфическом языковом наполнении, интегрирующем черты первичного текста с текстом рекламы. Тексты аннотаций к художественным произведениям представляют разновидность информационных текстов непременно с публицистическим, экспрессивно-воздействующим моментом, в котором актуализируется оценочное намерение адресанта. Проявляется это, прежде всего, в оценочной лексике, среди которой мы, опираясь на исследования Н. Д. Арутюновой [1], Е. М. Вольф [3], Т. Ю. Колясовой [7] и З. Е. Фоминой [14], разграничиваем оценочную лексику и дескриптивную, а среди оценочных слов выделяем группу общеоценочных и частнооценочных лексем.

Оценку можно назвать онтологическим свойством человека, который в своей познавательной деятельности не может не квалифицировать окружающий его мир. Являясь наиболее ярким представителем прагматического значения, оценка часто зависит от мнений и вкусов говорящего, т. е. адресата. Оценка остаётся актуальной категорией и источником интереса, внимания в многочисленных лингвистических исследованиях (см., например: [1; 3; 4; 6; 8; 13]). Она изучается как в логико-философском, так и в лингвистическом понимании. В широком смысле оценка квалифицируется в качестве суждений познающего о предмете, опирающихся на сравнение данного предмета с избранным эталоном. В этом смысле оценка выражается единицами, объективно, реально обозначающими «количественную оценку», «оценку величин». Оценка в узком смысле связана с признаком «хорошо / плохо», с установлением ценностного отношения между субъектом и объектом. В нашей статье оценка рассматривается в её узкой интерпретации на уровне слова.

Оценка совершается на основе системы ценностей, объединённых в рамках аксиологии – философского учения о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, т. е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности [15]. В этическом аспекте аксиологические системы отвечают на вопрос, что есть благо, а в эстетическом – что есть красота.

Оценку, как логико-семантическую категорию, соотносимую с аксиологической шкалой «хорошо – плохо», мы определяем как положительную и отрицательную характеристику предмета, связанную с признанием или непризнанием его ценности с позиции определенных ценностных критериев. Оценка имеет свои свойства, которые заключаются в том, что, в сравнении с дескрипцией, она отражает не мир как таковой, а его идеализированную модель, а также она соотносится с субъективным фактором отображения действительности, поэтому не имеет параметра объективной истинности. Природа и сущность категории оценки в исследованиях многих лингвистов базируется на противопоставлении оценочного содержания дескриптивному [1; 3].

Разнообразные типы оценочной лексики были систематизированы в работах как зарубежных, так и отечественных лингвистов. Различают оценку общеоценочную и частнооценочную (на уровне слова), рациональную и эмоциональную (на уровне слова и высказывания), положительную и отрицательную (в основе лежит аксиологическая интерпретация), открытую (эксплицитную, т. е. заложенную в значение слова) и скрытую (имплицитную, не присущую конкретному слову) [4; 10; 11].

Классификация частнооценочных и общеоценочных значений представлена в работах Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф и основывается на следующих положениях:

а) семантическая структура **общеоценочных** прилагательных включает только один компонент – знак оценки «+» или «-», либо знак оценки и интенсификацию;

б) в структуре этих слов нет указания на аспект оценки, они отличаются семантической опустошенностью;

в) на отсутствие дескриптивных элементов в семантике также указывает широкая сочетаемость прилагательных этой группы;

г) все лексемы прямо или косвенно трактуются через предикат «хороший» или «плохой» [1; 3].

К **оценочной лексике** мы относим те лексические единицы, в значении которых содержится эмоционально-оценочный компонент, т. е. слова с устойчивой эмоциональностью, слова, эмоциональность которых не определяется контекстом, ситуацией или субъективным употреблением. Важным условием интеллектуального рекламного текста аннотации является его оценочность, или аксиологичность. Оценочная лексика, главным образом, репрезентирована в исследуемых аннотациях следующими категориальными типами:

– оценочные существительные: *стремления и чаяния, прорыв, новаторство* (10 %);

– оценочные прилагательные: *оригинальный, идеальный, единственный, сногшибательный* (58 %);

– оценочные наречия: *изумительно, сказочно, неописуемо, потрясающе, великолепно* (18 %);

– оценочные глаголы: *свершать, раскрывать, изумлять, удивлять* (14 %).

Среди лексических средств эмоционально-субъективной оценки в текстах аннотаций прилагательные занимают ведущее место от общего числа оценочных лексем. Это не случайно. Ведь прилагательным органически присуща способность выражения оценки, оценочного отношения. Как мы уже отмечали, семантическая структура **общеоценочных прилагательных** включает либо знак оценки, либо интенсификацию. Прилагательные этой группы характеризуются широкой сочетаемостью, а также почти все трактуются через предикат «хороший» и обладают взаимозаменяемостью. Взаимозаменяемость может отсутствовать при ограничении лексической сочетаемости. Примерами общеоценочных прилагательных, наиболее часто встречающихся в аннотациях, могут служить следующие единицы: *блестящий, бесподобный, великолепный, классный, первоклассный, супер-классный, высококлассный, настоящий, истинный, невероятный, непревзойдённый, неотразимый, несравненный, отличный, отменный, превосходный, прекрасный, совершенный, сногшибательный, фантастический*.

Можно утверждать, что общеоценочные лексемы в текстах аннотаций характеризуют либо автора произведения, либо само аннотируемое произведение, либо центральных персонажей:

Амели Нотомб «Зимний путь»

«Это роман о любви и безумии, и особую яркость придаёт ему неподражаемый стиль автора». (L'Express).

The Best of иностранка. Перевод с французского И. Волевич.

Бельгийская писательница Амели Нотомб – «божественная Амели», – звезда европейской литературы, автор многих **блестящих** романов. Как всегда, она умело держит читателя в напряжении, начав **фантастический** «Зимний путь» почти с конца и разворачивая интригу в обратном порядке, так что книга захватывает с первых же строк и от нее невозможно оторваться. «Несчастной любви не бывает», – утверждает **настоящий** герой романа Зоил. Он влюбляется в **прекрасную** девушку, и та отвечает ему взаимностью. Однако она живет с

больной подругой и не желает её бросать ради любимого. Потрясенный Зоил принимает роковое решение...

Название **первоклассного** романа Амели Нотомб «Зимний путь» отсылает читателя к одноименному вокальному циклу Франца Шуберта. Герой этих песен отвергнут любимой, он странствует по свету, обреченный на тоску и одиночество.

Зоил, центральный персонаж романа, утверждает, что несчастной любви не бывает. И все же **истинному** герою суждено страдать: он влюбляется в девушку, которая не готова ответить на его чувства. Осознав, что у их отношений нет будущего, Зоил решается на отчаянный поступок....

Частнооценочные прилагательные, такие как **самый добрый, самый благопристойный, самый изощрённый, безупречный, доступный, изящный, современнейший**, также отмечены нами в исследуемых аннотациях. В подобных прилагательных содержится дескриптивная сема, которая указывает на оценку, объясняет её и отодвигает аспект оценки на второй план. С помощью частнооценочных прилагательных читателей привлекает новое, необычное, загадочное, соответствующее эпохе, поэтому указанные прилагательные удерживают внимание адресата для дальнейшего ознакомления с аннотацией:

Мартин Бут «Американец, или **очень скрытый** джентльмен».

«Азбука-классика», Санкт-Петербург, 2010.

В **крошечном** итальянском городке живёт **милый** «английский» джентльмен, увлечённый рисованием бабочек. **Высокий** профессионализм и **немалый** опыт позволяют ему сочетать внешнюю открытость и приветливость с идеально **продуманной** конспирацией. Джентльмену есть что скрывать. **Самый захватывающий** сюжет для **самых искренних** поклонников детектива от **самого популярного** писателя в этом жанре (Story 02/11).

Дескриптивная лексика обозначает собственные свойства предмета, иногда включает в свою семантическую структуру оценочный компонент, выражающий субъективное отношение к объекту. Дескриптивная лексика в текстах аннотаций встречается в описании сюжетной линии: **заброшенный дом, уютный мирок, неисчерпаемая жизнь, популярный роман, стремительное парнокопытное, загадочная семейная тайна** и т. д. Дескриптивная лексика не всегда выражает позитивную характеристику персонажей, а определяет их свойства, имеющие ценность для читателя в контексте времени. Примерами таких прилагательных могут служить следующие словосочетания: **пронзительный роман, преуспевающий владелец, мистическая возлюбленная, забытая страсть, экзистенциальная любовь, хронологическая справка, бурный всплеск, безграничная вера** и т. д.

Прилагательные в исследуемом материале подразделяются на 2 группы: 1) прилагательные с положительной эмоциональной оценкой и 2) прилагательные с отрицательной эмоциональной оценкой.

Прилагательные с положительной эмоциональной оценкой (50 %) описывают, а также оценивают художественно произведение: **глубокий, стильный роман; компактный роман; крупнейший российский бренд; первый настоящий блокбастер; сочная насыщенная картинка; эксцентричный рассказ; культовый американский роман; первый роман; огромный тираж; новая книга; дебютный роман; мировой роман; шаловливая, искристая проза.**

В исследуемом материале они используются для выражения положительно-го компонента содержания аннотации: **всемирное увлечение; персонаж весёлый; милый, красивый, очаровательный; незываемые устои; дивный роман; живая и трепетная зарисовка; тихая замкнутая девушка; сентиментально-мистический покров; великолепная актриса.**

Следует подчеркнуть, что в оценочной функции некоторые прилагательные употребляются в переносном значении. Одним из таких примеров может служить прилагательное **аппетитный роман**, т. е. привлекательное чтение, захватывающее, увлекающее читателя; а также *виртуозный стиль, острый ум, вкусная завязка*. Гораздо реже авторы аннотаций используют прилагательные с отрицательной эмоциональной оценкой (8 %): *навязчивый, скучный, ординарный, апатичный, неоригинальный, неинтересный, обыденный, неаппетитный, банальный*.

Важной, на наш взгляд, является роль наречий в текстах аннотаций для усиления оценочности, поскольку наречия, как правило, выступают интенсификаторами прилагательных: Мануэла Гретковская – **скандально** известная и самая читаемая польская писательница. Её творчество – умышленная провокация читателя. Она названа «Полькой 2007 года» в номинации «Политика и общество» (Мануэла Гретковская. «Женщина и мужчина», Досуг 03/09).

Брэм Стокер – автор множества книг, которые в своё время были **весьма** популярны... (Брэм Стокер. «Дракула», обратная сторона обложки).

...**Необычайно** красивый мир, описанный в романе известного писателя современности, покоряет читателей всего мира... (Венди Хоулдэн. «Брызги шампанского», Glamour 03/10).

Весомый вклад в создание оценочных ресурсов изложения содержания первоисточника вносят эмоционально окрашенные имена существительные (14 %). В аннотациях они часто имеют при себе определения, которые в совокупности определяют смысловое информационное значение: *излюбленная тема, эстетическая ценность, великий талант, безграничная вера, очаровательная сказка, доступный путь, верный путь, эффективная молва, достоверная молва, горячее желание, универсальный рецепт, возрастной рубеж, прекрасный принц, полезная информация, краткое введение* и т. д. Однако в результате частого и трафаретного использования перечисленных существительных для манифестации положительной оценки книги, оценочный потенциал существительного тускнеет и возникает опасность превращения существительного в обычный штамп.

Контекстное употребление существительных в аннотациях выражает субъективную оценку персонажей, автора, либо непосредственно сюжетную линию произведения:

Адриенна Бэссо. «В сетях любви».

Красавица Алиса Каррингтон, дочь виконта Малгрэйва, оставшись после смерти отца без средств, попадает в зависимость от нового владельца поместья Вестгейт-Мэнор. Однако зависимость эта полна **соблазна**, и читателю предстоит пройти вместе с героями путь зарождающейся и крепнущей **страсти**, наблюдать разные стадии связавшего их **чувства**... (www. bookz.ru).

«Над пропастью во ржи» (1967) – пожалуй, **самое известное произведение классика американской литературы** Джерома Дэйвида Селинджера (р. 1919). Написанная им повесть навсегда завоевала ему прочное место в сердцах миллионов читателей во всем мире. Герой произведения – Ходден Колфилд – мгновенно стал одним из наиболее популярных персонажей, – по сути, культовой фигурой мировой литературы. Русский **перевод шедевра** Д. Селинджера был блестяще выполнен выдающимся отечественным переводчиком Р. Райт-Ковалевой. Издание предназначено для самой широкой читательской аудитории (обратная сторона обложки).

Ромэн Сарду – экспериментатор, чьи романы представляют взрывоопасную **смесь жанров**: исторический роман, фэнтези, детектив... (Ромэн Сарду. «Прости грехи наши», Корреспондент 04/09).

Аксиологическая сущность текстов аннотаций проявляется и в глаголах, и в отглагольных единицах (причастиях). Эти лексические средства употребляются при описании сюжета, проблемы, завязки аннотируемого произведения и позволяют копирайтерам более лаконично передать содержание первоисточника и оценить его: *героиня – свежееиспечённая безработная; блестяще сыгравшая главную героиню романа; чудом обнаруженный роман загадочного автора; женщина, стремящаяся хорошо выглядеть; романы, признанные критиками и читателями лучшими образцами современной прозы; трогательная история; к сожалению, нельзя не удивиться; вызывает восхищение; великолепно; радуется то, что...; нельзя остаться равнодушным; читатель растроган тем, что... и т. д.*

Оценочные глаголы, которые объединяют прилагательные и существительные в предложения, представляют неотъемлемую часть манипулятивной стратегии рекламы, служат для информирования, привлечения внимания и побуждения к действию. Примером контекстного употребления оценочных глаголов, прилагательных и существительных может служить аннотация к роману французского писателя Марка Леви «Дети свободы»:

Перевод с французского Ирины Волевич. Издательство «Иностранка».

Литературная карьера Марка Леви, одного из самых популярных французских писателей, развивалась стремительно. Первая же его книга «Между небом и землей» (2000 г.) прогремела на весь мир и вскоре была экранизирована (продюсер Стивен Спилберг). Следующие шесть – неизменно бестселлеры, и не только во Франции – переведены более чем на тридцать языков.

Роман «Дети свободы», изданный тиражом 400 000 экземпляров, написан на основе подлинных воспоминаний отца и дяди автора, мальчишками участвовавших в подпольной борьбе с оккупантами во время Второй мировой войны. «Дети свободы» – это трогательная история подростков разных национальностей: испанцев, венгров, поляков, чехов, евреев, чьи семьи бежали по разным причинам во Францию, ставшую для них второй родиной. Нельзя не удивиться тому, что мечтая о любви и жизни в свободном мире, они создают в Тулузе интернациональную бригаду, которая влилась в движение «Сопротивления» как самостоятельный отряд. Хроника этой яростной «уличной войны» написана от лица главного героя романа, Жанно, одного из немногих оставшихся в живых бойцов бригады.

Прагматической особенностью текстов аннотаций, так же как и рекламных текстов, является то, что нейтральная объективная лексика в них приобретает оценочное значение. В этом проявляется манипулятивность ТАкХП: у читателя формируется устойчивый образ рекламируемого произведения, его персонажей, либо общей сюжетной линии.

Тексты аннотаций – это, скорее, рекомендации, завуалированные оценочным, манипулятивным текстом, нежели явная реклама, воздействие которой проявляется посредством особых лексических оценочных единиц. Именно оценочность является неотъемлемым элементом рекомендации, или рекомендательного характера исследуемых аннотаций к художественным произведениям. Этот тезис подкрепляется нашими многочисленными примерами (423 единицы). Ибо, как известно, оценочная лексика современного русского языка богата и разнообразна по своему семантико-стилистическому составу.

Указанные положительные оценочные единицы являются не единственным средством привлечения внимания читателей и побуждения их к действию. Важным для дальнейшего изучения оценочно-рекомендательного характера аннотаций является роль фразеологических единиц в структуре и лексико-семантическом наполнении текстов аннотаций.

Библиографические ссылки

1. **Арутюнова Н. Д.** Оценка в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – [2-е изд., испр.]. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. **Барякина Э. В.** Справочник писателя. Как написать и издать успешную книгу / Э. В. Барякина. – М. : Унив. кн., 2009. – 196 с.
3. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 228 с.
4. **Зирка В. В.** Манипулятивные игры в рекламе : лингвистический аспект / В. В. Зирка. – [2-е изд., испр.]. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 256 с.
5. **Истрина М. В.** Аннотирование произведений печати : метод. пособ. [электронный ресурс] / М. В. Истрина. – М. : Книга, 1981. – 48 с. – Режим доступа к пособию : <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/060/337.htm>
6. **Карамова А. А.** Категория оценки в современном русском языке: уч. пособие / А. А. Карамова. – Уфа, 2005. – 52 с.
7. **Колясева Т. Ю.** Эмоционально-оценочная лексика в текстовом пространстве : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. «Русский язык» / Т. Ю. Колясева. – М.: МГУ, 2008. – 234 с.
8. **Космеда Т. А.** Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики : дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.01. «Українська мова» / Т. А. Космеда. – Х. : Харк. держ. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди, 2001. – 500 с.
9. **Панченко Е. И.** Лингвистика сжатого текста (на материале современного русского языка) : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01. «Русский язык» / Е. И. Панченко. – Днепропетровск : ДГУ, 1998. – 380 с.
10. **Селіванова О. О.** Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
11. **Стернин И. А.** Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 265 с.
12. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М., 1986. – 141 с.
13. **Трипольская Т. Я.** Языковые механизмы эмоциональной оценочной интерпретации действительности / Т. А. Трипольская // Проблемы интерпретационной лингвистики : межвуз. сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2000. – С. 14–27.
14. **Фомина З. Е.** Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. «Германские языки». – М. : МГУ, 1996. – 66 с.
15. **Философский энциклопедический словарь** / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 843 с.
16. **Черкунова М. В.** Прагмалінгвістическіе характеристики аннотаций научной и учебной литературы (на материале англоязычных изданий): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. «Германские языки» / М. В. Черкунова. – Самара, 2007. – 175 с.
17. **Шиманов А. Е.** Аннотирование и реферирование в издательском деле : [конспект лекций] / А. Е. Шиманов / [электронный ресурс]. – М. : МГУП, 2004. – 131 с. – Режим доступа : <http://ed-education1.narod.ru/business2c.html>

Надійшла до редколегії 14.02.11.

УДК 811.161.2'367.32

О. С. Шатілова

Донецький національний технічний університет

ПРОБЛЕМА СТВОРЕННЯ КЛАСИФІКАЦІЇ СПОНУКАЛЬНИХ КОНСТРУКЦІЙ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ (на матеріалі публіцистичних текстів початку ХХІ століття)

Розглянуто наявні семантичні класифікації спонукальних конструкцій. Виділено та систематизовано різновиди імперативного значення. Розроблено класифікацію спонукальних конструкцій в українській мові.

Ключові слова: категорія спонукування, спонукальна конструкція, семантичні різновиди спонукальних речень.

Рассмотрены семантические классификации побудительных конструкций. Выделены и систематизированы виды императивного значения. Разработана классификация побудительных конструкций в украинском языке.

Ключевые слова: категория побуждения, побудительная конструкция, семантические разновидности побудительных предложений.

In the article semantic classifications of incentive designs are considered. Kinds of imperative value are allocated and systematized. Classification of incentive designs in the Ukrainian language is developed.

Key words: a prompting category, hortatory sentence, semantic versions of hortatory sentences.

У мовознавстві ХХ століття здійснено декілька спроб покласифікувати висловлення спонукальної семантики (М. Мілих, А. Немешайлова, М. Косілова, І. Андрєєва, В. Храковський, О. Володін, Л. Бірюлін, Ц. Саранцацрал, Л. Фоміна, С. Харченко, С. Мясоєдова, О. Нарушевич-Васильєва, Г. Дрінко, К. Неустроєв, А. Маслова, О. Петрова тощо). Специфіка семантики спонукальних конструкцій насамперед визначається функціональним призначенням імператива. У кожному конкретному мовленнєвому акті волевиявлення зазвичай присутня оцінка повідомлюваного як мовцем, так і слухачем (слухачами). Повідомлюване відповідно може розцінюватися як прохання, порада, дозвіл, побажання, інструкція тощо. Проте всі спонукальні конструкції мають спільний смисловий компонент – значення волевиявлення. Таким чином, значення волевиявлення є загальною семантичною ознакою всіх імперативних речень. Необхідним на сьогодні видається створення класифікації часткових значень волевиявлення.

Хоча проблемою класифікації часткових імперативних значень дослідники займаються достатньо тривалий час, проте в роботах, присвячених категорії спонукування, йдеться не про часткові семантичні інтерпретації значень волевиявлення, а про часткові чи конкретні значення, виражені імперативними словоформами, або відтінки єдиного значення волевиявлення. Ось чому дослідження, присвячене проблемі класифікації висловлень спонукальної семантики, є на сьогодні **актуальним**.

Метою роботи є створення семантичної класифікації спонукальних конструкцій української мови. Досягнення поставленої мети вимагає розв'язання конкретних **завдань**: 1) аналіз наявних класифікацій речень спонукальної модальності, їх узагальнення; 2) з'ясування визначальних ознак, покладених в основу семантичних класифікацій; 3) визначення принципів побудови базової класифікації; 4) окреслення параметрів виділення імперативних значень; 5) систематизація й опис різновидів спонукального значення.

Об'єктом дослідження обрано категорію спонукання в українському мовленні. **Предмет дослідження** становлять семантичні різновиди спонукальних речень в українській мові. **Матеріалом роботи** є українські публіцистичні тексти початку ХХІ століття.

Незважаючи на значну кількість робіт, присвячених цьому питанню, досі немає певним чином упорядкованого переліку часткових імперативних значень. Переліки, запропоновані різними авторами, різняться як кількісно, так і якісно. Проте, як влучно зазначають В. Храковський і О. Володін, «серед перерахованих часткових значень можуть бути виділені основні (значення, що зустрічаються в більшості випадків) і маргінальні (значення, що виділяються зрідка чи в одиничних випадках)» [16, с. 133]. Перегляд низки робіт [3–16] дозволив установити, що всього виділяють 37 часткових значень імперативних форм, які значною мірою збігаються зі значеннями каузативних дієслів. Серед часткових значень дослідниками виділено такі: прохання, порада, рекомендація, настанова, наказ, запрошення, переконування, вимога, дозвіл, заклинання, пропозиція, заклик, погодження, побажання, мольба, попередження, команда, розпорядження, інструкція, роз'яснення, схвалення, привертання уваги, вибачення, привітання, повинність, підбурювання, примушення, припущення, засторога, виклик, погроза, натяк, рецепт, замовлення, заборона тощо.

Розуміючи складність розв'язання проблеми, спробуємо відзначити типи спонукальних конструкцій, які були виділені в класифікаціях, розроблених у дисертаційних дослідженнях українськими та російськими лінгвістами в останні роки. Так, Л. Фоміна, аналізуючи різні типи директивних мовленнєвих актів, виділяє серед них прохання, клопотання, наказ, вимогу, пораду, застереження, пропозицію та запрошення [14].

С. Мясоедова відповідно до характеру спонукального значення об'єднує висловлення в такі групи: наказ, вимога, прохання, порада, пропозиція, інструкція, запрошення, дозвіл, застереження та заборона [8].

К. Неустроев комунікативно-прагматичні типи спонукальних висловлювань вважає за доцільне розподілити на три групи: 1) з основним значенням наказу, а також команди, вказівки, директиви, замовлення, заборони, дозволу, інструкції, рецепту кулінарного та лікарського як його різновидів; 2) з основним значенням поради, а також таких конститuentів, як пропозиція, рекомендація, переконання, попередження, пересторога, погроза, шантаж, настанова / повчання; 3) з основним значенням прохання та такими його елементами, як настійне прохання, вимога, заклик, запрошення, мольба, заклинання як магічна процедура та як мольба [11].

А. Маслова розрізняє, по-перше, спонукальну інтенцію категоричного директивного типу, в межах якої виділено комунікативно-семантичні групи (КСГ) наказу, розпорядження, команди й заборони; по-друге, спонукальну інтенцію пом'якшеного директивного типу, в межах якої виділено КСГ прохання, мольби та заклинання; по-третє, спонукальну інтенцію нейтрального директивного типу, яка об'єднує акти пропозиції, запрошення, поради, рекомендації, припис здійснити дію (інструкції та рецепти розглянуто як різновиди рекомендацій). У межах комісивної комунікативної ситуації А. Масловою виділено КСГ обіцянки та гарантії як різновиду обіцянки в офіційній сфері, переконання, клятви, вмовляння й погрози. Превентивна категоріальна ситуація (КС) об'єднує попереджувальні, застережні мовленнєві акти: нагадування, побоювання (апребенсив), застереження (адмонитив, власне превентив) [6].

Г. Дрінко розподіляє спонукальні речення за чотирма основними типами мовленнєвих актів, виділених у теорії мовної комунікації: прескриптивні, реквезитивні, сугестивні та менасивні мовленнєві акти. На її думку, прескриптивами є

команда, наказ (розпорядження), вимога, дозвіл, заборона; реквестиви – це прохання (благання); сугестиви – порада, пропозиція; менасиви – застереження, погроза [4].

О. Петрова пропонує виділяти такі мовленнєві акти: 1) облігативи: наказ, розпорядження, дозвіл, заборона, вимога, команда, припис, інструкція, указівка; 2) реквестиви: прохання, мольба, заклинання, запит поради, упрохування; 3) адвісиви: порада, рекомендація, умовляння, заклик, наказ, настанова, заповіт [12].

На наш погляд, дослідники перераховують семантичні типи спонукання, що подекуди не є рівноправними, не є важливими рівною мірою. Таким чином, відбувається сплутування видових і родових понять. Спостерігається також і вживання близьких за значенням лексем, часто синонімічних, які не можна вважати самостійними семантичними типами спонукання. Крім того, процедури виділення часткових семантичних значень дослідниками не описані, як і класифікаційні ознаки, покладені в основу їх виокремлення. Запропоновані класифікації є результатом інтуїтивної діяльності. Очевидно, що всі дослідники прагнуть охопити якомога ширше коло класифікованих об'єктів і ознак. Проте виникають сумніви щодо рівнозначності одиниць класифікації, важливості окремих, часткових значень спонукання. Не можна погодитись із виділенням як самостійних різновидів синонімічних лексем.

Найбільш обґрунтованою, логічною та послідовною видається класифікація, запропонована В. Храковським і О. Володіним. Автори звертають увагу на наявність часткових, окремих і загальних, більш широких за значенням семантичних значень конструкцій. Вони доходять висновку, що часткові значення відображають різноманітні ситуації вимови імперативних висловлювань і являють собою часткові семантичні інтерпретації єдиного імперативного значення [16, с. 136].

В основу класифікації покладено такі параметри: 1) від кого походить імпульс каузації (від мовця чи слухача); 2) хто є зацікавленим у виконанні дії (мовець чи слухач); 3) субординація: хто ставить себе вище (мовець чи слухач). На підставі названих трьох положень виділено шість основних семантичних інтерпретацій імперативного значення: наказ, прохання, інструкція, пропозиція, дозвіл, порада.

Імпульс каузації (ІК)	Зацікавленість	Субординація	Часткові семантичні інтерпретації імперативного значення
ІК походить від мовця	Інтереси мовця	Мовець ставить себе вище за слухача	НАКАЗ
ІК походить від мовця	Інтереси мовця	Мовець не ставить себе вище за слухача	ПРОХАННЯ
ІК походить від мовця	Інтереси слухача	Мовець ставить себе вище за слухача	ІНСТРУКЦІЯ
ІК походить від мовця	Інтереси слухача	Мовець не ставить себе вище за слухача	ПРОПОЗИЦІЯ
ІК походить від слухача	Інтереси слухача	Мовець ставить себе вище за слухача	ДОЗВІЛ
ІК походить від слухача	Інтереси слухача	Мовець не ставить себе вище за слухача	ПОРАДА

ІК походить від слухача	Інтереси мовця	Мовець ставить себе вище за слухача	—
ІК походить від слухача	Інтереси мовця	Мовець не ставить себе вище за слухача	—

Відповідно до ознаки імпульсу каузації всі часткові інтерпретації поділяють на «фактитивну каузацію (наказ, прохання, інструкція, пропозиція) та пермісивну каузацію (дозвіл і порада). Дві останні кон'юнкції значень ... являють собою не-інтерпретовані ситуації в силу семантичної несумісності значень ... (імпульс каузації походить від слухача)» [16, с. 138].

Окрім шести вищеназваних імперативних значень, виділено санкцію та побажання. Оскільки імпульс каузації може походити як від мовця, так і від слухача, санкція «накладається» на наказ, прохання, пропозицію, дозвіл або ж пораду, проте не поєднується з інструкцією. Побажання виділяється за допомогою «лексико-семантичного фільтра» [16, с. 145]. За умови ж врахування фільтра «ситуаційного» виділено санкцію [16, с. 145].

Розглянемо виокремлені часткові семантичні інтерпретації спонукального значення на конкретних прикладах.

1. Фактитивна каузація

Наказ. Імпульс каузації походить від мовця, який є зацікавленим у виконанні каузованої дії і ставить себе вище за слухача: *Ану геть звідси! Не фотографуйте!* (Високий замок, 05.10.10); *Центральна виборча комісія постановляє: 1. Утворити закордонні виборчі дільниці закордонного виборчого округу з виборів Президента України 17 січня 2010 року згідно із додатком. 2. Цю постанову опублікувати в газетах...* (Голос України, 13.12.09); *Повзком від кулемета!* (Дзеркало тижня, 28.11–04.12.09).

Прохання. Імпульс каузації походить від мовця, який є зацікавленим у виконанні каузованої дії, але не ставить себе вище за слухача: *Якщо ви шукаєте різницю там, я вас прошу і закликаю: не ламайте собі голову – різниці немає... Різниці немає* («Свобода слова», ICTV, 07.12.09, 23:00); *В якій сфері вас дискримінують, підкажіть, будь ласка* («Велика політика», Інтер, 08.10.10, 23:00).

Інструкція. Імпульс каузації походить від мовця, але виконувана дія – в інтересах слухача. Мовець ставить себе вище за слухача: *Головку капусти добре вимити, розрізати начетверо, варити у підсоленій воді до напівготовності. Відтиснути. Відварити гриби, порізати їх соломкою, підсмажити з цибулею* (Високий замок, 05.10.10).

Пропозиція. Імпульс каузації походить від мовця. Дія має бути виконана в інтересах слухача. Мовець не ставить себе вище за слухача: *І тому, давайте говорити сьогодні про те, що може робити влада* («Велика політика», Інтер, 15.10.10, 22:00); *[Я взагалі не дуже люблю ось такі прогнози]. Давайте доживемо і побачимо* («Від першої особи», радіо «Ера», 19.10.10, 18:00).

2. Пермісивна каузація.

Дозвіл. Імпульс каузації походить від слухача, який і є зацікавленим у виконанні каузованої дії. При цьому мовець ставить себе вище за слухача: *Давайте я відповім на це питання* («Свобода слова», ICTV, 23.11.09, 23:00); *Давайте я спробую дати своє бачення цього питання* ("Шустер-LIVE", ТРК Україна, 15.10.10, 20:20); *Ну, дозвольте, я спробую* ("Шустер-LIVE", ТРК Україна, 15.10.10, 20:20).

Порада. Імпульс каузації походить від слухача, який є зацікавленим у виконанні каузованої дії. Мовець не ставить себе вище за слухача: *Навіть якщо вам дуже боляче від слів, які хтось сказав на вашу адресу, у жодному випадку не тре-*

ба цього показувати на людях. Беріть активну участь у житті колективу. На відверте хамство треба відповідати такою ж монетою (Високий замок, 17.10.10).

3. Санкція. Каузована дія вже має місце. Імпульс каузації походить або від мовця (санкція «накладається» на наказ, прохання, пропозицію), або від слухача (санкція «накладається» на дозвіл або пораду): *Так, говори собі* («Свобода слова», ICTV, 09.11.09, 23:00); *Давайте, давайте* (=продовжуйте мене критикувати) («Свобода слова», ICTV, 09.11.09, 23:00).

4. Побажання. Згідно з класифікацією, розробленою В. Храковським і О. Володіним, такі семантичні інтерпретації, як прохання, пропозиція, наказ, іноді інструкція (у «вічних» моральних заповідях) і порада можуть виражати побажання. Дослідники звертають увагу на те, що в запропонованих ними прикладах «виражено не власне наказ, дозвіл, пораду, а побажання у формі наказу, дозволу, поради» [16, с. 144].

Слідом за авторами семантичної класифікації спонукальних конструкцій В. Храковським і О. Володіним ми не вважаємо її остаточною та припускаємо можливість поповнення новими класифікаційними ознаками. Проте важливо відзначити, що запропонована класифікація імперативних висловлювань базується на таких ознаках, які відіграють значну роль у прагматиці використання спонукальних конструкцій.

Таким чином, усі спонукальні конструкції мають спільне значення волевиявлення. У результаті взаємодії цього значення з теоретично можливими ситуаціями, що виникають під час вимови імперативних висловлювань, тобто в процесі мовленнєвого акту, можна виділити шість часткових семантичних інтерпретацій спонукального значення: наказ, прохання, інструкція, пропозиція (фактивна каузація), дозвіл, порада (пермісивна каузація). «При цьому враховується, так би мовити, лексико-семантичний фільтр (за допомогою якого виділяється побажання), а також ситуаційний фільтр (за допомогою якого виділяється санкція)» [16, с. 145].

Кожній імперативній конструкції можна дати лише одну з шести семантичних інтерпретацій із додаванням (за необхідності) додаткової характеристики санкції чи побажання.

Проблема створення семантичної класифікації конструкцій спонукальної модальності жодною мірою не вичерпується запропонованим дослідженням. Наведені в роботі міркування висловлено як постановку питання, що уможливило перспективу подальших наукових пошуків. Спонукальні конструкції відзначаються особливим семантичним навантаженням, умовами вживання, закономірностями утворення та функціонування в мовленні, що відкриває нові можливості в їх вивченні та потребує окремого дослідження.

Бібліографічні посилання

1. Андреева И. С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. С. Андреева. – Л., 1971. – 24 с.
2. Бирюлин Л. А. Презумпции побуждения и прагматика императива / Л. А. Бирюлин // Типология и грамматика. – М. : Наука, 1990. – С. 162–173.
3. Бирюлин Л. А. Типология императивных конструкций / Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. – Л. : Наука, 1992. – 301 с.
4. Дрінко Г. Г. Спонукальні конструкції в англійській та українській мовах : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» / Г. Г. Дрінко. – Донецьк, 2005. – 21 с.

5. **Косилова М. Ф.** К вопросу о побудительных предложениях / М. Ф. Косилова // Вестник МГУ. Серия «Филология и журналистика». – М., 1962. – № 4. – С. 48–56.
6. **Маслова А. Ю.** Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.03 «Славянские языки», 10.02.01 «Русский язык» / А. Ю. Маслова. – СПб., 2009. – 40 с.
7. **Милых М. К.** Побудительные предложения в русском языке / М. К. Милых // Уч. зап. Харьков. ун-та. – Харьков, 1953. – Вып. 4. – С. 5–47.
8. **Мясоєдова С. В.** Категорія спонування і її вираження в непрямих висловленнях сучасної української мови : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. В. Мясоєдова. – Харків, 2001. – 16 с.
9. **Нарушевич-Васильєва О. В.** Категорія спонукальності у прагматистичному аспекті : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. В. Нарушевич-Васильєва. – Одеса, 2002. – 22 с.
10. **Немешайлова А. В.** Повелительное наклонение / А. В. Немешайлова. – Пенза, 1961. – 126 с.
11. **Неустроев К. С.** Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка», 10.02.04 «Германские языки» / К. С. Неустроев. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.
12. **Петрова Е. Б.** Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике / Е. Б. Петрова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж, 2008. – № 3. – С. 124–133.
13. **Саранцацрал Ц.** Речевые акты побуждения их типы и способы выражения в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Ц. Саранцацрал. – М., 1993. – 246 с.
14. **Фоміна Л. В.** Комунікативна організація безсполучникового складного речення спонукального типу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л. В. Фоміна. – Харків, 2000. – 15 с.
15. **Харченко С. В.** Семантико-синтаксична та комунікативна структура речень спонукальної модальності : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. В. Харченко. – К., 2001. – 20 с.
16. **Храковский В. С.** Семантика и типология императива : Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1986. – 137 с.
17. **Храковский В. С.** Повелительность / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1990. – 150 с.

Надійшла до редколегії 09.02.11

УДК 811.161.1'37

Ю. Ю. Яблонская

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЛСГ «АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ» В ПОЭЗИИ Ю. ШЕВЧУКА

Розглянуто польову структуру найменувань альтруїстичних емоцій у контексті поезії Ю. Шевчука: систематизовано корпус лексичних одиниць, які формують лексико-семантичну групу «альтруїстичні емоції»; вивчено мовні механізми репрезентації емоцій в поетичних текстах; проаналізовано польову структуру ЛСГ «альтруїстичні емоції» з точки зору ядерної і периферійної зон залежно від частоти вживання.

Ключові слова: альтруїстичні емоції, поезія, лексико-семантичне поле, лексико-семантична група, контекст, ядро, периферія, частота.

Рассмотрена полевая структура наименований альтруистических эмоций в контексте поэзии Ю. Шевчука: систематизирован корпус лексических единиц, формирующих лексико-семантическую группу «альтруистические эмоции»; изучены языковые механизмы репрезентации эмоций в поэтических текстах; проанализирована полевая структура ЛСГ «альтруистические эмоции» с точки зрения ядерной и периферийной зон в зависимости от частотности употребления.

Ключевые слова: альтруистические эмоции, поэзия, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, контекст, ядро, периферия, частота.

The article deals with field structure of nomination of the altruistic emotions in the J. Shevchuck's poetry context. To do it we systematize the corps of lexical units, which form semantic group "altruistic emotions", we studied linguistic mechanism of emotional representation in poetry texts. It is also analyses field structure of the altruistic emotions standpoint of the nuclear and peripheral zones according to frequency of usage.

Keywords: altruistic emotions, poetry, semantic group, context, nuclear, periphery, frequency, semantic field.

Особое место в семантических исследованиях последнего времени занимают проблемы эмоциональной семантики, тесно связанные с так называемым эмоциональным аспектом человеческого фактора в языке [10, с. 6]. Этот тезис подтверждается тем, что исследованием эмотивной стороны языковой системы занимались и продолжают заниматься в настоящее время многие лингвисты, в частности М. М. Бахтин, С. Б. Берлизон, В. И. Болотов, Э. А. Вайгла, Н. В. Витт, Л. С. Выготский, Г. М. Кафтанова, А. А. Леонтьев, Н. А. Лукьянова, Э. Л. Носенко, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашевский, В. И. Шаховский и др.

По нашему мнению, эмотивное значение слова относят к наименее понятным и изученным типам значения слова вследствие абстрактности самих психических явлений эмоций и чувств. Но, несмотря на обилие разнообразных исследований в данной области, тема эмоциональной лексики и реализации эмоций в языке и речи пока остается поисковой и вследствие этого располагает к дальнейшей работе в данном направлении.

Этим обуславливается **актуальность** нашего исследования, **целью** которого является изучение полевой структуры лексико-семантической группы наименований альтруистической группы эмоций, входящей в общее семантическое поле «Чувство», в свою очередь репрезентированное в произведениях известного русского рок-поэта Юрия Шевчука.

В связи с заявленной целью исследования нам необходимо решить следующие задачи: 1) обосновать а) наше обращение к языку рок-поэзии; б) избранный

подход к пониманию семантического поля; в) соотношение между понятиями «чувство» и «эмоция»; г) наше видение структуры СП «Чувство»; 2) рассмотреть ЛСГ «альтруистические эмоции» на материале поэзии Ю. Шевчука.

Актуальной проблемой современной филологической науки является исследование поэтического языка. Филологические исследования художественного текста начались еще в начале XX столетия (например, статьи В. Шкловского и ученых формальной школы) и продолжают до сегодня. Большой вклад в разработку вопросов изучения поэтики художественных текстов сделали такие выдающиеся ученые, как Л. Булаховский, В. Виноградов, Г. Винокур, Б. Гаспаров, В. Жирмунский, Я. Мукаржовский, С. Обнорский, Д. Овсяннико-Куликовский, Ю. Лотман, В. Одинцов, А. Потебня, Я. Славинский, Б. Томашевский, Ю. Тынянов, Б. Успенский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, Л. Якубинский и др. В современной филологической науке этой проблемой успешно занимаются А. Аникина, В. Григорьев, Ю. Казарин, Н. Кожевникова, Н. Николина, Л. Новиков, Г. Солганик.

Общеизвестно, что лирика – это особый способ художественного мышления и осмысления жизни. Ее определяют как «выражение сокровенных переживаний и в искусстве, и в повседневной жизни» [11, с. 134]. Глубокий анализ лирического произведения невозможен без проникновения в его языковую ткань, без исследования языковых средств, выражающих чувства и эмоции художника слова.

Конец XX – начало XXI вв. отмечены повышенным интересом молодежи к рок-культуре, которая стала ведущим направлением в формировании мировоззрения и способом жизни молодежи, «рок-н-ролл для нее – это экзистенциальный прорыв нового поколения» [2, с. 65]. Многие журналисты, занимающиеся современной молодежной культурой, обратили свое внимание и на рок-поэзию, ими были сделаны первые шаги, направленные на изучение текстов рок-песен (например, И. Смирнов, А. Кузнецов), но научных работ (литературоведческих, лингвистических) по исследованию рок-поэзии пока недостаточно. С точки зрения поэтической речи рок-культуру изучали такие современные исследователи, как К. Алабушев, А. Дидуров, О. Каневская, А. Кузнецов, О. Маркелова, Э. Радке, И. Смирнов, А. Сой, Н. Харитонов, Е. Федоров и др.

Характерной чертой русскоязычного рока является особое внимание к Слову. Недаром рок-бард Александр Башлачев в одной из своих песен сказал: «И дар русской речи сберечь!». Именно в этом заключался смысл творчества настоящих рок-исполнителей. По словам же Алексея Дидурова, создателя рок-кабаре «Кардиограмма», настоящую рок-поэзию отличает совершенно неконтролируемый интеллектуальный и эмоциональный «выброс», неповторимость стилистики и интонации, честность и искренность как основные составляющие энергии текста. Юрий Шевчук говорит, что рок – это «боль, беда, правда, любовь и жизнь целого поколения нашей молодежи» [5, с. 5]. Таким образом, рок-поэзия располагает неисчерпаемыми ресурсами средств для выражения различных сторон экстралингвистической реальности, в частности, чувств и эмоций.

Как мы уже заявили, объектом исследования лексики со значением «альтруистические эмоции» для нас служит поэзия Ю. Шевчука. С нашей точки зрения, Ю. Шевчук является корифеем, наиболее ярким представителем русского рока, в творчестве которого как в зеркале отразились социальные сдвиги и потрясения нашего времени [9, с. 11].

Поскольку отмеченная группа лексики изучается как компонент лексико-семантического поля «Чувство», коротко охарактеризуем данное понятие.

Вопросы сущности и особенности лексико-семантического поля (далее – ЛСП) в языке привлекли внимание ученых-лингвистов уже в XIX в., когда укре-

пилось понимание того, что язык является системой и, следовательно, все его отдельные части также связаны между собой, обуславливают друг друга.

Исследованиями ЛСП занимались такие выдающиеся лингвисты, как В. Г. Адмони, Ю. Д. Апресян, А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, А. И. Кузнецова, Б. А. Плотников, М. М. Покровский, З. Д. Попова, А. И. Смирницкий, И. А. Стернин, Ф. П. Филин, Г. М. Шепицына, Д. Н. Шмелев, Л. В. Щерба, Г. С. Щур. Кроме того, неоценимый вклад в разработку вопросов о сущности ЛСП внесли зарубежные лингвисты Г. Остгоф, К. Майер, Г. Шпербер, Й. Трир, Г. Ипсен, В. Порциг, Э. Оскар, О. Духачк.

Проблема сущности и статуса семантического поля относительно других системных объединений остается дискуссионной [7, с. 1]. Тем не менее различные подходы к изучению данной проблемы объединены общим для всех стержнем, позволяющим понять главные особенности этой системы. Самым универсальным определением ЛСП в языке можно считать следующее: **ЛСП** – «совокупность языковых единиц (главным образом, лексических), объединенных общностью содержания (иногда общностью формальных показателей), и отражающая понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [4, с. 99].

Поле, как совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта, состоит из определенных семантических групп (далее – ЛСГ), которые представляют «большую группу слов одной части речи, объединенных одним словом-идентификатором, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах» [8, с. 98]. ЛСП соотносится с ЛСГ как общее с частным, включая в себя целый ряд ЛСГ. СП отличается от ЛСГ также количественным преимуществом лексических единиц, которые относятся к разным частям речи [1, с. 5]. ЛСП имеет ядро и периферию. В ядре содержатся наиболее значимые, важные слова. Периферия обширна, в ней находятся лексемы из других ЛСГ, которые лишь по отдельным семам включаются в исходную. Периферия создает неустойчивость каждой подсистемы, но она же является и основой для связи подсистемы в единую систему [8, с. 92].

В нашем видении лексико-семантическое поле, объединяющее совокупность лексических и лексико-фразеологических единиц, связанных общей темой, представляет собой ядерно-полевое образование, в котором, в свою очередь, выделяются фрагменты, или парцеллы, представленные лексико-семантическими группами слов.

Для определения структуры ЛСП «Чувство» необходимо обсудить соотношение понятий «чувство» и «эмоция». Следует отметить, что психология скрупулезно подходит к определению взаимоотношений чувств и эмоций, онтогенетически выводит чувства из эмоций. Эмоции могут возникать при отсутствии чувств, но противоположная ситуация невозможна [3, с. 134], так как чувства возникают на основе эмоций. Вопросы, касающиеся физиологических особенностей разграничения чувств и эмоций – прерогатива как раз психологии. В речи (в том числе и художественной) эти понятия часто сливаются. Мы привычно, как синонимы, употребляем слова «эмоции радости», «радостные эмоции», «чувство радости», не разделяя, что из этого является эмоцией, а что – чувством [3, с. 133]. В подтверждение сказанному следует отметить, что толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет эмоцию как душевное переживание, чувство [6, с. 910], не разграничивая понятия «чувство» и «эмоция».

Обозначения эмоций говорящего человека распределяются между различными группами лексики языка. Их типология такова: лексика, называющая, обо-

значающая эмоции (т. е. дающая им имя), лексика, описывающая эмоции, и лексика, выражающая эмоции [10, с. 91]. Первый тип слов называется также индикаторным, или ассоциативно-эмотивным, так как слова, относящиеся к этому типу, в отличие от аффективов и коннотативов, не выражают эмоций, а ассоциативно отсылают сознание говорящих к сфере эмоций. В данном исследовании нас интересует именно класс ассоциативно-эмотивных слов, в которых денотативным содержанием являются объективные свойства эмоций.

Для нашего исследования в силу своей относительной универсальности актуальной является классификация эмоций по субъективной ценности Б. И. Додонова. Названная классификация делит все эмоции на следующие разновидности: альтруистические, коммуникативные, глорические, практические, мобилизационные, романтические, гностические, эстетические, пугнические, акизитивные, гедонические [3, с. 123].

По нашему мнению, ЛСП «Чувство», существующее в русском языке, наилучшим образом можно структурировать, соотнеся его с классификацией эмоций по Б. И. Додонову. При этом подходе каждая группа эмоций будет репрезентирована отдельной ЛСГ в составе поля.

Для нашего исследования также актуален тезис В. И. Шаховского: «Во всем инвентаре эмоций четко прослеживаются ядерные и периферийные эмоции: те, которые наиболее часто испытывает человек и те, в которых потребность человека относительно невелика. При речевой коммуникации четко прослеживается это деление эмоций. Поэтому для лингвистического анализа речевых моделей вполне достаточно ограничиться наиболее частотными, так называемыми фундаментальными эмоциями» [10, с. 90].

Как показывают наши наблюдения, в поэтической речи Ю. Шевчука наиболее часто находят выражение так называемые альтруистические эмоции, являющиеся самыми актуальными для человека вообще. К альтруистическим эмоциям относят переживания, возникающие на основе нужды в помощи другим людям: желание приносить людям счастье и радость, волнение за чью-либо судьбу, сопереживание, сочувствие [3, с. 123]. Сюда же мы отнесли тревогу за другого человека, отзывчивость, жалость, любовь, доброту, чувство справедливости и их антиподы, астенические варианты: равнодушие, жестокость, безжалостность, ненависть, злость. В речи эти эмоции выражаются такими ассоциативно-эмоциональными словами как *жалость*, *безжалостность*, *равнодушие*, *любовь*, *ненависть*, *добро*, *доброта*, *злость*, *жестокость*, различными формами этих слов, их производящими и производными от их основ.

Поскольку в рамках одной статьи невозможно репрезентовать весь массив обозначений альтруистических эмоций, представленных в стихах Ю. Шевчука, приведем наиболее показательные с нашей точки зрения примеры употребления ассоциативно-эмоциональных слов с указанным значением.

Лексема ЖАЛОСТЬ традиционно определяется как сострадание, соболезнование [6, с. 189], однако в поэзии Ю. Шевчука она наполняется другими смыслами. Очень часто *жалость* выступает синонимом к слову *любовь*: *Смотрю на женщину, которая со мной // Вчера пришла и до утра осталась. // В ее глазах ко мне любовь и жалость, // А у меня душа – хоть в мир иной* [Понедельник, с. 26*]. В контексте *Вечер щенком глупым скулил, жалким, бездомным псом* [Вечер**] актуализируется ассоциативная связь «жалость – бесприютность». Жалость может персонифицироваться, вести себя как активно действующий субъект: *Пыталась жалость убедить, помочь опомниться, // но все быстрее и точнее летела конница* [Правда на правду, с. 95]. Здесь на первый план выходит контекстуально обусловленное значение слова *жалость* – «совесть, здравый смысл».

Таким образом, в текстах Шевчука происходит наращение семантической структуры лексемы *жалость* за счет положительных семантических единиц «любовь», «сила», «совесть», «здоровый смысл» и отрицательных «бесприютность», «несправедливость», «бедность».

Лексема БЕЗЖАЛОСТНОСТЬ (антоним *жалости*) встречается в текстах рок-поэта очень редко: *Я поднимался выше облаков, // Я убивал безжалостно злодеев* [За пятьдесят копеек, с. 14]. За счет употребления в этом контексте словосочетания *убить злодея* лексема *безжалостно* получает дополнительные, в противовес основному значению, положительные элементы значения: 'герой', 'бесстрашный'.

Нужно отметить, что главным чувством, которое выражается в произведениях Юрия Шевчука, которым они проникнуты, является ЛЮБОВЬ (у поэта – чаще всего имеет значение гуманного отношения к кому- или чему-либо). Поэтому наиболее частотным в поэтическом словаре становится слово *любовь* и его производные: *любить*, *любимый*. Поэт пишет о разных видах любви: любви к родине, к женщине, к другу, к матери, к сыну, к музыке и т. д. *Прекрасная любовь, там ждут тебя живые. // Позволь себя увидеть тем, кого ведут на смерть. // Там по уши в грязи, но все же не слепые. // Дай разум и свободу, дай чувствам не истлеть* [Прекрасная любовь**]; *Пишу прошение к Любви – // Совет дай, выжить помоги* [Гляди пешком**]; *И что мы можем, можем быть, // Еще, конечно же, любить* [Наполним небо добротой**]; *Каменеющий мир, окольцованный быт, // Быть может, только любовь сможет всем нам помочь остаться людьми* [Дом, с. 38]. В этих стихах Любовь представляется чем-то глобальным, необъятной положительной, гуманной и созидательной силой. *Не так уж плохо все, малыш, // Когда ты рядом мирно спишь, // Любимым снам счастливо улыбаясь* [Привет М**]. Общая эмоциональная и смысловая нагрузка этой фразы позволяет соотносить значение слова *любимый* со значением слов «светлый, спокойный». Способностью любить обладает не только человек, но и персонифицированное время, за образом которого скрывается человек: *Наше время скорбит в телефонах доверия, // Любит в отделах знакомств* [Время, с. 45]. В этом контексте «любить» обозначает потребность человека в том, кто смог его понять, в партнере для совместной жизни. Подчеркивается также божественная природа любви: *Я часто не верю, что на небесах // Нашей любовью архангелы правят* [Фома, с. 73]; *Сталь ненавидит дерево, // Дерево ненавидит землю, // Земля ненавидит воду, // Вода ненавидит небо, // А небо любит всех нас* [Мне снилось, с. 163]; *Ради любви к вам пошёл я на муки, // Вы же святыни свои растеряли!* [Террорист, с. 51]. В последних стихах сближаются понятия «любовь» и «святыня», образуя контекстуальную синонимию. В традиционную семантику слова *любовь* рок-поэт часто вносит сему 'бескорыстный': *Я всем шлюхам раздал по любви, а убийцам – по розе* [Я остановил время**]; *Эй там! Кто еще любит, // Кто еще не успел все до конца посчитать!* [Я у вас**]. Здесь наблюдается контекстуальная антонимия «любить – посчитать»; *Сколько лет я жую вместо хлеба сырую любовь* [Родина, с. 71]. Любовь, по мнению Шевчука, единственное, что остается, когда потеряно все: *Остались дожди и замерзшее лето. // Осталась любовь, и ожившие камни* [Последняя осень**]. *И если даже я на дне, любовь, подумай обо мне* [Любовь, подумай обо мне, с. 158].

Благодаря употреблению сравнительных, метафорических, контекстуально-антонимических конструкций, номинативное значение «любовь» трансформируется в разнообразные номинативно-производные, традиционно-символические и индивидуально-авторские смыслы, доминирующими из которых являются «жизнь», «чистота», «свет», «способность видеть», «чистый разум», «свобода»,

«способность чувствовать», «сердце», «партнер», «Бог», «гуманность», «человек», «стихия», «родное», «бескорыстный», «легкость бытия», «всепобеждающий», «бессмертная». Реже встречаем приращение значению негативных оттенков: *На любви только драные брюки да жестокий голодный взгляд* [Мама, это рок-н-ролл, с. 145]; *Оттаяло все: и любовь, и месь* [Беда, с. 83]. В последнем примере однородные члены предложения сближаются и семантически, что обусловлено экстралингвистическими факторами и идейной нагрузкой стихотворения.

Лексема НЕНАВИСТЬ, не будучи частой, в стихах Шевчука, как правило, встречается в одном контексте с лексемой ЛЮБОВЬ в качестве антонима: *Сталь ненавидит дерево, // Дерево ненавидит землю, // Земля ненавидит воду, // Вода ненавидит небо, // А небо любит всех нас* [Мне снилось, с. 163].

БЕЗРАЗЛИЧИЕ традиционно определяется как равнодушие, безучастное отношение к чему-либо [6, с.42], поэтому мы считаем возможным рассматривать вместе лексемы БЕЗРАЗЛИЧИЕ и РАВНОДУШИЕ. *Равнодушие лечит тех // Чья душа не болит* [Новые блокадники**]. С помощью олицетворения в данном примере выстроен алогизм «лечит того, кто не болен»; *Не виню равнодушных, сам грешен, // Слишком много на каждом проклять* [Изгой, с.127]. Значение лексемы «равнодушие» отягощается выстроенным рядом слов «равнодушие – грех – проклять».

Лексема ДОБРО в контексте данного исследования нас интересует в первом своем значении: нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное ЗЛУ [6, с. 169]. Лексемы *добро, доброта* и *зло, злость* довольно часты в поэтике Шевчука. Встречаясь в пределах одной синтагмы, они образуют антитезу: *Я злой как дьявол, и добрей // Я стану вряд ли как все мы* [Гляди пешком**]; *И разменяв добро на зло, как деньги старые на новые* [Правда на правду, с. 95]; *Оставляю зло и добро друзьям. Воюйте, это вам, прощайте, это вам* [В час, когда усну**].

Острая социальная реакция на окружающую действительность иногда заставляет поэта воспринимать добро как явление, не способное противостоять злу: *И зло на залином коне взмахнуло шашкою. // Добро, оно всегда без кулаков, трясло культяшками* [Правда на правду, с. 95]. Основное значение слова здесь посредством метафоры осложняется семами ‘бессильное’, ‘калека’, ‘ничтожное’, Зло же, наоборот, представляется активным, воинствующим субъектом. Персонифицируя зло, поэт наделяет его способностью быть голодным, находиться в постоянном поиске пищи для себя: *Полная луна, белая кожа, Зубы стучат, // Злу хочется есть* [Полная луна**].

Лексема *добро* вводится поэтом в текст с помощью разнообразных художественных приемов: *Наши души не в силах сидеть на диете, // Мы кормим их до тошноты, // И верим, что в каждом живом человеке // Наберем на стакан доброты* [Время, с. 45] – главный прием в создании образности этих стихов – метафора – *стакан доброты*; *Эй, домовые многоглазых зданий, // Как вас немного, добрые, осталось* [Стих**]. *Добрый* в этом контексте соотносится, исходя из общей нагрузки фразы, со значением «родной». Христианская направленность поэзии Шевчука подчеркивает божественную сущность добра: *Вперед, Христос, мы за тобой // Наполним небо добротой* [Наполним небо добротой**]; современным земным людям, наоборот, добро не свойственно: *Здесь от павших нет худа, от живых добра* [Интервью, с. 120]. *Революция, ты научила нас // Верить в несправедливость добра* [Революция, с. 88]. В последнем примере несвойственное для слова *добро* определение *несправедливое* продиктовано экстралингвистическими факторами: поэт оценивает революцию как нечто абсурдное, несвойственное человеку.

Лексема ЖЕСТОКОСТЬ довольно редко встречается в стихах Шевчука и выражения ее не сопровождаются яркой образностью.

Кроме слов, которые называют эмоции прямо, т. е. ассоциативно-эмотивных слов, рок-поэзия всегда оперировала огромным массивом лексем, выражающих чувства опосредованно. В своих основных значениях такие лексемы принадлежат другим ЛСП и характеризуются наличием семы, соотносящей их с ЛСП «Чувство». Приведем примеры тех лексем, элементы значения которых опосредованно, варьируясь и преобразовываясь под влиянием контекста, входят в структуру ЛСП «альтруистические эмоции». Обширную группу таких лексем можно охарактеризовать общим названием «религиозные понятия и ритуалы»: «Бог», «ангел», «душа», «сердце», «святой», «голубь мира», «молитва», «свеча», «память», «отпевание», «невеста», «поминки», «цветы», «объятья»: *Наши Бог всегда всех нас поймет, // Грехи отпустит, боль возьмет* [Наполним небо добротой**]; *Всех святых распяли черти, Бог – он видно – выходной* [Небо на земле**]; *Что Бог подарил эту жизнь совершенно бесплатно* [Герой**]; *Что принёс благие вести белый ангел на крыле // Все мы, на перине – вместе строим небо на земле* [Небо на земле**]; *Дождь очистил все, и душа, захлопав, вдруг размокла у меня* [Дождь, с. 17]; *Заболел я душой, что вернулась ко мне* [Белая ночь с. 98]; *Чтоб душа, вздремнув немного, // Снова к дому собиралась...* [Я зажег в церквях все свечи, с. 86]; *Понимающее сердце носит хлеб в худых карманах // По заснеженному полю ищет пепел дорогого* [Понимающее сердце**]; *Не трагичен мир – печален я, // А сердце мое, а сердце мое!* [Пластун, с. 69]; *Посмотри как носится смешная и святая детвора* [Дождь, с. 17]; *Генерал Пацифистов ковыряет на мундире помёт, Не боится герой, что голубь мира его не поймёт* [Депутат Проккопенко**]; *Ты как обычно стоишь в углу, и молишься за меня* [Черно-белые танцы, с. 118]; *С нами память сидит у стола, А в руке ее пламя свечи* [Это все**]; *И не нужен мне серый гранит // Твоя память ведь все сохранит // Эта память как пламя свечи в ночи* [Ночь**]; *Облаками окутавши плечи, // Мать-гроза отпевала его* [Бродяга, с. 125]; *Была я невеста, прекрасная дама. Душа моя рядом стояла и пела, Но люди, не веря, смотрели на тело* [Вороны, с. 85]; *Давай же помянем мы счастливых парней // Ушедших вперед, растворившись в пурге* [Безжизненный край**]; *И забыв твое имя, приносят цветы, // Туда, где ты всех победил, стал абсолютно счастливым* [Герой**]; *Обними же нас, бабуля Вера, // Протяни свои руки седые,* [Российское танго с. 93]; *И упав между нами. Так недолго любимых // Разбил он объятья, как простое стекло* [Ветер, с. 100]. Из семантики лексемы объятья в данных примерах актуализируются семы 'ласка', 'любовь', соотнося значение всей лексемы с альтруистическими эмоциями. Особняком стоит лексема человек, обозначающая в словосочетании «сделать человеком» высокоморальное, гуманное существо: *Разливают страну, кто ж закуска братцы? // Как их сделать людьми? Дайте им на водку* [Интервью, с. 120].

Альтруистические семы присущи также лексемам с этической семантикой совесть, вина, надежда, чувства: *И когда кто-нибудь вспоминал о войне, // Он топил свою совесть в тяжелом вине* [Не стреляй!, с. 18]; *Что б кроме совести моей со мной никто // Не смог бы справиться достаточно легко* [Компромисс**]; *Если кому-то доставив страданье, // Ты за собой не признаешь вины, ...То все хорошо!* (ирон.) [Все хорошо, с. 21]; *Что вернет нам надежда? // Что спасет красота?* [Рожденный в СССР**]; *Дай разуму свободы, дай чувствам не истлеть* [Прекрасная любовь**].

Иногда для передачи альтруистических эмоций автор использует слова тепло, нежность: *Где ты, я под простой, да не скошенной крышей // Ищем друг в друге тепло* [Ветер, с. 100]; *И в твоём стеклянно нежном взгляде // Не могу най-*

ти былой покой. [Сижу на жестком табурете**]; В тысячах спален каждое утро, // **Нежно** соя, расплетаются пальцы [Дом, с. 38].

Безусловно, особое место среди слов с альтруистическими оттенками занимает лексема **друг**: *Не так уж страшно умирать, // Когда вокруг **друзья** и мать* [Привет М**]; *И живы мы, пока **друзья** // Стоят всегда за нас стеной* [Наполним небо добротой**].

Астенический вариант альтруистических эмоций выражается в лексемах *враг, война, стрелять* и др.: *На кладбище старом // Где воскресали **враги** // Я кое-что понял, // Встав с левой ноги* [Рожденный в СССР**]; *Не **стреляй** в воробьев, не **стреляй** в голубей, // Не **стреляй** просто так из рогатки своей* [Не стреляй!, с. 18]; *В тебя целятся, но не хотят **стрелять** // Мы стоим столько, сколько можем отдать* [Герой**]; *Все идет своим чередом – **войны** на свалку, нам хочется **мира***. [Все идет своим чередом**]; *Трон лжи не устоял, бежал в испуге **ворог*** [Прекрасная любовь**].

Таким образом, выстраивая полевую структуру наименований альтруистических эмоций с точки зрения частоты их употребления в речи, необходимо в ядро поля поместить те ассоциативно-эмоциональные слова данной группы, которые употребляются чаще остальных, к околоядерной зоне будут относиться слова со значением «альтруистические эмоции», употребляемые реже, на периферии будут находиться слова с эмоциональными семами, относящиеся к другим ЛСП.

Проведенный нами анализ позволяет к **ядру** поля «альтруистические эмоции» отнести лексемы *любовь* и *доброта*, так как именно данные лексемы чаще остальных встречаются в поэзии Ю. Шевчука. Кроме того, их употребление практически всегда сопровождается яркой образностью. В **околоядерную зону** входят лексемы *жалость, злость, ненависть, безразличие, равнодушие, безжалостность, жестокость* в связи с тем, что их употребление в текстах песен не так часто. **Периферию** исследуемого поля, по нашему мнению, образуют лексемы *Бог, ангел, душа, сердце, святой, голубь мира, молитва, свеча, память, отпевание, невеста, поминки, цветы, объятья, совесть* и некоторые др.

Подводя итоги, следует отметить, что такая расстановка лексем внутри ЛСГ «альтруистические эмоции» обусловлена экстралингвистическими факторами: общей идейной направленностью рок-поэзии, и поэзии Шевчука в частности. Обобщив все темы и проблемы, к которым обращается поэт, можно выделить основную идею его творчества – идею движения от реального мира к идеальному со всеми вытекающими последствиями: ложными ходами, тупиками, замедлениями, прорывами и т. д. Философско-христианская позиция Юрия Шевчука отразилась в доминирующих чертах его поэтики, которую можно характеризовать как поэтику предельности, движения и поиска. Именно христианские взгляды поэта, по нашему мнению, обуславливают наивысшую частоту употребления лексем *любовь* и *доброта* в текстах его песен. С помощью метафор, сравнений, гипербола, антитез поэт очень эффективно вводит в художественную речь слова со значениями эмоций. Также необходимо отметить, что русская рок-поэзия, и поэзия Ю. Шевчука в частности, является благодатной почвой для дальнейших лингвистических исследований эмоциональной лексики вследствие обилия нестандартных приемов выражения чувств и высокой художественности текстов.

Библиографические ссылки

1. **Беспалова Ю. В.** Лінгвостилістичний потенціал лексики мовленнєвої дії у художньому тексті (на матеріалі творів О. І. Купріна та В. В. Вересаєва) : авторефер. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / Ю. В. Беспалова. – Дніпропетровськ, 2002. – 19 с.

2. **Вальран В. Н.** Ленинградский андеграунд : живопись, фотография, рок-музыка / В. Н. Вальран. – СПб. : Изд-во имени Н. И. Новикова, 2003. – 79 с.
3. **Кириленко Т. С.** Психологія : емоційна сфера особистості : навч. посібник. / Т. С. Кириленко. – К. : Либідь, 2007. – 256 с.
4. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал, 2000. – 350 с.
5. **Кузнецов А.** На второй мировой поэзии... // Золотое десятилетие рок-поэзии: Поэзия / сост. Дидуров А. – М. : Молодая гвардия, 1992. – С. 3–9.
6. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
7. **Половинко О. О.** Лінгвістичні та екстралінгвістичні фактори наповнення семантичних полів у сучасній російській літературній мові : авторефер. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова» / О. О. Половинко. – Дніпропетровськ, 2006. – 25 с.
8. **Попова З. Д.** Лексическая система языка : Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176 с.
9. **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.
10. **Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
11. **Энциклопедический словарь юного литературоведа** / сост. В. И. Новиков. – М. : Педагогика, 1988. – 416 с.

Источники поэтических текстов

- * – **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.
- ** – Данная цитата стихотворения Ю. Шевчука – результат авторской расшифровки аудиоальбома группы ДДТ и Ю. Шевчука.

Надійшла до редколегії 10.02.11

УДК 821.111'253

V. V. Yashkina

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

EMILY DICKINSON'S POETRY TRANSLATIONS IN COMPARISON

Досліджено деякі особливості перекладів поетичних творів відомої англомовної поетеси Емілі Дікінсон, вивчено можливі шляхи досягнення перекладацької адекватності.

Ключові слова: переклад, перекладацька адекватність, еквівалентність перекладу, літературний переклад.

Изучены некоторые особенности переводов стихотворений известной англоязычной поэтессы Эмили Дикинсон, рассмотрены потенциальные способы достижения адекватности при переводе.

Ключевые слова: перевод, переводческая адекватность, эквивалентность перевода, литературный перевод.

Definite peculiarities of Emily Dickinson's poetry translations are studied; possible ways of achieving adequacy are discussed.

Keywords: translation, adequacy, equivalence, literary translation.

The more translations come to being the more discussions start. At the same time, the theory of translation is a relatively young science. Taking this fact into consideration it should be mentioned that the topicality of the chosen theme is obvious on the account of the fact that the theory of translation has not been finally formed and, in addition, Emily Dickinson's art is not widely covered by the scientists of our country. Consequently the aim of the research was to study the specific character and the problems of English language poetry translation on purpose of Emily Dickinson's poetry translation adequacy analysis.

During the process of theoretical aspects of translation studying it was found out that, the theory of literary translation, as a science, does not possess vividly defined scope. That is why making one of the most difficult types of translation, namely literary translation of poetic works, a translator may face a number of difficulties. These difficulties are caused by the difference in the structure of the English, Russian and Ukrainian languages. For example English does not have gender endings of case and verbal inflexions, or one and the same word may be used as a noun, an adjective or even an adverb, plural form is created, as a rule, without syllable addition. At the same time for Russian and Ukrainian languages it is not typical to use the indefinite and definite articles while the usage of personal pronouns is not obligatory [1, p. 38].

The difficulties of literary translation are also caused by the difference in the length of the original and translation language models, the accurate forms of versification and the difference in the perception of these or those images, specifically words with the help of which they are created in this or that language. A translator must not only perfectly know the languages of the origin and the translation, but also understand the context of the poem creation [4, p. 85]. Thus, it should be mentioned that even stated above requirements to the translator are not enough for the creation of a high quality literary translation.

Traditionally three types of written translation are distinguished:

1. Word-for-word translation. It is the translation of foreign text words in the order they are given in the text without taking into consideration their syntactical or logical relations.
2. Literal translation aims to reproduce the idea of the source text saving syntactical constructions and lexical content.
3. Literary translation. This type of translation reproduces the ideas of the origin in the form of literary language and results in a great number of discrepancies.

Literary translation is the reproduction of the origin by means of another language saving the unity of content and form.

The main question of the theory of translation can be put in such a way: whether it is possible or not to reproduce accurately the ideas in one language expressed by means of the other language. There are two opposite viewpoints concerning this question:

The main question of the theory of translation can be put in such a way: whether it is possible or not to reproduce accurately the ideas in one language expressed by means of the other language. There are two opposite viewpoints concerning this question. The first is known as Untranslatable in Translation Theory. According to this theory the translation of full value from one language to another is totally impossible as a result of considerable difference between various languages expressive means. V. Gumbolt was the first who proclaimed this idea. The other point of view, which was stated by P. Chesnokov and B. Uorf, says that any developed national language is sufficient for full-fledged reproduction of thoughts in another language [3, p. 17].

Among all numerous types of translation, undoubtedly, poetical translation is the most difficult and the most responsible. G. Gachichiladze singles out the following differences between the prose and poetry translation:

- poetry has a strict composition, poetry language is rather metaphorical and as a result it is difficult to find translational equivalents;
- it is difficult to find metrical equivalents;
- there is a problematic reproduction of rhymes [2, p. 90].

For saving the poetical image it is essential to save metre and rhythm of the origin. Rhythm depends on the number of syllables, interchange of stressed and unstressed syllables and the structure of the language. That is why the length of the word is of great importance, because it is conditioned by rhythm and metre. Taking into consideration the facts mentioned above, the conclusion can be made that it might be impossible to reproduce the rhythm and metre accurately. The preservation of rhyme is essential for showing the peculiarities of the author's style. The translator may have a number of difficulties because male rhyme, which is typical for the English poetry, looks inaccurate for Russian or Ukrainian female rhyme.

Talking about the poetry translation we should also mention such notions as equivalence and adequacy of translation. Translation equivalence is defined as a measure of semantic similarity between the source text and the target text. The degree of this similarity may vary. V. Komissarov distinguishes five levels of equivalence: the level of communicative goal, of the situation, of message, of utterance and of signs. The goal of adequate translation is the conveyance of content and form of the original by means of the foreign on the maximum level of equivalence.

Translational transformation is the basis method of the translation adequacy achievement. It is the change of formal or sentimental components of the source text saving the information assigned for reproduction.

The common classification of transformations does not exist. N. Fitermann and M. Levizka single out grammatical, lexical and stylistic transformations. I. Rezker, on the contrary, singles out only two types of transformation: grammatical and linguistic. L. Barhudarov reduces all translation transformations to four elementary types: rearrangement, replacement, addition, omission.

The goal of adequate translation is the conveyance of content and form of the original by means of the foreign on the maximum level of equivalence. Poetry, in contrast to prose, by its nature submits special rules, has specific form, which a translator has to follow. Sometimes this task stays unreached, because any poet has specific, common only for him, the system of images and the language, with the help of which he creates it. As long as complete preservation of the poem form is not always possible and sometimes even not desirable, the adequacy of the translation depends on the ability of the translator to single out the main images in the poem. Also it should be mentioned that making the poetical translation, the main demands to the adequate translation also take place.

These demands are the following ones: accuracy, brevity, lucidity and literacy [5]. In that way, poetical translation submits general basic theory of literary translation, on which the art of a translator is based – preservation of the substantial images and the adequate replacement of some elements according to the literary reality of the origin.

The carried out analysis has shown that translation can have conditional changes, in comparison with the origin, and these changes are completely essential and reasonable if the aim is creation of similar to the origin unity of form and content on basis of the another language, but the adequacy of translation depends on the number as well as on the type of these changes.

The practical analysis confirmed that as a result of a great difference among the listed above aspects of the English, Russian and Ukrainian languages the complete preservation of form and images of the poetic work is not always possible. That is why translators always face the choice, as a result of which they have either to change the poem size in order to save its main idea or to «distort» its sense for accurate reproduction of form. Choosing between the form and the system of images, on the first place stands the system of images, because exactly into it is put the author's main idea and neglecting of it is not acceptable. Taking this into consideration, the majority of translators save, first of all, the profundity of the author's philosophic idea and only after that the poem's structure.

Comparative analysis is in an important method of translation research. Emily Dickinson's poems should be studied as the unity of content and form, they require attentive and sensitive reading and understanding. During the research such poems as «I died for Beauty», «The Sky is low», «My life closed twice», translated by A. Gavrilov, V. Markova, T. Kazakova, E. Linezka, L. Sitnik and A. Kudryavizkiy, were analyzed.

One of the peculiarities of Emily Dickinson's style was emphasizing of words and ideas with the help of the capital letter. The analysis has shown that not all translators followed it accurately (for example, A. Gavrilov, V. Markova, A. Kudryavizky), while L. Sitnik and T. Kazakova did not emphasize any word with the help of the capital letter. By doing that the translators have misrepresented the poems' images (Table 1).

Table 1

«I Died For Beauty»	
<i>E. Dickinson:</i> «Beauty», «Tomb», «One», «Truth», «Room», «Brethren», «He», «Kinsmen», «Night», «Moss».	<i>A. Gavrilov:</i> «Красота», «Правда».
«The Sky Is Low»	
<i>E. Dickinson:</i> «Sky», «Clouds», «Traveling Flake», «Snow», «Barn», «Rut», «Narrow Wind», «Day», «Us», «Diadem».	<i>V. Markova:</i> «Небо», «Туча», «Ветер», «Диадема».
«My Life Closed Twice»	
<i>E. Dickinson:</i> «Immortality».	<i>A. Kudryavitsky:</i> «Завеса», «Вечность», «Рай», «Ад».

If we look at the metre of the analyzed poems we can single out that all of them are written with the help of iambic metre. All translators, except V. Markova and L. Sitnik save this form in their translations, while the mentioned translators use free verse, which was quite popular in the 20th century (Table 2).

Table 2

«I Died For Beauty»	
<i>E. Dickinson:</i> iambic.	<i>A. Gavrilov:</i> iambic.
	<i>V. Markova:</i> free verse.
«The Sky Is Low»	
<i>E. Dickinson:</i> iambic.	<i>E. Linetskaya, T. Kazakova:</i> iambic.
	<i>V. Markova, L. Sitnik:</i> free verse.
«My Life Closed Twice»	
<i>E. Dickinson:</i> iambic.	<i>A. Kudryavitsky:</i> iambic.
	<i>V. Markova, L. Sitnik:</i> free verse.

From the point of rhythm all the translators use typical for Emily Dickinson model ABCB.

The examples of separate, successfully translated lines, showed that the accurate preservation of the content of origin is not rarely connected with the necessity of literal translation refusal, but the creation of adequate meaningful correspondence is essential. That is why in case of dilemma between the literal accuracy of the poem's form preser-

vation and the accuracy of its poetical content, if it is impossible to save both – the accuracy of the poetical content should be chosen. Talking about the adequacy of translation, it should be added that in the translations of some of analyzed poems translators not always followed one of the adequacy requirements – lucidity. This phenomenon can be seen in the translations of T. Kazakovoy «The Sky Is Low» and «My life closed twice» by V. Markova (Table 3).

Table 3

«I Died For Beauty»	
<i>E. Dickinson:</i> He questioned softly «Why I failed»? «For Beauty», I replied.	<i>A. Gavrilov:</i> «За красоту», – сказала я И поняла – он рад.
«The Sky Is Low»	
<i>E. Dickinson:</i> the Clouds are mean	<i>T. Kazakova:</i> нищесбродство туч.
«My Life Closed Twice»	
<i>E. Dickinson:</i> E. Dickinson: My life closed twice before its close	<i>L. Sitnik:</i> Я дважды скончаюсь, и перед концом.
<i>E. Dickinson:</i> So huge, so hopeless to conceive as these that twice befall	<i>V. Markova:</i> Огромное – не представить себе – в бездне теряется взгляд.

That is why, one should not forget that any translation should be creative only in the scope set by the origin, any addition to the author's thought or the image may distort the content of the origin.

During the comparative analysis of the Emily Dickinson's poetry translation it has been also found out that in separate cases the translators are maximally close to the unity of the content as well as to the form of the origin. For example, the translation of «I died for Beauty» by A. Gavrilov, «The Sky is low» by E. Linezkaya, «My life closed twice» by A. Kudravizkiy harmonically reproduce bright images characteristic for Emily Dickinson's art and the iambic form of the poems (Table 4).

Table 4

«I Died For Beauty»	
<i>E. Dickinson:</i> Until the Moss had reached our lips – And covered up -- our names –	<i>A. Gavrilov:</i> Шептались мы – покуда мхи Нам губ не оплели.
«The Sky Is Low»	
<i>E. Dickinson:</i> Nature, like Us, is some- times caught Without her Diadem.	<i>E. Linetskaya:</i> Как нас, Природу в затрапезе Застать совсем нетрудно.
«My Life Closed Twice»	
<i>E. Dickinson:</i> Parting is all we know of heaven, And all we need of hell.	<i>A. Kudryavitsky:</i> В Прощаниях есть сладость Рая, Но все же их придумал Ад.

In conclusion it should be said that it is not always possible to save all the peculiarities of the author's style and the poem's content. That is why it is essential for the translator to preserve the main image and idea which the author wanted to create and show to his readers. In addition, despite the variety of ideas concerning the problem whether literary translation is possible or not, new translations constantly appear giving us the unique opportunity to widen our mental outlook and enrich our culture.

References

1. **Бархударов Л. С.** Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – Вип. 21. – М., 1984. – С. 38–48.
2. **Гачечиладзе Г.** Стихосложение и поэтический перевод / Г. Гачечиладзе // Поэтика перевода. – М., 1988. – С. 88–100.
3. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. **Нелюбин Л. Л.** Переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М., 1999. – 427 с.
5. **Общие вопросы перевода.** – Режим доступа : http://www.philosoft.ru/_subsites/tcportal/perevod/tr01_1.htm.
6. **Emily Dickinson.** Poems. – Режим доступа : <http://www.mith2.umd.edu/WomensStudies/ReadingRoom/Poetry/Dickinson/>.

Надійшла до редколегії 08.02.11

ЗМІСТ

Амичба Д. П. «Грех» – «общечеловеческий» концепт-конструкт в ментальной образности абхазов, русских и украинцев.....	3
Андрейченко О. І. Метафора театру в сучасному політичному дискурсі: когнітивний аспект	9
Апоненко І. Н. Наименования персонажей в сказках 20–50-х годов XX века (на материале произведений Б. В. Шергина и С. Г. Писахова).....	15
Берестень Е. Е. Лингвостилистический анализ поэтических басен Г. Э. Лессинга.....	21
Вокальчук Г. М. Українська індивідуально-авторська неографія: стан і перспективи	27
Высоцкая Т. Н. Ономазиологические модели суффиксальных наименований технических артефактов горной промышленности	33
Гловацька О. Л. Аксіологічні особливості абстрактних іменників зі значенням негативності в староукраїнській мові (на матеріалі полемічного трактату Герасима Смотрицького « Ключ Царства небесного »).....	38
Глухова Л. О. Особливості метафоризації словосполучень концепту «державне життя» (на матеріалі англomовного політичного дискурсу)	42
Дьяконов Г. П. Лингвистическая комбинаторика в дискурсе барочных языковых обществ.....	48
Дьячок Н. В. Еще раз о моделях модификации номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб»	52
Заваруева И. И. Лексикографический портрет слова в электронных словарях	57
Закурдаева М. Ю. Об одной группе сложных колоративов в современном русском языке	62
Гльченко О. А. Медична й побутова лексика в політичному дискурсі преси ХХІ ст. (на матеріалі метафоричних словосполучень)	67
Комов О. В. Диференціація мовлення на чоловіче і жіноче.....	73
Куварова Е. К. Проблема лингвистической маркировки письма как послания и документа.....	80
Курмакаева Н. П. Поле безличности: модель и направления развития	87
Ляпичева Е. Л. Об одном методе обучения теории коммуникации как отражении новых подходов к её изучению	93
Мамрак А. В. Интуиция и категоризация как составляющие словообразовательной методологической парадигмы.....	98
Манякина Т. И. Переносно-образные суждения в афористике М. фон Эбнер-Эшенбах.....	104
Меньшиков И. И. Об одном типе составного сказуемого в современном русском языке	112
Попов С. Л. Стилистические характеристики фонетических и грамматических вариантов: тенденции кодификации	115

Пристайко Т. С. Новообразования в языке рекламы хайтек-товаров	122
Прутчикова В. В. Дискурсивні характеристики інтерперсональних відносин адресант–адресат	128
Руденко О. Э. Явление контаминации в сфере местоимений современного русского языка (на материале лексем <i>самый, сам, весь</i>).....	133
Serdechny Yu. V. Self-correction skills as part of efl students' autonomy	140
Сухобрус Л. С. Вопрос об утверждении в языке композитов-существительных иноязычного происхождения	147
Турута И. И. Особенности лексической сочетаемости компонентов современных составных эргонимов.....	152
Хабарова Н. А. Аксиологическая сущность лексических единиц в аннотациях к художественным произведениям (на материале русского языка)	159
Шатілова О. С. Проблема створення класифікації спонукальних конструкцій в українській мові (на матеріалі публіцистичних текстів початку ХХІ століття)	166
Яблонская Ю. Ю. Полевая структура ЛСГ «альтруистические эмоции» в поэзии Ю. Шевчука	172
Yashkina V. V. Emily Dickinson's poetry translations in comparison.....	180

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Випуск 17, том 1

Українською, російською, англійською мовами

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
Серія КВ № 7898 від 17.09.2003 р.

Редактор Л. В. Омельченко
Технічний редактор В. А. Усенко
Коректор Л. В. Омельченко

Підписано до друку 30.05.2011 р. Формат 70х1081/16. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 16,45. Обл.-вид. арк. 15,5. Ум. фарбовідб. 16,45.
Тираж 100 прим. Вид. № 1537. Зам. № .

Свідоцтво про держреєстрацію ДК-289 від 21.12.2000 р.

Видавництво Дніпропетровського національного університету,
49010, м. Дніпропетровськ, пр. Гагаріна, 72.
Друкарня ДНУ, 49050, м. Дніпропетровськ, вул. Наукова, 5.